

ОСНОВНОЕ

октябрь
1905

12

апрель
1906

ЛЕНИН

Свободное
ВРЕМЯ

ОСНОВНОЕ В ЛЕНИНИЗМЕ

УРОКИ
ПЕРВОЙ
РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

В этот том вошли работы Ленина, связанные с происходящими в это время событиями первой русской буржуазной революции.

- ВСЕРОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА;
- ПЕРВАЯ ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ;
- НИКОЛАЙ ЭРНЕСТОВИЧ БАУМАН;
- НАШИ ЗАДАЧИ И СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ;
- ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО;
- ВОЙСКО И РЕВОЛЮЦИЯ;
- СОЦИАЛИЗМ И АНАРХИЗМ;
- СОЦИАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ;
- ЭТАПЫ, НАПРАВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕВОЛЮЦИИ;
- БОЙКОТИРОВАТЬ ЛИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ?
- ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОБЩЕГОРОДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП;
- РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА;
- ПЕРЕСМОТР АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ;
- ПОБЕДА КАДЕТОВ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ;
- ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД РСДРП.

Берлетов Валерий Вячеславович

Инженер по специальности космические летательные аппараты и разгонные блоки. Окончил МАИ. Факультет прикладная механика. Участник группы Свободное время.

svremya.su
dzen.ru/svremya
vk.com/svobodnoev
Telegram @SVremya

Купить и скачать

Видео

ОСНОВНОЕ В ЛЕНИНИЗМЕ ТОМ XII

Октябрь 1905 ~ апрель 1906

Печатается по Полному собранию сочинений
В. И. ЛЕНИН, том 12, изд. 5-е

2024

УДК 323.4
ББК 63.3-28
Л-45

ОСНОВНОЕ В ЛЕНИНИЗМЕ

Октябрь 1905 ~ апрель 1906
ТОМ XII

Ленин В. И.
Л-45 Основное в ленинизме (июль ~ октябрь 1905) : в 45 т. –
Санкт-Петербург: Издатель Англинова Л. Н., 2024. – Т. 12.
– 320 с. (Сер. «Основное в ленинизме»)
ISBN 978-5-6052931-0-1 (Т. 12)

Двенадцатый том серии «Основное в ленинизме» в большей степени посвящён анализу событий и явлений, связанных с первой русской буржуазной революцией, событий конца 1905 – начала 1906 годов. Ленин последовательно продолжает революционно-марксистский курс, разъясняет пролетариату важность революционной борьбы и вооружённого восстания, разоблачает буржуазную и контрреволюционную деятельность других партий.

ISBN 978-5-6052931-0-1 (Т. 12)
ISBN 978-5-6047058-2-7

9 785605 293101 >

Сообщить об опечатке

© Группа «СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ», 2024
© Удовиченко М. С., составитель, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

В двенадцатый том серии «Основное в ленинизме» вошли произведения, написанные в самый разгар первой буржуазно-демократической революции в России (октябрь 1905 — апрель 1906).

Этот период характеризуется мощнейшим стачечным движением по всей России, проходят многочисленные демонстрации, которые зачастую перерастают в вооружённые столкновения с полицией, крестьянские восстания получают новый импульс и охватывают всё новые регионы империи. Всеобщая стачка в Москве превратилась во всероссийскую и показала организационную силу сплочённого пролетариата, что заставило правительство пойти на уступки и издать царский манифест 17 (30 октября) 1905 года с обещанием гражданских свобод, и созданием законодательной думы. Ленин высоко оценивает успехи пролетариата и тактику партии, которая позволила их достичь, но в то же время призывает пролетариат продолжать борьбу и не верить обещаниям властей, помнить о том, что свергнуть царизм можно только путём вооружённого восстания. Большевики методично готовили вооружённое восстание и в начале декабря 1905 года произошло московское вооружённое восстание на Пресне и в других районах Москвы, вслед за московским, восстания вспыхнули и в других районах России, в Польше, Прибалтике, Финляндии, однако они были жестоко подавлены. По итогам этих событий Ленин пишет статью «Уроки московского восстания», где подводит итоги и анализирует ошибки.

Это также период зарождения Советов рабочих депутатов в крупных промышленных центрах, Советы быстро стали центрами революционной борьбы. Ленин мгновенно увидел большой потенциал и великое будущее Советов и писал об этом в статьях, вошедших в этот том.

Владимир Ильич продолжает революционно-марксистскую линию, отличную от буржуазной, на стороне которой стояли меньшевики. Этому, а также другим важным вопросам, в том числе аграрному, он посвятил свои выступления на IV Съезде в апреле 1906 года в Стокгольме. Контрреволюционную сущность и нежизнеспособность либерально-монархической буржуазии он разбирает в брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии».

Рекомендуем к прочтению также статью «Социализм и религия», в которой Владимир Ильич высказался об отношении партии к религии и о важности пропаганды научных знаний.

Редакторская группа серии «Основное в ленинизме»
«СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ»
Москва, 2024

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА

Женева, 26 (13) октября.

Барометр показывает бурю! — Так заявляют сегодняшние заграничные газеты, приводя телеграфные известия о могучем росте *всероссийской политической стачки*.

И не только барометр показывает бурю, но всё и вся сорвано уже с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска. Революция идёт вперёд с поразительной быстротой, развёртывая удивительное богатство событий, и если бы мы захотели изложить перед нашими читателями подробную историю последних трёх-четырёх дней, — нам пришлось бы написать целую книгу. Но писать подробную историю мы предоставим грядущим поколениям. Перед нами захватывающие сцены одной из величайших гражданских войн, войн за свободу, которые когда-либо переживало человечество, и надо торопиться жить, чтобы отдать все свои силы этой войне.

Буря разразилась, — и какими мизерными кажутся теперь либеральные и демократические речи, предположения, гадания и планы относительно Думы! Как устарели уже — за несколько дней, за несколько часов — все наши споры о Думе! Некоторые из нас сомневались в том, под силу ли революционному пролетариату сорвать эту гнусную комедию полицейских министров, некоторые из нас боялись говорить со всей смелостью о бойкоте выборов. А вот выборы ещё не везде начались, и одно мановение руки зашатало карточную постройку. Одно мановение руки заставило не либералов только и не трусливых освободенцев, заставило г. Витте, этого главу нового «либерального» царского правительства, говорить (правда, пока ещё только *говорить*)

о реформах, подрывающих все хитросплетения всего булыгинского фарса.

Эта рука, мановение которой произвело переворот в вопросе о Думе, есть рука российского пролетариата. «Все колёса останавливаются, — говорит немецкая социалистическая песня, — когда того захочет твоя могучая рука». Теперь эта могучая рука поднялась. Наши указания и предсказания о великом значении политической массовой стачки в деле вооружённого восстания блестяще оправдались. *Всероссийская политическая стачка* охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в героическом подъёме самого угнетённого и самого передового класса *все народы* проклятой «империи» Российской. Пролетарии всех народов этой империи гнёта и насилия выстраиваются теперь в одну великую армию свободы и армию социализма. Москва и Петербург поделили между собой честь революционного пролетарского почина. Забастовали столицы. Бастует Финляндия. Остзейский край с Ригой во главе присоединился к движению. Геройская Польша снова уже встала в ряды стачечников, точно издеваясь над бессильной злобой врагов, которые мнили разбить её своими ударами и которые только ковали крепче её революционные силы. Встаёт Крым (Симферополь) и юг. В Екатеринославе строятся баррикады и льётся кровь. Бастует Поволжье (Саратов, Симбирск, Нижний), разгорается стачка и в центральных земледельческих губерниях (Воронеж), и в промышленном центре (Ярославль).

И во главе этой многоязычной, многомиллионной рабочей армии встала скромная делегация союза железнодорожных служащих. На сцену, где разыгрывались политические комедии господами либералами с их высокопарно-трусливыми речами к царю, с их ужимками по адресу Витте, — на эту сцену ворвался рабочий и предъявил новому главе нового «либерального» царского правительства, г-ну Витте, свой *ультиматум*. Делегация железнодорожных рабочих не пожелала дожидаться «мещанской управы», Государственной думы. Делегация рабочих не стала даже тратить дорогого времени на «критику» этой кукольной комедии. Делегация рабочих подготовила сначала *критику делом* — политическую стачку — и тогда заявила министру-клоуну: решение может быть только одно, созыв учредительного собрания на основе всеобщего и прямого избирательного права.

Министр-клоун говорил, по меткому выражению самих железнодорожных рабочих, «как настоящий чинодрал, вилия как всегда, не давая ничего определённого». Он обещает указы о свободе печати, отвергая всеобщее избирательное право; учредительное собрание «теперь невозможно» — выразился он, судя по заграничным телеграммам.

И делегация рабочих объявила всеобщую стачку. Делегация рабочих пошла от министра в университет, где происходят политические собрания с десятком тысяч участников. Пролетариат сумел воспользоваться трибуной, предоставленной ему революционным студенчеством. И на первых в России массовых, систематических, свободных политических собраниях во всех городах, в школах, на заводах, на улицах обсуждается ответ министра-клоуна, говорится о задаче решительной вооружённой борьбы, которая сделает «возможным» и *необходимым* созыв учредительного собрания. Заграничная буржуазная печать, даже самая либеральная, с ужасом бормочет о тех «террористических и мятежных» лозунгах, которые провозглашают ораторы свободных народных собраний, как будто бы правительство царя не вызвало само всей своей политикой угнетения необходимость и неизбежность восстания.

Восстание близится, оно вырастает на наших глазах из все-российской политической стачки. Назначение министра-клоуна, уверяющего рабочих, что всенародное учредительное собрание «теперь» невозможно, показывает ясно подъём революционных сил и упадок сил царского правительства. Самодержавие *уже* не в силах открыто выступить против революции. Революция *ещё* не в силах нанести решительного удара врагу. Это колебание почти уравновешенных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессий к уступкам, к законам о свободе печати и свободе собраний.

Вперёд же, к новой, ещё более широкой и упорной борьбе, чтобы не дать опомниться врагу! Пролетариат сделал уже чудеса для победы революции. Всероссийская политическая стачка страшно приблизила её победу, заставив врага заметаться в предсмертном ужасе. Но нами сделано ещё далеко, далеко не всё, что мы можем сделать и должны сделать для окончательной победы. Борьба подходит, но ещё не подошла к настоящей развязке.

Рабочий класс поднимается, мобилизуется, вооружается именно теперь в невиданных раньше размерах. И он снесёт, наконец, целиком ненавистное самодержавие, прогонит всех министров-клоунов, поставит *своё* временное революционное правительство и покажет всем народам России, как «возможно» и как необходимо именно «теперь» созвать действительно всенародное и действительно учредительное собрание.

***«Пролетарий» № 23, 31 (18) октября 1905 г.
Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью***

*Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь
Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер*

РАВНОВЕСИЕ СИЛ

1) Итог до сих пор [30 (17) октября, понедельник] — равновесие сил, как мы указали уже в № 23 «*Пролетария*».

2) Царизм *уже не* в силах, — революция *ещё не* в силах победить.

3) От этого громадные колебания. Страшное, гигантское усиление революционных явлений (стачки, митинги, баррикады, комитеты общественной безопасности, полная парализация правительства etc.) — с другой стороны, отсутствие решительной репрессии. *Войска колеблются.*

4) Двор колеблется («Times» и «Daily Telegraph»): диктатура или конституция. Двор колеблется и *выжидает*. Собственно, это правильная тактика с его стороны: равновесие сил заставляет выжидать, *ибо власть в их руках.*

Революция дошла до такого момента, когда *контрреволюции нападать, наступать невыгодно.*

Для нас, для пролетариата, для последовательных революционных демократов, *этого ещё мало.* Если мы не поднимемся ещё ступенью выше, если мы не осилим задачи самостоятельного наступления, если мы не слошим силы царизма, не разрушим его фактической власти, — тогда революция будет половинчатая, тогда *буржуазия за нас проведёт рабочих.*

5) Слух, будто решена *конституция*. Если да, тогда царь, значит, учитывает уроки 1848 года и других революций: *без* учредительного собрания, *до* учредительного собрания, *помимо* учредительного собрания *даровать* конституцию. Какую? В лучшем (для царя) случае = кадетскую.

Значение этого: осуществление идеала конституционалистов-демократов, перескакивание через революцию. Обман народа, ибо полной и реальной свободы выборов *всё же не будет.*

Не перескочить ли революции через эту *пожалованную* конституцию?

Написано 17 (30) октября 1905 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в Ленинском сборнике V

Печатается по рукописи

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

ПЕРВЫЕ ИТОГИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГРУППИРОВКИ

Помещённый нами в предыдущем номере отчёт о конференции социал-демократических партий и организации России даёт возможность подвести некоторые, хотя бы первоначальные, итоги по вопросу о современной политической группировке. Конференция социал-демократических партий и организаций (РСДРП — ЦК, Бунд, Латышская СДРП, Польская С-Д и революционная Украинская партия) приняла единогласно тактику активного бойкота по отношению к Государственной думе. Необходимость усиленной агитации против Государственной думы в прямом значении слова, необходимость агитировать против всех партий, допускающих участие в Государственной думе, наконец обязательность подготовки вооружённого восстания признаны теперь, можно сказать без преувеличения, всей революционной социал-демократией независимо от национальных различий. Основы той тактики, которую принял ЦК РСДРП и которую мы защищали в «Пролетарии», начиная с № 12 нашей газеты, т. е. в течение уже 2½ месяцев, стали теперь основами тактики почти всей социал-демократии в России, за одним печальным исключением.

Этим исключением, как известно читателю, является «Искра» и «меньшинство», отколовшееся от РСДРП. «Организационная комиссия» — его практический центр — была представлена на конференции. Как вотировал её делегат, мы не знаем, но факт тот, что Организационная комиссия отказалась подписаться под резолюцией конференции. Этого и надо было ожидать после принятия Южной «учредительной» конференцией новоискровцев крайне неразумной и, по принципиальному её значению, оппортунистической резолюции о Государственной думе, подробно разобранной нами в № 21 «Пролетария» (См. статью «Последнее

слово «Искровской» тактики или потешные выборы...» в томе 11 серии «Основное в Ленинизме». *Ред.*).

Политическая группировка, таким образом, вполне наметилась. Вопрос об отношении к Государственной думе вызвал едва ли не впервые совместное обсуждение политической тактики оппозиционными и революционными партиями, легальной и нелегальной печатью. Это был громадный шаг вперёд, по сравнению с предыдущим периодом движения. Прежде целая пропасть отделяла оппозицию от революционеров, легальную работу от нелегальной. Теперь движение так гигантски ушло вперёд за какие-нибудь десяток месяцев, что пропасть в значительной части оказалась засыпанной: «легальная» оппозиция была поднята революционной борьбой на гребень волны, почти до признания факта революции. Прежде мы, собственно говоря, и не могли спорить с представителями легальной оппозиции о тактике, о поведении политических партий, ибо и партий-то кроме революционных, нелегальных не было, ибо «политическая деятельность» вся сплошь совпадала с деятельностью «политических преступников», если оставить в стороне «деятельность» самодержавия и его слуг. Теперь Государственная дума сделалась естественно и неизбежно предметом обсуждения всей массы народа, всех оттенков, направлений и партий. Революционная борьба пробила дорогу революционной дискуссии и в легальную печать, и в земские собрания, и в студенческие сходки, и в массовые рабочие митинги.

Дискуссию по вопросу о том, как отнестись к Государственной думе, начали едва ли не первые земцы и радикальная интеллигенция, наиболее заинтересованные непосредственно в царской подачке и наиболее осведомлённые о ней ещё до издания манифеста 6-го августа.

6 (19) августа 1905 года были опубликованы царский манифест, закон об учреждении Государственной думы и положение о выборах в неё. Дума получила название булыгинской по имени министра внутренних дел А. Г. Булыгина, которому царь поручил составить проект Думы. *Ред.*

А затем эта дискуссия перешла во всю политическую печать России, как свободную, т. е. нелегальную, договаривавшую все свои доводы и все свои лозунги до конца, так и в легальную, писавшую эзоповским языком за бойкот и свободно против бойкота.

Политическая группировка, этот предвестник размежёвки политических партий и классов всех народов России, стала складываться именно по вопросу о бойкоте. Идти в Думу или не идти? Срывать Думу или принять Думу? Бороться ли в Думе, на почве Думы или вне Думы, помимо Думы, против Думы? — так встал вопрос неизбежно и перед привилегированной кучкой избирателей и перед «бесправной» массой народа. И вот, по этому вопросу, который решался, конечно, с тысячи различных точек зрения и с тысячами всяких вариантов и «особых мнений», имеются теперь *сводные результаты* того «опроса» общественного мнения, который даётся всей печатью и всей суммой заявлений всех политических организаций, политических собраний, сходов и т. д.

Эти сводные результаты таковы:

Три основных типа взглядов на Думу выступают выпукло, в полном соответствии с тремя основными и главными социальными силами происходящей революции: взгляды *черносотенский* (самодержавие), *либеральный* (буржуазия) и *революционный* (пролетариат). Черносотенцы ухватились за Думу, как за лучшее и, пожалуй, единственно возможное, даже единственно мыслимое средство отстоять самодержавие. Либералы раскритиковали Думу и приняли Думу, влекомые с неодолимой силой к путям легальным и к соглашению с царём. Революционный народ, с пролетариатом во главе, заклеил Думу, провозгласил активный бойкот её и показал уже на деле своё стремление превратить этот активный бойкот в вооружённое восстание.

На этих трёх основных типах стоит несколько поподробнее остановиться.

Что касается черносотенцев, то можно было ожидать (и такое ожидание выражали люди, склонные взять Думу всерьёз — даже, если не ошибаемся, и искровцы), что сторонники самодержавия будут прямо или косвенно сочувствовать бойкоту или абсентеизму, как выражается нередко наша рабья печать. Пускай, дескать, бойкотируют: нам же лучше, цельнее и чище будет черносотенский состав Думы. И так как в России есть консервативные органы, способные травить царских министров за чрезмерный либерализм, способные фрондировать против «слишком слабого» правительства, то подобный взгляд вполне мог бы найти себе такое же и даже более ясное выражение, чем

многие взгляды конституционалистов. Но тут и сказалась ошибка людей, взявших Думу всерьёз и заговоривших о борьбе на почве Думы, о поддержке борьбы в Думе и пр. и т. п. Тут и оказалось сразу, что самодержавие страшно нуждается в легальной думской оппозиции, страшно боится бойкота. Почему? Очень просто: потому, что полная невозможность управлять страной без сделки хотя бы с частью буржуазии, как класса, обнаружилась несомненно. Без сделки с правым крылом буржуазии нельзя управлять страной, нельзя достать денег, нельзя дольше жить. Как ни азиатски-дико наше самодержавие, как ни много в нём допотопного варварства, консервированного в необыкновенно чистом виде в течение веков, а всё же самодержавное правительство есть правительство капиталистической страны, связанной тысячами неразрывных нитей с Европой, с международным рынком, с международным капиталом. Зависимость самодержавия от буржуазии вся Россия есть самая сильная материальная зависимость, которая может быть прикрыта сотнями средневековых пристроек, которая может быть ослаблена миллионами единоличных или групповых придворных подкупов (чинами, местами, концессиями, подачками, побрякками и пр., и пр., и пр.), — но которая в решительные моменты народной жизни должна проявиться с решающей силой.

И если мы видим теперь, что г. Витте забегает пред либералами; — что он говорит либеральные речи, о которых сообщает легальная печать; — что он ведёт «неформальные переговоры с г. Гессеном», вождем кадетов (телеграмма петербургского корреспондента «Times»); — что заграничная печать наводняется вестями о либеральных планах царя, — то всё это не случайность. Конечно, тут тьма лжи и интриг, но ведь царское правительство, да и вообще всякое буржуазное правительство не может ни единого шага в своей политике сделать без лжи и интриг. Конечно, тут много самого мелкого мошенничества, вызванного приездом в Петербург уполномоченных от французских и немецких банкиров для переговоров о новом займе в полмиллиарда рублей, до зарезу нужных царскому правительству. Но ведь вся система зависимости правительств от буржуазии неизбежно порождает случаи мошенничества при всех и всяческих сделках и проделках, в которых осуществляется эта зависимость.

Самодержавию необходимо «помириться» с буржуазией, и оно вынуждено стремиться к этому, — причём, разумеется, оно хочет надуть общественное мнение Европы и России. А Государственная дума есть великолепное средство для этой цели. Легальная оппозиция буржуазии в Думе есть именно та внешность признанного буржуазией государственного строя, которая, может быть, была бы в состоянии ещё помочь самодержавию вывернуться.

Отсюда понятно, почему «Московские Ведомости», этот орган консервативной оппозиции правительству, не с злорадством и не с усмешкой, а с пеной на губах, с бешенством отчаяния говорит о бойкоте Думы. Отсюда понятно, что орган черносотенцев, «Новое Время», обрушивается на «абсентеистов» и пытается привлечь к борьбе с идеей бойкота даже Бебеля. *Черносотенцы боятся бойкота*, и только слепые или заинтересованные в оправдании либералов люди могут отрицать теперь, что успех бойкота был бы безусловно обеспечен, если бы за него высказались деятели земских и городских съездов.

Но в том-то и дело, что либеральная буржуазия всеми своими коренными классовыми интересами влечётся к монархии, к двум палатам, к порядку, умеренности, к борьбе с «ужасами» «постоянной революции», с «ужасами» французского образца революции... Поворот либеральной буржуазии, освобожденцев и конституционалистов-демократов, от радикальных фраз о бойкоте к решительной войне с бойкотом есть *первый* крупный политический шаг всей российской буржуазии, как класса, шаг, свидетельствующий о её предательской натуре, о её «приготовлении к преступлению», называемому изменой революции. И это не простое приготовление (ненаказуемое ни по каким законам, как возразил бы нам, пожалуй, какой-нибудь остряк из освобожденских юристов), а покушение и даже оконченное покушение. Мы живём теперь быстро. Давным-давно миновали те (недавние по обычной хронологии, не применимой к революциям) времена, когда нам *надо* было будить политическое сознание буржуазии вообще. Миновали даже и те времена, когда нам *надо* было помогать буржуазии организоваться в политическую оппозицию. Теперь они проснулись, они организовались, и на очереди дня встала совсем другая, великая задача, которая стала возможной и реальной лишь благодаря семимильным шагам революции, — задача согласиться с царём

(задача капитала) и задача нейтрализовать предательский капитал (задача труда).

Революционный пролетариат, идущий во главе революционного народа, и взял на себя эту задачу, оставаясь верным своему долгу: будить, толкать, поднимать своих «соседей» по борьбе с средневековьем и крепостничеством, переходя при этом от менее революционных соседей к более революционным. Революционный пролетариат, руководимый социал-демократией, «взял всерьёз» не Думу, а те слова, обещания и лозунги о бойкоте Думы, которые по легкомыслию, крайней молодости и увлечению сорвались с уст радикальных краснобаев буржуазии. Из фразы о бойкоте пролетариат сделал реальность, сделал тем, что поднял открыто и прямо знамя вооружённого восстания, — сделал тем, что развернул не только широчайшую агитацию, но и прямую уличную борьбу (в Москве), — сделал тем, что побратался с радикальной молодёжью, этим передовым отрядом широкой, не вполне ещё определённой в классовом отношении, но бесконечно угнетённой и эксплуатируемой народной, особенно крестьянской, массы. Социалистический пролетариат на практической, боевой задаче объединился, без всякого соглашения и без всякого договора, с пробудившимися слоями революционной буржуазной демократии. В великие московские дни (великие, как предзнаменование, а не как отдельно взятое событие) пролетариат и революционные демократы вели борьбу — в то время как либералы, освободенцы и конституционалисты-демократы вели переговоры с самодержавием.

Политическая группировка обрисовалась: за Думу ради сохранения самодержавия, — за Думу ради ограничения самодержавия, — против Думы ради уничтожения самодержавия. Иными словами: за Думу, чтобы подавить революцию, — за Думу, чтобы остановить революцию, — против Думы, чтобы довести до конца победоносную революцию.

Исключением, печальным и обидным исключением, нарушившим цельность отчётливой классовой группировки (и подтвердившим, как всякое исключение, общее правило), явилось оппортунистическое крыло социал-демократии в лице новой «Искры». Но и в этом исключении, в узенькой области заграничных, нелегальных организаций, сказалась очень важная и очень

поучительная закономерность, предсказанная уже нами. Конференция, о которой мы сказали выше, объединила революционную социал-демократию. «Искра» осталась *объединённой*, не в силу договора, а в силу хода вещей, с «Освобождением». В нелегальной печати за активный бойкот встали революционные социал-демократы и крайняя левая революционной буржуазной демократии. Против бойкота встали оппортунистические социал-демократы и крайняя правая буржуазной демократии.

Так подтвердилось то, что было показано анализом важнейшей из тактических резолюций новоискровцев («Две тактики» Ленина), именно, что «Искра» опускается до либеральных помещиков, а «Пролетарий» поднимает до своего уровня крестьянскую массу; «Искра» опускается до либеральной буржуазии, а «Пролетарий» поднимает революционную мелкую буржуазию.

Кто знаком с социал-демократической литературой, тот знает пущенную давно «Искрой» фразу: большевики и «Пролетарий» покачнулись в сторону социалистов-революционеров, в сторону крайней буржуазной демократии. В этой фразе, как и во всякой ходячей фразе, есть доля истины. Она выражает не простую досаду искровцев, она отражает действительное явление, но отражает так, как отражает предмет вогнутое зеркало. Это действительное явление есть тот *факт*, что меньшевики и большевики представляют из себя оппортунистическое и революционное крыло российской социал-демократии. Так как искровцы повернули к оппортунизму, то они неизбежно должны были прийти к выводу, что большевики (говоря языком политических делений восемнадцатого века) — «якобинцы». Эти обвинения только *подтверждают* наш взгляд на правое и левое крыло современной социал-демократии. Эти обвинения со стороны оппортунистов *так же лестны* нам, как лестны были в 1900 году обвинения в «народовольчестве» со стороны «Рабочей Мысли». Теперь действительная политическая группировка всех политических направлений во всей России по крупнейшему вопросу тактики доказала на деле правильность нашей оценки всей искровской позиции, начиная с II съезда РСДРП.

Группировка нелегальных партий, завершённая конференцией всех социал-демократов, естественно дополняет таким образом группировку всех партий в вопросе о Думе. И если искровцы

оказались обидным исключением, то тот факт, что они — исключение, даёт нам новую веру в силу правила, в победу революционной социал-демократии, в осуществление русской революцией её последовательных лозунгов. Если, в минуты уныния, пошлость либералов и опошление марксизма некоторыми марксистами кажутся предзнаменованием того, что и революция у нас выйдет пошлая, ублюдочная, недоконченная, вроде немецкой 1848 года, — то зато жизненность принципов революционной социал-демократии внушает бодрящую веру, и выступления геройского рабочего класса поддерживают эту веру. Революция даёт прекрасную размежёвку политических направлений, прекрасное доведение до абсурда ошибочных мнений. Революция в России идёт так, что оправдывает до сих пор те надежды на её полную победу, которые внушает сложившаяся теперь внешняя и внутренняя ситуация. И при виде смятения самодержавия, растерянности либералов, при виде бодрой революционной энергии пролетариата, тянущего за собой крестьянство, — хочется верить, что «пойдёт наш поезд, как не шёл немецкий».

***«Пролетарий» № 23, 31 (18) октября 1905 г.
Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью***

*Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь
Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер*

ИСТЕРИКА ПОТЕРПЕВШИХ ПОРАЖЕНИЕ

Наша статья «Первые итоги политической группировки» была уже написана, когда мы получили № 112 «Искры» с какой-то нервозной, полной злобы, слёз, выкриков и вывертов статьёй «Плоды кружковщины». Иначе нельзя этого и назвать, как истерикой. Выделить хоть тень *доводов* из истерического вопля нет никакой возможности. При чём тут кружковщина, дорогие товарищи из «Искры», когда *вы сами пошли по доброй воле* на конференцию разных социал-демократических партий и организаций России? Подумайте хоть капельку, если вы ещё не совсем потеряли способность думать, подумайте хоть тогда, когда у вас пройдёт припадок истерии! Ведь если вы согласились идти на конференцию, если ваш делегат был на ней, то значит вы сами признали эту конференцию серьёзным, партийным, обязательным для пролетариата делом. Ведь вы только окончательно роняете себя в глазах сколько-нибудь думающих рабочих, если начинаете ругаться *после того*, как вы потерпели поражение на совещании, которое вы сами фактом своего добровольного участия признали серьёзным и необходимым делом!

Вы недовольны тем, что конференция слишком резко, по вашему мнению, осудила вашу тактику, назвав участие в Думе изменой делу свободы? Но разве вы не знали, милые товарищи из «Искры», что идёте на конференцию с ЦК РСДРП, а орган этого ЦК «Пролетарий» — давным-давно и в брошюрах и в статьях показывает ваше превращение в прихвостней монархической либеральной партии? Вы знали это хорошо, дорогие товарищи из «Искры», и если вы теперь сердитесь до потери сознания, то мы, право же, не в силах помочь вам. Ведь это *факт*,

неустранимый и неоспоримый факт, что вы остались одни в компании с «Освобождением» среди всех нелегальных партий, организаций, направлений и органов всех народов России. Этот факт есть самое резкое, необыкновенное в истории по своей резкости, обвинение против вас, а вы вообразили, будто источник резкости есть *слово*: «измена делу свободы».

Вы до того потеряли голову, что начинаете после своего поражения на конференции кричать диким голосом о вреде федерализма в организации, лелеемого Бундом и другими национальными социал-демократическими группами. Как неразумно это с вашей стороны, дорогие товарищи из «Искры»: ведь вы только *подчёркиваете* этим глубину своего поражения. В самом деле, подумайте-ка, дорогие товарищи из «Искры»: кто защищал два года и защищает теперь организационную расплывчатость и туманность? принципы соглашения и децентрализации? Именно вы, именно новоискровцы. И именно федералисты Бунда, Латышской и Польской социал-демократических рабочих партий подхватывали в своё время в печати все ваши дезорганизаторские словечки против якобы крайностей централизма и проч., и т. п. Ведь это опять-таки есть факт, неустранимый и неоспоримый факт, что *все* федералисты указанных партий писали и печатали статьи в духе меньшинства! Посмотрите же, дорогие товарищи из «Искры», как некстати вы вспомнили о федерализме: вы подчеркнули этим, что ваши вчерашние благожелатели из социал-демократических Бунда, Латышской и Польской партий вынуждены были покинуть вас, не стерпев всей пошлости вашей думской тактики! Нет, дорогие товарищи из «Искры», если вы, успокоившись, подумаете капельку, то увидите и сами то, что все видят: не «большинство» пришло к федерализму, а Бунд, латыши и поляки социал-демократы, под влиянием объективной логики революционных событий, пришли к той точке зрения, которую всегда отстаивало «большинство».

Ваше поражение тяжело, дорогие товарищи из «Искры», слов нет. Но источник его — не злоковарство «большинства» или поляков социал-демократов и т. п., а та безысходная путаница, которая проявилась уже в тактических резолюциях общерусской конференции меньшевиков. Пока вы будете стоять на почве этих резолюций, вы неизбежно будете оказываться *«сам-друг»*

с «Освобождением» против всех социал-демократов и даже всех революционных демократов.

**«Пролетарий» № 23, 31 (18) октября 1905 г.
Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью**

*Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь
Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер*

ПЕРВАЯ ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ

Женева, 1 ноября (19 октября).

В понедельник поздно вечером телеграф принёс Европе весть о царском манифесте 17 октября. «Народ победил. Царь капитулировал. Самодержавие перестало существовать», — сообщал корреспондент *«Таймса»*. Иначе выразились далёкие друзья русской революции, приславшие из Балтимора (Сев. Америка) телеграмму в *«Пролетарий»*: «поздравляем с первой великой победой русской революции».

Эта последняя оценка событий, несомненно, гораздо более правильна. Мы имеем полное право торжествовать. Уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко ещё не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко ещё не капитулировал. Самодержавие вовсе ещё не перестало существовать. Оно только отступило, оставив неприятелю поле сражения, отступило в чрезвычайно серьёзной битве, но оно далеко ещё не разбито, оно собирает ещё свои силы, и революционному народу остаётся решить много серьёзнейших боевых задач, чтобы довести революцию до действительной и полной победы.

День 17 октября останется в истории, как один из великих дней русской революции. Невиданная в мире всенародная стачка достигла своего апогея. Могучая рука пролетариата, поднявшегося в порыве героической солидарности во всех концах России, остановила всю промышленную, торговую и государственную жизнь. Страна замерла перед бурей. То из одного, то из другого крупного города доходили вести, одна тревожнее другой. Войска колебались. Правительство воздерживалось от репрессии, революционеры не начинали открытых серьёзных нападений, но восстание прорывалось с стихийной силой везде и повсюду.

И царское правительство в последнюю минуту пошло на уступку, сознав, что взрыв неизбежен, что одержать полную победу оно ни в каком случае и безусловно уже не в состоянии, а потерпеть полное поражение оно очень и очень может. «Сначала будет кровопролитие, а потом конституция», — заявил, как передают, Трепов. В неизбежности конституции, даже при подавлении данного восстания, не могло быть уже никаких сомнений. И правительство рассчитало, что лучше не рисковать серьёзным и всеобщим кровопролитием, ибо в случае победы народа царская власть была бы сметена начисто.

Нам известна лишь крохотная доля тех сведений, которые сосредоточились в понедельник 17 октября в руках правительства и заставили его уклониться от отчаянного боя и уступить. Все усилия местных и центральных властей были направлены на то, чтобы приостановить сообщения о грозном росте восстания или урезать эти сообщения. Но даже и тот скудный, случайный, урезанный материал, который проник в европейскую печать, не оставляет никакого сомнения в том, что это было действительное восстание, способное нагнать смертельный ужас на царя и царских министров.

Силы царизма и революции уравнились, писали мы неделю тому назад, на основании первых вестей о всероссийской политической стачке. Царизм уже не в силах подавить революцию. Революция ещё не в силах раздавить царизма. Но при таком равновесии сил всякое промедление грозило величайшей опасностью царизму, ибо промедление неминуемо вносило колебания в войска.

Восстание разгоралось. Кровь лилась уже во всех концах России. Народ бился на баррикадах от Ревеля до Одессы, от Польши до Сибири. Войска побеждали в отдельных мелких столкновениях, но в то же время стали приходить известия о новом, невиданном ещё явлении, ясно свидетельствующем о *военном* бессилии самодержавия. Это были известия о *переговорах* царского войска с восставшим народом (Харьков), известия об *удалении* войск из городов (Харьков, Ревель), как *единственном* средстве восстановить спокойствие. Переговоры с восставшим народом, удаление войск, это — начало конца. Это показывает лучше всяких рассуждений, что военные власти чувствовали себя до последней степени шатко. Это показывает, что недовольство в войсках достигло

поистине ужасающих размеров. Отдельные вести и слухи попадали и в заграничную печать. В Киеве арестовывали отказывавшихся стрелять солдат. В Польше были такие же случаи. В Одессе пехоту держали в казармах, боясь вывести её на улицу. В Петербурге начиналось явное брожение во флоте, и сообщали о полной ненадёжности гвардии. А относительно Черноморского флота до сих пор нет возможности узнать настоящей правды. Уже 17-го октября телеграммы передавали, что слух о новом возмущении этого флота держится упорно, что все телеграммы перехватываются властями, которые пустили в ход все средства, чтобы не дать распространиться известиям о событиях.

Сопоставляя все эти отрывочные сообщения, нельзя не прийти к выводу, что положение самодержавия даже с чисто военной точки зрения было отчаянное. Оно подавляло ещё частные вспышки, его войска брали ещё баррикады то здесь, то там, но эти частные столкновения только разжигали страсти, только усиливали возмущение, только приближали более сильный всеобщий взрыв, а его-то и боялось правительство, не полагавшееся уже на войско.

Неприятель не принял серьёзного сражения. Неприятель отступил, оставив за революционным народом поле сражения, — отступил на новую позицию, которая кажется ему лучше укреплённой и на которой он надеется собрать более надёжные силы, сплотить и ободрить их, выбрать лучший момент для нападения.

Целый ряд сравнительно «беспристрастных» отзывов европейской буржуазной печати подтверждает такую оценку великого дня 17 октября.

С одной стороны, европейская буржуазия вздыхает спокойно. Царский манифест обещает прямую конституцию: Дума получает законодательные права, ни один закон не может войти в силу без одобрения народными представителями, дарована ответственность министров, дарованы гражданские свободы, неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов. И биржа спешит выразить большее доверие к русским финансам. Поднимается падавший в последние дни курс русских бумаг. Иностранные банкиры, обратившиеся в бегство из революционного Петербурга, обещают вернуться через две недели. Конституция кажется европейской буржуазии залогом «мирных» маленьких

уступок, которые вполне удовлетворяют имущие классы, не позволив в то же время революционному пролетариату приобрести «слишком много» свободы.

Но, с другой стороны, даже либеральные буржуа не могут не видеть, что манифест царя содержит лишь одни слова, одни обещания. Кто же поверит теперь одним обещаниям? Не насмешка ли все эти фразы о неприкосновенности личности и свободе слова, когда тюрьмы всё ещё переполнены так называемыми политическими преступниками, когда цензура продолжает ещё держаться? Какие люди будут приводить в исполнение обещание царя? Министерство Витте, в которое по слухам входят Кузьмин-Караваев, Косич, Кони? Это не будет даже министерство либеральной буржуазии. Это — только ещё министерство либеральной *бюрократии*, которую столько раз побеждала уже придворная реакционная клика. Неужели народ проливал свою кровь в борьбе за свободу, чтобы положиться на либеральных бюрократов, отделяющихся одними словами да обещаниями?!

Нет, царизм ещё далеко не капитулировал. Самодержавие далеко ещё не пало. Революционному пролетариату предстоит ещё ряд великих битв, и первая победа поможет ему сплотить свои силы и завербовать себе новых союзников в борьбе.

«Самый уже успех дела свободы, — писал корреспондент «Таймса» в день опубликования манифеста, — только побудит реакционные элементы к новой деятельности, и, пока армия остаётся под властью её старых начальников, Россия не может быть обеспечена от возможности *pronunciamento* (— военного переворота. *Ред.*)». «Ещё вопрос, не послужит ли вынужденная уступка правительства в самый разгар революционного подъёма сигналом к новому усилию революции?» «Неизвестно, выбита ли бюрократия из своей цитадели или она только отступила со своих передовых позиций», — говорят буржуазные оптимисты, хотя факты показывают явно, что «цитадель» самодержавия остаётся ещё во всей силе.

Вынужденный характер уступки всего более волнует умеренных буржуа. Орган французского господствующего денежного мешка, газета «*Temps*», страшно возмущалась «анархией» и изрыгала брань и клевету против устроителей и участников всероссийской политической стачки. Теперь эта газета, удовлетворённая

сама по себе конституционными обещаниями царя, с тревогой замечает: «Царь вместо того, чтобы действовать по своей инициативе, просто подписал «наказы» либеральной оппозиции. Это — дурной способ, придающий последовательным реформам вынужденный характер, характер чего-то отрывочного, внезапного. Этот способ ставит правительство в противоречие с самим собой и даёт премию насилию. К несчастью, слишком ясно, что дело действительно зашло далеко, что иного выхода не было из того тупика, куда загнали правительство. Забудем же скорее о характере этой капитуляции — капитуляции не только перед конституционалистами, людьми умеренными, которых следовало бы послушаться прежде всего, а капитуляции перед стачкой, капитуляции перед революцией».

Нет, господа буржуа, рабочие не забудут никогда вынужденного характера царской капитуляции! Рабочие не забудут никогда, что только силой, силой своей организации, своего единодушия, своего героизма масс, они вырвали у царизма признание свободы в бумажке-манифесте, вырвут свободу и на деле.

Мы сказали выше, что неприятель отступил, оставив поле сражения за революционным пролетариатом. Мы должны добавить теперь: отступающего неприятеля продолжают энергично преследовать. В понедельник, 17 октября, вышел манифест царя. Во вторник, 18-го, вышел, по сообщению агентства Вольфа, манифест Российской социал-демократической рабочей партии, изданный в громадном количестве экземпляров в Петербурге. Манифест заявляет, что борьба пролетариата нисколько не прекращается изданием царского манифеста. Тактика пролетариата должна состоять в использовании тех прав, которые дарованы под давлением его ударов, в устройстве собраний рабочих для решения вопроса о продолжении стачки, в организации милиции для охраны революционных прав, в предъявлении требования полной амнистии. Социал-демократические ораторы народных собраний настаивают на созыве учредительного собрания. Стаечный комитет, по телеграммам, требует амнистии и немедленного созыва учредительного собрания на основах всеобщего и прямого избирательного права.

Революционный инстинкт сразу подсказал рабочим Петербурга верный лозунг: энергичное продолжение борьбы, использование

новых завоёванных позиций для продолжения натиска, для действительного уничтожения самодержавия. И борьба продолжается. Собрания становятся чаще и многочисленнее. Радость и законная гордость по поводу первой победы не мешают новой организации сил для доведения до конца революции. Её успех зависит от привлечения на сторону свободы ещё более широких слоёв народа, их просвещения и организации. Рабочий класс доказал свои гигантские силы всероссийской политической стачкой, но среди отсталых слоёв городского пролетариата нам предстоит ещё не мало работы. Создавая рабочую милицию, — этот единственный надёжный оплот революции, — готовясь к новой и ещё более решительной борьбе, поддерживая свои старые лозунги, мы должны обратить также особое внимание на армию. В её ряды вынужденная уступка царя должна была внести всего более колебания, и теперь, привлекая солдат на рабочие собрания, усиливая агитацию в казармах, расширяя связи с офицерами, мы должны наряду с революционной армией рабочих создавать кадры сознательных революционеров и в войске, которое вчера ещё было исключительно царским войском, которое теперь стоит накануне превращения в народное войско.

Революционный пролетариат добился нейтрализации войска, парализовав его в великие дни всеобщей стачки. Он должен теперь добиться полного перехода войск на сторону народа.

Революционный пролетариат привёл к первой великой победе революцию городскую. Он должен теперь расширить и углубить базу революции, распространив её на деревни. Поднять крестьянство до сознательной защиты дела свободы, потребовать серьёзнейших мер в пользу крестьянства, подготовить деревенское движение, которое бы в связи с передовым городским пролетариатом добило самодержавие, завоевало полную и настоящую свободу, — такова теперь очередная задача российской социал-демократии.

Успех революции зависит от размеров тех масс пролетариата и крестьянства, которые поднимутся на её защиту и за её окончание. Революционная война отличается от других войн тем, что она черпает свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага, вчерашних сторонников царизма или людей, слепо шедших за царизмом. И успех всероссийской политической стачки

скажет больше уму и сердцу мужика, чем сбивчивые слова каких угодно манифестов и законов.

Русская революция только-только начинала развиваться, когда всю политическую авансцену занимали либеральные буржуа, как это было год тому назад.

Революция встала на ноги, когда выступил городской рабочий класс 9-го января.

Революция одержала первую победу, когда пролетариат всех народов России встал, как один человек, и потряхнул царский трон, от которого такие неисчислимые бедствия перенесли все народы и больше всего трудящиеся классы всех народов.

Революция добьёт врага и сотрёт с лица земли трон кровавого царя, когда рабочие поднимутся ещё раз и поведут за собой и крестьянство.

А дальше — дальше есть ещё резерв у русской революции. Прошли те времена, когда народы и государства могли жить обособленно друг от друга. Посмотрите: Европа уже волнуется. Её буржуазия смущена и готова отдать миллионы и миллиарды, лишь бы остановить пожар в России. Правители военных европейских держав подумывают о военной помощи царю. Вильгельм послал уже несколько крейсеров и две дивизии миноносцев для установления прямых сношений германских солдафонов с Петергофом. Контрреволюция европейская протягивает руку контрреволюции русской.

Попробуйте, попробуйте, граждане Гогенцоллерн! У нас тоже есть европейский резерв русской революции. Этот резерв — международный социалистический пролетариат, международная революционная социал-демократия. Рабочие всего мира с трепетом восторга приветствуют победу русских рабочих и, сознавая тесную связь между отрядами международной армии социализма, готовятся и сами к великой и решительной борьбе.

Вы не одиноки, рабочие и крестьяне всей России! И если вам удастся свалить, добить и уничтожить тиранов крепостной, полицейской, помещичьей и царской России, то ваша победа будет сигналом всемирной борьбы против тирании капитала, борьбы за полное, не политическое только, но и экономическое освобождение трудящихся, борьбы за избавление человечества от нищеты и за осуществление социализма.

***«Пролетарий» № 24, 7 ноября (25 октября) 1905 г.
Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью***

*Вычитал: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь
Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер*

НИКОЛАЙ ЭРНЕСТОВИЧ БАУМАН

Телеграф принёс сегодня, 3 ноября н. ст., известие, что в Москве убит царским войском член Российской социал-демократической рабочей партии, ветеринарный врач Н. Э. Бауман. У гроба его произошла демонстрация, когда вдова, убитого, принадлежавшая, равным образом, к нашей партии, обратилась к народу с речью и призывала к вооружённому восстанию. Мы не имеем сейчас возможности дать подробные биографические сведения о павшем товарище. Отметим пока лишь главное. Он начал работу в социал-демократической организации, в Петербурге, в 90-х годах. Был арестован, просидел 22 месяца в Петропавловской крепости, сослан в Вятскую губернию. Бежал из ссылки за границу и участвовал в 1900 году с самого начала в организации «Искры», будучи одним из главных практических руководителей дела. Неоднократно ездил нелегально в Россию. Был арестован в феврале 1902 г. в Воронеже (выдан врачом) по делу организации «Искры» и сидел в Киевской тюрьме. Бежал из неё вместе с 10 товарищами социал-демократами в августе 1902 года. Был делегатом от Московского комитета РСДРП на втором съезде партии (псевдоним: Сорокин). Участвовал на втором съезде Лиги (псевдоним: Сарафский). Состоял затем членом того же Московского комитета партии. Арестован 19 июня 1904 года и сидел в Таганке. Освобождён из тюрьмы, вероятно, только на днях.

Вечная память борцу в рядах российского социал-демократического пролетариата! Вечная память революционеру, павшему в первые дни победоносной революции! Пусть послужат почести, оказанные восставшим народом его праху, залогом полной победы восстания и полного уничтожения проклятого царизма!

Убийство Н. Э. Баумана показывает ясно, до какой степени правы были социал- демократические ораторы в Петербурге, называвшие манифест 17 октября ловушкой, а поведение правительства после манифеста провокацией. Чего стоят все эти обещанные свободы, пока власть и вооружённая сила остаются в руках правительства? Не ловушка ли в самом деле эта «амнистия», когда выходящих из тюрьмы расстреливают казаки на улицах?

«Пролетарий» № 24, 7 ноября (25 октября) 1905 г.

***Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью***

Вычитал: Черняховский Константин Юрьевич, преподаватель

Проверил: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЙ И ПРОЛЕТАРСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

В Европе среди различных учений социализма полное господство приобрёл в настоящее время марксизм, а борьба за осуществление социалистического строя ведётся почти всецело как борьба рабочего класса, руководимого социал-демократическими партиями. Но это полное господство пролетарского социализма, основывающегося на учении марксизма, упрочилось не сразу, а лишь после долгой борьбы со всякими отсталыми учениями, с мелкобуржуазным социализмом, с анархизмом и т. п. Каких-нибудь тридцать лет тому назад марксизм не был ещё господствующим даже в Германии, где преобладали, собственно говоря, переходные, смешанные, эклектические воззрения между мелкобуржуазным и пролетарским социализмом. А в романских странах, во Франции, Испании, Бельгии, самыми распространёнными учениями среди передовых рабочих были прудонизм, бланкизм, анархизм, явно выражавшие точку зрения мелкого буржуа, а не пролетария.

Какая же причина вызвала эту быструю и полную победу марксизма именно за последние десятилетия? Всё развитие современных обществ как в экономическом, так и в политическом отношениях, весь опыт революционного движения и борьбы угнётённых классов подтверждали всё более и более правильность марксистских взглядов. Упадок мелкой буржуазии неминуемо влёт за собой рано или поздно отмирание всяческих мелкобуржуазных предрассудков, а рост капитализма и обострение борьбы классов внутри капиталистического общества служили лучшей агитацией за идеи пролетарского социализма.

Отсталость России естественно объясняет большую прочность в нашей стране различных отсталых учений социализма.

Вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века есть история борьбы марксизма с мелкобуржуазным народническим социализмом. И если быстрый рост и поразительные успехи русского рабочего движения доставили уже марксизму победу и в России, то, с другой стороны, развитие несомненно революционного крестьянского движения — особенно после знаменитых восстаний крестьян в Малороссии в 1902 году — вызвало некоторое оживление старчески дряхлого народничества. Старинное народничество, подновлённое модным европейским оппортунизмом (ревизионизм, бернштейнианство, критика Маркса), составляет весь оригинальный идейный багаж так называемых социалистов-революционеров. Поэтому крестьянский вопрос занимает центральное место в спорах марксистов как с народниками в чистом виде, так и с социалистами-революционерами.

Народничество было до известной степени цельным и последовательным учением. Отрицалось господство капитализма в России; отрицалась роль фабрично-заводских рабочих, как передовых борцов всего пролетариата; отрицалось значение политической революции и буржуазной политической свободы; проповедовался сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины с её мелким сельским хозяйством. От этого цельного учения остались теперь только клочья, но, чтобы сознательно разобраться в современных спорах, чтобы не давать этим спорам опускаться до перебранки, необходимо всегда иметь в виду общие и коренные народнические *основы* заблуждений наших социалистов-революционеров.

Человек будущего в России — мужик, думали народники, и этот взгляд вытекал неизбежно из веры в социалистичность общины, из неверия в судьбы капитализма. Человек будущего в России — рабочий, думали марксисты, и развитие русского капитализма, как в земледелии, так и в промышленности, всё более и более подтверждает их взгляды. Рабочее движение в России заставило теперь само признать себя, относительно же крестьянского движения вся пропасть между народничеством и марксизмом сказывается поныне в различном *понимании* этого движения. Для народника крестьянское движение именно и опровергает марксизм; оно как раз есть движение в пользу непосредственного социалистического переворота;

оно как раз не признает никакой буржуазной политической свободы; оно исходит как раз не из крупного, а из мелкого хозяйства. Для народника, одним словом, крестьянское движение и есть настоящее, истинно-социалистическое и непосредственно-социалистическое движение. Народническая вера в крестьянскую общину и народнический анархизм вполне объясняют неизбежность таких выводов.

Для марксиста крестьянское движение есть именно не социалистическое, а демократическое движение. Оно является и в России, как бывало и в других странах, необходимым спутником демократической революции, буржуазной по её общественно-экономическому содержанию. Оно нисколько не направляется против основ буржуазного порядка, против товарного хозяйства, против капитала. Оно направляется, напротив того, против старых, крепостнических, докапиталистических отношений в деревне и против помещичьего землевладения, как главной опоры всех пережитков крепостничества. Полная победа данного крестьянского движения не устранил бы капитализма, а, напротив, создаст более широкую почву для его развития, ускорит и обострит чисто капиталистическое развитие. Полная победа крестьянского восстания может лишь создать оплот демократической буржуазной республики, в которой впервые со всей чистотой и развернётся борьба пролетариата против буржуазии.

Итак, вот два противоположных взгляда, которые надо ясно понять всякому, желающему разобраться в принципиальной пропасти между социалистами-революционерами и социал-демократами. По одному взгляду, крестьянское движение есть социалистическое, по другому — демократически-буржуазное движение. Отсюда можно видеть, какое невежество обнаруживают наши социалисты-революционеры, когда они повторяют в сотый раз, будто ортодоксальные марксисты когда-нибудь «игнорировали» (знать не хотели) крестьянский вопрос. Против такого круглого невежества можно бороться только одним способом: повторением азбуки, изложением старых последовательно-народнических взглядов, указанием в сотый и в тысячный раз на то, что действительное различие состоит не в желании или нежелании считаться с крестьянским вопросом, не в признании или игнорировании его, а в *различной оценке* современного крестьянского движения

и современного крестьянского вопроса в России. Тот, кто говорит об «игнорировании» марксистами крестьянского вопроса в России, есть, во-первых, круглый невежда, ибо все главные произведения русских марксистов, начиная с Плехановских «Наших разногласий» (вышедших свыше двадцати лет тому назад), главным образом и посвящены были разъяснению ошибочности народнических взглядов на русский крестьянский вопрос. Во-вторых, тот, кто толкует об «игнорировании» марксистами крестьянского вопроса, доказывает этим своё стремление увильнуть от полной оценки действительного принципиального разногласия: есть ли современное крестьянское движение демократически-буржуазное или нет? направлено ли оно, по его объективному значению, против остатков крепостничества или нет?

Социалисты-революционеры никогда не давали и никогда не могут дать ясного и точного ответа на этот вопрос, ибо они безнадежно путаются между старым народническим и современным марксистским воззрением на крестьянский вопрос в России. Марксисты именно потому и называют социалистов-революционеров стоящими на точке зрения мелкой буржуазии (идеологами мелкой буржуазии), что они не могут отделаться от мелкобуржуазных иллюзий, фантазий народничества в оценке крестьянского движения.

Вот почему нам опять приходится повторять: буки-аз, ба. К чему стремится современное крестьянское движение в России? К земле и воле. — Какое значение будет иметь полная победа этого движения? Добившись воли, оно устранил господство помещиков и чиновников в управлении государством. Добившись земли, оно передаст помещичьи земли крестьянам. — Устранил ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков (отнятие земли у помещиков) товарное хозяйство? Нет, не устранил. — Устранил ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков одиночное хозяйничанье крестьянских дворов на общинной земле или на «социализированной» земле? Нет, не устранил. — Устранил ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков глубокую пропасть между богатым, многолошадным, многокоровным крестьянином и батраком, подёнщиком, т. е. между крестьянской буржуазией и сельским пролетариатом? Нет, не устранил. Напротив, чем полнее будет

разгром и уничтожение высшего *сословия* (помещичьего), тем глубже будет *классовая* рознь между буржуазией и пролетариатом. — Какое значение будет иметь полная победа крестьянского восстания по её объективному значению? Эта победа уничтожит до конца все остатки крепостничества, но вовсе не уничтожит буржуазного хозяйничанья, не уничтожит капитализма, не уничтожит деления общества на классы, на богатых и бедных, на буржуазию и пролетариат. — Почему современное крестьянское движение является демократически-буржуазным движением? Потому, что оно, уничтожая власть чиновников и помещиков, создаёт демократический строй общества, не изменяя буржуазной основы этого демократического общества, не уничтожая господства капитала. — Как должен относиться сознательный рабочий, социалист, к современному крестьянскому движению? Он должен поддерживать это движение, помогать крестьянам самым энергичным образом, до конца помогать им сбросить целиком власть чиновников и власть помещиков. Но в то же время он должен разъяснять крестьянам, что недостаточно ещё сбросить власть чиновников и помещиков. Сбрасывая эту власть, надо в то же время готовиться к уничтожению власти капитала, власти буржуазии, а для этого надо немедленно проповедовать полностью социалистическое, т. е. марксистское, учение и объединять, сплачивать, организовывать сельских пролетариев для борьбы с крестьянской буржуазией и со всею российской буржуазией. — Может ли сознательный рабочий забыть о демократической борьбе ради социалистической или о социалистической ради демократической? Нет, сознательный рабочий называет себя социал-демократом именно потому, что он понял отношение той и другой борьбы. Он знает, что нет другого пути к социализму, кроме как через демократизм, через политическую свободу. Он стремится поэтому к полному и последовательному осуществлению демократизма ради достижения конечной цели, социализма. — Почему не одинаковы условия борьбы демократической и борьбы социалистической? Потому, что у рабочих непременно будут разные союзники в той и в другой борьбе. Борьбу демократическую рабочие ведут вместе с частью буржуазии, особенно мелкой. Борьбу социалистическую рабочие ведут против всей буржуазии. Борьбу с чиновником и помещиком можно и должно

вести вместе со всеми крестьянами, даже зажиточными и средними. А борьбу с буржуазией, а значит и с зажиточными крестьянами, можно вести надёжным образом только вместе с сельским пролетариатом.

Если мы припомним все эти азбучные истины марксизма, от разбора которых предпочитают всегда уклоняться социалисты-революционеры, то нам легко уже будет оценить следующие «новейшие» возражения их против марксизма.

«Зачем, — восклицает «Революционная Россия» (№ 75), — понадобилось поддерживать сначала крестьянина вообще против помещика, а потом (т. е. в то же время) поддерживать пролетариат против крестьянина вообще, вместо того, чтобы сразу поддерживать пролетариат против помещика, и при чём тут марксизм, — один аллах ведаёт».

Это точка зрения самого первобытного, детски-наивного анархизма. Об уничтожении «сразу» всей и всякой эксплуатации давно уже, много веков, даже много тысячелетий мечтает человечество. Но эти мечтания оставались мечтаниями до тех пор, пока миллионы эксплуатируемых не стали объединяться во всем мире для выдержанной, стойкой, всесторонней борьбы за изменение капиталистического общества в направлении собственного развития этого общества. Социалистические мечтания превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определённого класса. Вне классовой борьбы социализм есть пустая фраза или наивное мечтание. А у нас в России перед глазами две различных борьбы двух различных социальных сил. Пролетариат борется против буржуазии везде, где есть капиталистические отношения производства (а они имеются даже — к сведению наших социалистов-революционеров — внутри крестьянской общины, т. е. на самой что ни есть «социализированной», с их точки зрения, земле). Крестьянство, как слой мелких землевладельцев, мелких буржуа, борется против всех остатков крепостничества, против чиновников и помещиков. Не видеть этих двух различных, разнородных социальных войн могут только люди, совсем не знакомые с политической экономией и с историей революций во всем мире. Закрывать глаза на разнородность этих войн посредством словечка «сразу» значит

прятать голову под крыло и отказываться от всякого анализа действительности.

Потеряв цельность взглядов старого народничества, социалисты-революционеры позабыли даже многое из учения самих народников. «Помогая крестьянству экспроприировать помещиков, — пишет там же «Революционная Россия», — г. Ленин бессознательно содействует водворению мелкобуржуазного хозяйства на развалинах более или менее развитых уже форм капиталистического земледельческого хозяйства. Это ли не шаг назад с точки зрения ортодоксального марксизма?»

Стыдитесь, господа! Ведь вы забыли своего г. В. В.! Справьтесь с его «Судьбами капитализма», с «Очерками» г-на Николая — она и другими источниками вашей мудрости. Вы припомните тогда, что помещичье хозяйство в России соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты. Вы узнаете тогда, что существует отработочная система хозяйства, этот прямой пережиток барщины. Если вы вдобавок заглянете в такую ортодоксально-марксистскую книгу, как третий том «Капитала» Маркса, то вы узнаете оттуда, что иначе как при посредстве мелкобуржуазного крестьянского хозяйства нигде не шло, да и не могло идти развитие барщинного хозяйства и превращение его в капиталистическое. Чтобы разнести марксизм, вы поступаете слишком уже простым, слишком давно разоблачённым способом: вы приписываете марксизму карикатурно-упрощённый взгляд на прямую смену крупного барщинного хозяйства крупным капиталистическим! Вы рассуждаете: помещичьи урожаи выше крестьянских, значит экспроприация помещиков есть шаг назад. Это рассуждение достойно гимназиста четвёртого класса. Подумайте-ка, господа, не было ли «шагом назад» отделение малоурожайной крестьянской земли от высокоурожайной помещичьей при падении крепостного права?

Современное помещичье хозяйство в России соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты. Теперешняя борьба крестьян с помещиками есть, по её объективному значению, борьба с остатками крепостничества. Но пытаться пересчитать все отдельные случаи и взвесить каждый отдельный случай, определить с точностью аптекарских весов, где именно кончается крепостничество и начинается чистый

капитализм — значит приписывать марксистам свой собственный педантизм. Мы не можем вычислить, какую долю в цене покупаемых у мелкого лавочника припасов составляет трудовая стоимость и какую долю мошенничество и т. д. Значит ли это, господа, что теорию трудовой стоимости надо выбросить?

Современное помещичье хозяйство соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты. Отсюда только педанты могут делать вывод, что наша обязанность взвесить, сосчитать и переписать каждую чёрточку в каждом отдельном случае по тому или иному её социальному характеру. Отсюда только утописты могут делать вывод, что нам «незачем» различать две разнородные социальные войны. Отсюда следует на самом деле тот и только тот вывод, что мы должны и в своей программе и в своей тактике соединять чисто пролетарскую борьбу против капитализма с общедемократической (и общекрестьянской) борьбой против крепостничества.

Чем сильнее развиты капиталистические черты в современном помещичьем полукрепостном хозяйстве, тем настоятельнее необходимость теперь же организовать самостоятельно сельский пролетариат, ибо тем скорее выступит на сцену при всякой конфискации чисто капиталистический или чисто пролетарский антагонизм. Чем сильнее капиталистические черты в помещичьем хозяйстве, тем быстрее толкнёт демократическая конфискация к настоящей борьбе за социализм, — и значит, тем опаснее фальшивая идеализация демократического переворота, производимая при помощи словечка «социализация». Вот какой вывод вытекает из смешения капитализма с крепостничеством в помещичьем хозяйстве.

Итак, соединять чисто пролетарскую борьбу с общекрестьянской, но не смешивать их. Поддерживать общедемократическую и общекрестьянскую борьбу, отнюдь не сливаясь с этой неклассовой борьбой, отнюдь не идеализируя её посредством фальшивых словечек вроде социализации, отнюдь не забывая ни на минуту об организации и городского и *сельского* пролетариата в совершенно самостоятельную классовую партию социал-демократии. Поддерживая до конца самый решительный демократизм, эта партия не даст отвлечь себя от революционного пути реакционными мечтаниями и опытами создания «уравнительности» при

товарном хозяйстве. Борьба крестьян с помещиками теперь революционна, конфискация помещичьих земель в данный момент экономической и политической эволюции во всех отношениях революционна, и мы эту революционно-демократическую меру поддерживаем. Но называть эту меру «социализацией», обманывать себя и народ насчёт возможности «уравнительного» землепользования при товарном хозяйстве, это уже есть реакционная мелкобуржуазная утопия, которую мы предоставляем социалистам реакционерам.

«Пролетарий» № 24, 7 ноября (25 октября) 1905 г.

***Печатается по тексту газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью***

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

МЕЖДУ ДВУХ БИТВ

Женева, 15 ноября н. ст.

Большое сражение, которое дал пролетариат царизму, окончилось. Всероссийская политическая стачка, по-видимому, прекратилась почти везде. Неприятель отступил всего более на одном из флангов (Финляндия), но зато он укрепился на другом (военное положение в Польше). В центре неприятель отступил очень немного, заняв, однако, сильную новую позицию и готовясь к ещё более кровавому и более решительному бою. Военные стычки происходят непрерывно по всей линии. Обе стороны спешат пополнить свой урон, сплотить свои ряды, сорганизоваться и вооружиться как можно лучше для следующего сражения.

Таково, приблизительно, положение дел в настоящий момент на театре борьбы за свободу. Гражданская война естественно отличается от других войн тем, что формы сражений гораздо разнообразнее, число и состав сражающихся на обеих сторонах наименее поддаётся учёту и наиболее колеблется, попытки заключить мир или хотя бы перемирие исходят не от сражающихся и переплетаются самым причудливым образом с военными действиями.

Временные приостановки военных действий особенно поощряют предприимчивость «примирителей». Витте лезет из кожи вон, выдавая себя и прямо и через посредство лакейской печати именно за такого «примирителя», прикрывая как только можно свою роль дипломатического слуги царизма. Правительственное сообщение признаёт — к удовольствию наивных либералов — участие полиции в черносотенских подвигах. Подслуживающаяся к правительству печать («Новое Время», например) делает вид, что осуждает крайности реакционеров и «крайности»

революционеров, конечно. Крайние представители реакции уходят (Победоносцев, Владимир, Трепов), недовольные мелкой игрой. Отчасти они по тупости своей не понимают того, как выгодна эта игра для сохранения наибольшей власти за царизмом; отчасти они рассчитывают — и рассчитывают правильно — что им удобнее развязать себе вполне руки и принять участие в той же самой игре, но в иной роли: в роли «независимых» борцов за могущество монарха, в роли «свободных» мстителей за «поруганные (революционерами) национальные чувства русского народа», — говоря попросту, в роли черносотенных вождей.

Витте потирает от удовольствия руки, видя «великие» успехи своей удивительно хитрой игры. Он сохраняет невинность либерализма, усиленно предлагает министерские портфели вожакам партии кадетов (даже Милюкову, по телеграмме корреспондента «Le Temps»), адресуя собственноручное письмо г. Струве с приглашением вернуться на родину, стараясь изобразить из себя «белого», который одинаково далёк и от «красных» и от «чёрных». А в то же время он приобретает вместе с невинностью и капитал, ибо он остаётся главой царского правительства, сохраняющего в своих руках всю власть и выжидающего лишь наиболее удобного момента для перехода в решительное наступление против революции.

Характеристика, которую мы дали Витте в «Пролетарии», подтверждается вполне. Это — министр-клоун по своим приёмам, «талантам» и по своему назначению. Это — министр либеральной бюрократии по тем реальным силам, которыми он до сих пор располагает, ибо с либеральной буржуазией ему ещё не удалось торговаться. Правда, этот торг всё же мало-помалу подвигается вперёд. Торгующиеся выкрикивают свою последнюю цену, ударяют друг друга по рукам, откладывают сделку до решений предстоящего на днях земского съезда. Витте старается подкупить буржуазную интеллигенцию, расширяя избирательные права по выборам в Думу, давая ценз по образованию, бросая даже жалкий кусочек рабочим (которые должны насытиться 21-м местом при системе непрямых выборов «от рабочих»!!), божась, что только бы собралась Дума, только бы высказалась она или хотя бы даже меньшинство в ней за всеобщее избирательное право, и поддержка его, Витте, этому требованию вполне, вполне обеспечена.

Но торг всё-таки не приводит ещё пока ни к чему. Торгующиеся ведут свои переговоры помимо тех, кто действительно сражается, и это не может не парализовать усилий наших «честных маклеров». Либеральная буржуазия сама по себе охотно приняла бы Государственную думу, — ведь она принимала её даже в «совещательном виде», ведь она отвергла активный бойкот уже в сентябре. Но в том-то и суть, что за эти два месяца, прошедшие с тех пор, революция сделала гигантский шаг вперёд, пролетариат дал серьёзное сражение и впервые одержал сразу крупную победу. Государственная дума, эта презренная и гнусная комедия народного представительства, оказалась похороненной: её разбил вдребезги первый удар могучего пролетарского натиска. Революция в несколько недель разоблачила близорукость тех, кто собирался идти в булыгинскую Думу или поддерживать идущих в Думу. Тактика активного бойкота получила самое блестящее подтверждение, которое только может получить тактика политических партий в боевые моменты: подтверждение делом, проверку ходом событий, признание бесспорным и неоспоримым фактом того, что вчера казалось недальновидным людям и трусливым торгашам слишком смелым «прыжком в неизвестное».

Рабочий класс хорошо пугнул «думских» комедиантов, — так пугнул, что они боятся теперь поставить ногу на этот хрупкий, надломленный мостик, боятся даже поверить в прочность «новейшей», наскоро произведённой государственными «ремесленниками», починки. Роли немножечко передвинулись. Вчера товарищи Парвус, Череванин и Мартов хотели брать революционное обязательство с тех, кто идёт на этот мостик, обязательство требовать в Думе созыва учредительного собрания. Сегодня место этих социал-демократов занял президент кабинета министров граф Сергей Юльевич Витте, который уже даёт «революционное» обязательство поддерживать хотя бы одного единственного депутата Думы, требующего созыва учредительного собрания.

Но либеральные буржуа, к.-д., так осрамились первый раз, что не желали бы повторения печального опыта. Они уже совсем наладили «избирательную кампанию», наши добрые парламентарии из «Освобождения» и из «Русских Ведомостей»; они уже выбрали центральный комитет для руководства этой кампанией; они устроили даже юридическое бюро для подачи населению

советов относительно того, имеет ли право земский начальник непосредственно разогнать крестьянских выборщиков или должен предварительно спросить губернатора. Одним словом, они уже совсем было улеглись спать на пожалованном всем российским Обломовым диване, как вдруг... невежливым движением плеча пролетариат сбросил Думу и всю «думскую» кампанию. Неудивительно, что либеральные буржуа не склонны верить теперь «революционным обязательствам» ласкового графа. Неудивительно, что они менее склонны теперь пожать протягиваемую им графскую руку, что они чаще оглядываются влево, хотя слюнки и текут у них при виде пышного, украшенного новыми сахарными завитушками думского пирога.

Переговоры Витте с вождями либеральной буржуазии имеют, несомненно, серьезнейшее политическое значение, но только в том отношении, что они подтверждают лишний раз внутреннее родство либеральничающей бюрократии с защитниками интересов капитала, — только в том отношении, что они показывают лишний раз, как именно и кто именно собирается *хоронить* русскую революцию. Но эти переговоры и сговоры не удаются именно потому, что революция ещё жива. Революция не только жива, — она сильнее, чем когда-либо, она ещё далеко, далеко не сказала своего последнего слова, она только начала развёртываться во всю ширь сил пролетариата и революционного крестьянства. Вот почему переговоры и сговоры министра-клоуна с буржуазией носят такой мертвенный характер: они не могут получить серьёзного значения во время горячей борьбы, когда враждебные силы стоят друг против друга между двух решительных битв.

В такое время политика революционного пролетариата, сознающего свои всемирно-исторические цели, стремящегося не только к политическому, но и к экономическому освобождению трудящихся, не забывающего ни на минуту о своих социалистических задачах, — его политика должна быть особенно тверда, ясна и определённа. Гнусной лжи министра-клоуна, тупоумным конституционным иллюзиям либералов и буржуазных демократов он должен решительнее, чем когда-либо, противопоставить свой лозунг свержения царской власти путём всенародного вооружённого восстания. Революционный пролетариат гнушается всякого

лицемерия и беспощадно борется со всеми попытками затушевать действительное положение вещей. А в современных речах о конституционном режиме в России что ни слово, то лицемерие, что ни фраза, то старая, казённая ложь, служащая цели спасения тех или иных остатков самодержавно-крепостной России.

Толкуют о свободе, говорят о народном представительстве, ораторствуют об учредительном собрании и забывают постоянно, ежечасно и ежеминутно, что все эти хорошие вещи — пустые фразы без серьёзных гарантий. А серьёзной гарантией может быть *только* победоносное народное восстание, *только* полное господство вооружённого пролетариата и крестьянства над всеми представителями царской власти, которые отступили шаг назад перед народом, но далеко не подчинены ещё народу, далеко не низложены народом. И пока *эта* цель не достигнута, до тех пор *не может быть* настоящей свободы, настоящего представительства народа, действительно *учредительного* собрания, которое бы имело силу учредить новые порядки в России.

Что такое конституция? Бумажка, на которой записаны права народа. В чём гарантия действительного признания этих прав? В *силе* тех классов народа, которые осознали эти права и сумели добиться их. Не будем же обольщаться словами, — это приличествует только красной буржуазной демократии, — не будем ни на минуту забывать того, что *сила* доказывает себя *только* победой в борьбе, и что мы далеко ещё не одержали полной победы. Не будем же верить красивым фразам, — мы переживаем как раз такое время, когда идёт открытая борьба, когда все фразы и все обещания проверяются немедленно на деле, когда словами, манифестами, посулами конституции *одурачивают* народ, стараются ослабить его силы, разрознить его ряды, побудить его к разоружению. Нет ничего лживее подобных обещаний и фраз, и мы с гордостью можем сказать, что пролетариат России уже созрел для борьбы как с грубым насилием, так и либерально-конституционной фальшью. Доказательство — то воззвание жел.-дорожных рабочих, о котором сообщили недавно заграничные газеты (оригинала мы, к сожалению, не имеем). Собирайте оружие, товарищи, — говорит это воззвание, — организуйтесь для борьбы неустанно, с удесятёрённой энергией. Только вооружившись и сплотив свои ряды, сможем мы отстоять завоёванное и добиться

полного выполнения своих требований. Придёт пора — мы поднимемся опять все, как один человек, для новой, ещё более упорной борьбы за полную свободу.

Вот — единственные наши гарантии! Вот единственная не призрачная *конституция* свободной России! Посмотрите, в самом деле, на манифест 17 октября и на русскую действительность: может ли быть что-нибудь поучительнее этого *признания* конституции *царём* на бумаге и — действительной «конституцией», действительным, применением *царской власти*? Ведь царский манифест содержит обещания безусловно конституционного характера. И вот вам цена этих обещаний. Личность объявлена неприкосновенной. Но те, кто самодержавию не угоден, остаются в тюрьмах, в ссылке, в изгнании. Собрания объявлены свободными. Но университеты, создавшие на Руси впервые свободу собраний на деле, закрыты, и вход в них охраняется полицией и войском. Печать свободна, — и поэтому орган рабочих интересов, газета «Новая Жизнь», конфискуется за напечатание социал-демократической программы. Место черносотенских министров заняли министры, провозгласившие правовой порядок. Но черносотенцы «работают» ещё сильнее при помощи полиции и войска на улице, и неугодных царизму граждан свободной России свободно и безнаказанно расстреливают, избивают, калечат.

Надо быть слепым или ослеплённым классовой корыстью, чтобы при таких назидательнейших уроках жизни придавать в настоящее время действительно серьёзное значение тому, обещает ли Витте всеобщее избирательное право, подпишет ли царь манифест о созыве «учредительного» собрания. Если бы даже эти «акты» и состоялись, они всё-таки не решали бы исхода борьбы, они всё-таки не создавали бы действительной свободы выборной агитации, всё-таки не обеспечивали бы за всенародным собранием представителей действительно учредительного характера. Учредительное собрание должно юридически закрепить, парламентски оформить строй жизни в новой России, но прежде чем закреплять победу нового над старым, но для того, чтобы оформливать эту победу, надо действительно победить, надо сломить силу старых учреждений, смести их прочь, сравнять старое здание с землёй, уничтожить возможность сколько-нибудь серьёзного сопротивления со стороны полиции и её шаек.

Полную свободу выборов, полную власть учредительного собрания может обеспечить только полная победа восстания, свержение царской власти и замена её временным революционным правительством. К этому должны быть направлены все наши усилия, организация и подготовка восстания должны стоять безусловно на первом плане. Лишь в той мере, в какой восстание будет победоносно и его победа будет решительным уничтожением врага, — лишь в той мере и собрание народных представителей будет не на бумаге только всенародным и не на словах только учредительным.

Долой же всякое лицемерие, всякую фальшь и всякие недомолвки! Война объявлена, война кипит, мы переживаем маленький перерыв между двумя битвами. Середины не может быть. Партия «белых» — один обман. Кто не за революцию, — тот черносотенец. Это не мы только утверждаем. Это не нами придуманная формулировка. Это говорят всем и каждому залитые кровью камни мостовых в Москве и Одессе, в Кронштадте и на Кавказе, в Польше и в Томске.

Кто не за революцию, — тот черносотенец. Кто не хочет потерять того, чтобы русская свобода была свободой полицейского разгула, подкупа, спаивания, нападения из-за угла на безоружных, тот должен вооружаться сам и готовиться немедленно к битве. Нам надо завоевать не обещание свободы, не бумажку о свободе, а настоящую свободу. Нам надо добиться не унижения царской власти, не признания ею прав народа, а уничтожения этой власти, ибо царская власть есть власть черносотенцев над Россией. И это тоже не наш вовсе вывод. Это вывод жизни. Это урок событий. Это — голос тех, кто чужд был доселе всякому революционному учению и кто не смеет сделать ни одного свободного шага, сказать ни одного свободного слова на улице, в собрании, у себя дома, не подвергаясь самой непосредственной и грозной опасности быть растоптанным, растерзанным, разорванным шайкой *царских* сторонников.

Революция заставила, наконец, выйти наружу *эту* «народную силу», силу царских сторонников. Она заставила показать всем воочию, на кого действительно опирается царская власть, кто действительно поддерживает эту власть. Вот они, вот эта армия озверелых полицейских, забитых до полоумия военных, одичалых попов, диких лавочников, подпоенных отбросов

капиталистического общества. Вот кто *царствует* теперь в России, при прямом и косвенном содействии девяти десятых всех наших правительственных учреждений. Вот она — российская Вандея, столь же похожая на французскую Вандею, как «законный» монарх Николай Романов похож на проходимца Наполеона. И наша Вандея тоже не сказала ещё своего последнего слова, — не заблуждайтесь насчёт этого, граждане. Она тоже только начинает ещё развёртываться как следует. У неё тоже есть ещё «запасы топлива», накопленные веками темноты, бесправия, крепостничества, полицейского всевластия. Она соединяет в себе всю дикость азиатчины со всеми омерзительными сторонами утончённых приёмов эксплуатации и одурачения всех тех, кто всего более задавлен, замучен городской капиталистической цивилизацией, кто доведён до положения хуже зверя. Эта Вандея не исчезнет ни от каких манифестов царя, ни от каких посланий синода, ни от каких перемен в высшей и низшей бюрократии. Её может сломить только сила организованного и просвещённого пролетариата, ибо только он, эксплуатируемый сам, в состоянии поднять всех стоящих ниже него, пробудить в них людей и граждан, показать им дорогу к избавлению от всякой эксплуатации. Только он может создать ядро могучей революционной армии, могучей и своими идеалами, и своей дисциплиной, и своей организацией, и своим героизмом в борьбе, перед которыми не устоять никакой Вандее.

И пролетариат, руководимый социал-демократией, приступил уже повсюду к образованию этой революционной армии. В её ряды должен идти всякий, кто не хочет быть в армии черносотенцев. Гражданская война не знает нейтральных. Кто сторонится от неё, тот поддерживает своей пассивностью ликующих черносотенцев. На красную и чёрную армию распадается и войско. Всего две недели тому назад указывали мы на то, как быстро втягивается оно в борьбу за свободу. Пример Кронштадта показал это наглядно. Пусть правительство негодяя Витте победило восстание в Кронштадте, пусть расстреливает оно теперь сотни матросов, ещё раз поднявших красный флаг, — этот флаг взовьётся ещё выше, ибо это знамя есть знамя всех трудящихся и эксплуатируемых во всём мире. Пусть лакейская печать, вроде «Нового Времени», кричит о нейтралитете войска, — эта гнусная и лицемерная ложь

разлетается как дым перед каждым новым подвигом черносотенцев. Войско не может быть, никогда не было и никогда не будет нейтральным. Оно распадается с громадной быстротой именно теперь на войско свободы и войско чёрной сотни. Мы ускорим это распадение. Мы предадим позору всех нерешительных и колеблющихся, всех чурающихся идеи немедленного образования народной милиции (Московская дума, по последним известиям иностранных газет, отвергла проект образования народной милиции). Мы удесятерим нашу агитацию в массах, нашу организационную деятельность по образованию революционных отрядов. Армия сознательного пролетариата сольётся тогда с красными отрядами русского войска, — и посмотрим, осияют ли полицейские чёрные сотни всю новую, всю молодую, всю свободную Россию!

«Пролетарий» № 26, 25 (12) ноября 1905 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

НАШИ ЗАДАЧИ И СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Товарищи! Вопрос о значении и роли Совета рабочих депутатов стоит теперь на очереди дня петербургской социал-демократии и всего столичного пролетариата. Я берусь за перо, чтобы изложить некоторые мысли по этому жгучему вопросу, но прежде чем делать это, я считаю безусловно необходимой одну существеннейшую оговорку. Я высказываюсь, как *посторонний*. Мне приходится писать всё ещё из проклятого далёка, из постылой эмигрантской «заграницы». А по такому конкретному практическому вопросу составить себе правильное мнение, не побывав в Петербурге, не видав ни разу Совета рабочих депутатов, не обменявшись взглядами с товарищами по работе, нет почти никакой возможности. Я оставляю поэтому на ответственности редакции помещение или непомещение этого письма, писанного человеком неосведомлённым. Я оставляю за собой право изменить мнение, когда мне удастся, наконец, познакомиться с вопросом не «по бумажкам» только.

А теперь к делу. Мне сдаётся, что тов. Радин неправ, ставя в № 5 «Новой Жизни» (я видел только пять номеров нашего фактического Центрального Органа РСДРП) вопрос: Совет рабочих депутатов или партия? Мне сдаётся, что нельзя так ставить вопроса, что решение *безусловно* должно быть: *и* Совет рабочих депутатов *и* партия. Вопрос — и крайне важный — вопрос состоит только в том, как разделить и как соединить задачи Совета и задачи Российской социал-демократической рабочей партии.

Мне сдаётся, что нецелесообразно было бы со стороны Совета примыкать всецело к одной какой-либо партии. Это мнение

удивит, вероятно, читателей, и я (напоминая ещё раз самым настойчивым образом, что это мнение постороннего) перейду прямо к объяснению своих взглядов.

Совет рабочих депутатов возник из всеобщей стачки, по поводу стачки, ради целей стачки. Кто вёл и победоносно провёл стачку? *Весь* пролетариат, среди которого есть, к счастью в меньшинстве, и не социал-демократы. Какие цели преследовала стачка? Экономические и политические вместе. Экономические касались *всего* пролетариата, всех рабочих и отчасти даже всех трудящихся, а не одних только наёмных рабочих. Политические цели касались всего народа, вернее всех народов России. Политические цели состояли в освобождении всех народов России от ига самодержавия, крепостничества, бесправия, полицейского произвола.

Пойдём дальше. Нужно ли продолжать пролетариату экономическую борьбу? Безусловно да, об этом нет и быть не может двух мнений среди социал-демократов. Следует ли вести такую борьбу одним только социал-демократам или под одним только социал-демократическим знаменем? Мне сдаётся, что нет; я продолжаю держаться мнения, высказанного мною (правда, при совершенно иных, устаревших уже условиях) в «Что делать?» — именно, что ограничивать состав профессиональных союзов, а следовательно, и состав участников профессиональной, экономической борьбы, одними только членами социал-демократической партии нецелесообразно. Мне сдаётся, что в качестве профессиональной организации Совет рабочих депутатов должен *стремиться* к тому, чтобы включить в свой состав депутатов от *всех* рабочих, служащих, прислуги, батраков и т. д., *всех*, кто только хочет и может бороться сообща за улучшение жизни всего трудящегося народа, *всех*, кто обладает только элементарной политической честностью, всех, кроме черносотенцев. А мы, социал-демократы, постараемся в свою очередь, во-первых, в полном (по возможности) составе всех наших партийных организаций войти во все профессиональные союзы, а во-вторых, пользоваться совместной борьбой с товарищами-пролетариями без различия их воззрений для неустанной, неуклонной проповеди *единственно* последовательного, единственного действительно пролетарского мирозерцания — *марксизма*. Для такой проповеди, для такой работы пропаганды и агитации мы безусловно сохраним, укрепим

и разовьём нашу совершенно самостоятельную, принципиально выдержанную классовую партию сознательного пролетариата, т. е. Российскую социал-демократическую рабочую партию. Каждый шаг пролетарской борьбы, неразрывно слитый с нашей социал-демократической, планомерной и организованной, деятельностью, будет всё более и более сближать *массы* рабочего класса в России с социал-демократией.

Но эта половина вопроса, относительно экономической борьбы, сравнительно проста и вряд ли даже вызывает особенные разногласия. Иное дело — другая половина вопроса, о политическом руководстве, о политической борьбе. Рискуя ещё более удивить читателей, я сразу, однако, должен сказать, что и в этом отношении мне кажется нецелесообразным требовать от Совета рабочих депутатов принятия социал-демократической программы и вступления в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Мне сдаётся, что для руководства политической борьбой равным образом безусловно необходимы в настоящее время *и* Совет (*преобразованный* в направлении, о котором сейчас будет идти речь) *и* партия.

Может быть, я ошибаюсь, но мне (по имеющимся у меня неполным и «бумажным» только сведениям) кажется, что в политическом отношении Совет рабочих депутатов следует рассматривать как зародыш *временного революционного правительства*. Мне кажется, что Совет должен как можно скорее провозгласить себя временным революционным правительством всей России или (что то же самое, лишь в иной форме) должен *создать* временное революционное правительство.

Политическая борьба достигла теперь как раз такой ступени развития, когда силы революции и контрреволюции приблизительно уравнились, когда царское правительство *уже* бессильно подавить революцию, а революция *ещё* недостаточно сильна, чтобы смести дотла черносотенное правительство. Разложение царского правительства полное. Но, разлагаясь заживо, оно отравляет Россию своим трупным ядом. Разложению царских, контрреволюционных сил безусловно необходимо противопоставить сейчас же, немедленно, без малейшего отлагательства *организацию* революционных сил. Эта организация именно в последнее время идёт вперёд с великолепной быстротой.

Об этом свидетельствует и образование отрядов революционной армии (дружин обороны и т. д.), и быстрое развитие массовых социал-демократических организаций пролетариата, и создание крестьянских комитетов революционным крестьянством, и первые свободные сходки наших братьев-пролетариев, одетых в мундиры матросов и солдат, пробивающих себе тяжёлую и трудную, но верную и светлую дорогу к свободе и к социализму.

Недостаёт теперь как раз объединения всех действительно революционных, всех действующих уже революционно сил. Недостаёт общероссийского политического центра, живого, свежего, сильного глубокими корнями в народе, пользующегося безусловным доверием масс, обладающего кипучей революционной энергией, связанного тесно с организованными революционными и социалистическими партиями. Такой центр может быть создан только революционным пролетариатом, который провёл блестяще политическую стачку, который организует теперь всенародное вооружённое восстание, который завоевал России половину свободы и завоеует полную свободу.

Спрашивается, почему бы Совету рабочих депутатов не явиться зародышем такого центра? Потому, что в Совете заседают не только социал-демократы? Это не минус, а плюс. Мы всё время говорили о том, что необходимо боевое объединение между социал-демократами и революционными буржуазными демократами. Мы об этом говорили, а рабочие это сделали. И прекрасно, что сделали. Когда я читал в «Новой Жизни» письмо *товарищей-рабочих*, принадлежащих к партии соц.-рев. и протестующих против включения Совета в одну из партий, я не мог не думать, что эти товарищи-рабочие в очень многом практически правы. Разумеется, мы расходимся с ними во взглядах, разумеется, не может быть и речи о слиянии с.-д. и с.-р., но ведь об этом и нет речи. Рабочие, разделяющие воззрения с.-р. и борющиеся в рядах пролетариата, по нашему глубокому убеждению, непоследовательны, ибо, делая истинно-пролетарское дело, они сохраняют непролетарские воззрения. С этой непоследовательностью мы обязаны идейно бороться самым решительным образом, но бороться так, чтобы насущное, злободневное, живое, всеми признанное, всех честных людей объединившее революционное дело от этого не страдало. Мы считаем по-прежнему воззрения социалистов-революционеров

воззрениями не социалистическими, а революционно-демократическими. Но для боевых целей мы обязаны идти вместе при полной партийной самостоятельности, а Совет есть именно боевая организация и должен быть таковой. Выгонять преданных и честных революционеров-демократов в такой момент, когда мы делаем именно демократическую революцию, было бы нелепостью и безумием. С их непоследовательностью мы легко сладим, ибо за наши взгляды вступает сама история, вступает на каждом шагу действительность. Если их не научила социал-демократизму наша книжка, — их научит социал-демократизму наша революция. Непоследовательны, конечно, и те рабочие, которые остаются христианами, которые веруют в бога, и те интеллигенты, которые являются сторонниками (тьфу! тьфу!) мистики, — но мы не будем их выгонять не только из Совета, но даже и из партии, ибо мы твёрдо убеждены, что действительная борьба, работа в ряду и шеренге убедит в истине марксизма все жизнеспособные элементы, отбросит прочь всё нежизнеспособное. А в своей силе, в подавляющей силе марксистов среди Российской социал-демократической рабочей партии, мы ни на секунду не сомневаемся.

На мой взгляд Совет рабочих депутатов в качестве политически-руководящего революционного центра является не слишком широкой, а, наоборот, слишком узкой организацией. Совет должен провозгласить себя временным революционным правительством, или составить таковое, обязательно привлекая для этого новых депутатов не от рабочих только, а, во-первых, от матросов и солдат, которые повсюду потянулись уже к свободе, во-вторых, от революционного крестьянства, в-третьих, от революционной буржуазной интеллигенции. Совет должен выбрать сильное ядро временного революционного правительства и пополнить его представителями всех революционных партий и всех революционных (но, конечно, только революционных, а не либеральных) демократов. Мы не боимся такой широты и разношёрстности состава, а желаем её, ибо без объединения пролетариата и крестьянства, без боевого сближения социал-демократов и революционных демократов невозможен полный успех великой русской революции. Это будет временный союз для ясно определённых ближайших практических задач, а на страже ещё более важных, коренных интересов социалистического пролетариата, на страже его конечных целей

будет неуклонно стоять самостоятельная и выдержанная принципиально Российская социал-демократическая рабочая партия.

Мне возразят: можно ли будет создать при широком и разнородном составе достаточно сплочённый и единый для практического руководства центр? Я отвечу вопросом: чему учит октябрьская революция?

■ Речь идёт о всероссийской политической стачке в октябре 1905 года (Ред.).

Разве стачечный комитет *на деле* не оказался общепризнанным центром, настоящим правительством? и разве этот комитет не включил бы охотно в свои ряды представителей от той части «союзов» и «Союза союзов», которые действительно революционны и действительно поддерживают пролетариат в его беспощадной борьбе за свободу? Надо только, чтобы было сильно основное чисто пролетарское ядро во временном революционном правительстве, чтобы на сотни, к примеру скажем, рабочих, матросов, солдат, крестьян, приходились десятки депутатов интеллигентски-революционных союзов. И я думаю, что пролетарии сумеют скоро установить на деле правильную пропорцию.

Возразят: можно ли выдвинуть программу такого правительства, достаточно полную, чтобы обеспечить победу революции, и достаточно широкую, чтобы создать возможность боевого соединения, чуждого всяких недомолвок, неясностей, умолчаний, лицемерья? Я отвечу: такая программа уже всецело выдвинута жизнью. Такая программа уже признана в принципе всеми сознательными элементами всех решительно классов и слоёв населения, вплоть даже до православных священников. В этой программе на первом месте должно стоять полное осуществление на деле политической свободы, которая так лицемерно обещана царём. Отмена всех законов, стесняющих свободу слова, совести, собраний, печати, союзов, стачек, уничтожение всех учреждений, ограничивающих эту свободу, должны быть немедленны, реальны, обеспечены и проведены на деле. В этой программе должен быть созыв действительно всенародного учредительного собрания, которое опиралось бы на свободный и вооружённый народ, которое имело бы всю власть и всю силу, чтобы учредить новые порядки в России. В этой программе должно быть вооружение народа. Необходимость такого вооружения признана всеми. Остаётся довести до конца и объединить

дело, уже начатое и ведущееся повсюду. В программе временного революционного правительства должно быть далее немедленное предоставление действительной и полной свободы угнетённым царским чудовищем народностям. Свободная Россия родилась. Пролетариат стоит на своём посту. Он не допустит, чтобы геройская Польша была ещё раз задавлена. Он ринется сам в бой и не только уже мирной стачкой, а с оружием в руках поднимется за свободу и России и Польши. В этой программе должно быть закрепление 8-часового рабочего дня, уже «захватываемого» рабочими, и других неотложных мер обуздания капиталистической эксплуатации. В этой программе, наконец, обязательно должен быть включён переход всей земли к крестьянам, поддержка всех революционных мер крестьянства по отобранию всей земли (без поддержки, конечно, иллюзий «уравнительности» мелкого землепользования) и учреждение повсюду революционных крестьянских комитетов, которые уже начали и теперь складываться сами собой.

Кто кроме черносотенцев и черносотенного правительства не признаёт теперь неотложности и практической насущности этой программы? Ведь даже буржуазные либералы на словах готовы признать её! А нам нужно провести её силами революционного народа на деле, нам нужно объединить для этого как можно скорее эти силы посредством провозглашения пролетариатом временного революционного правительства. Конечно, реальной опорой такого правительства может быть только вооружённое восстание. Но ведь проектируемое правительство и будет не чем иным, как *органом* этого растущего и зреющего уже восстания. Нельзя было практически приступить к образованию революционного правительства, пока восстание не выросло до размеров, ясных для всех, осязаемых, можно сказать, всеми. А теперь именно необходимо объединить политически это восстание, организовать его, дать ему ясную программу, превратить все многочисленные уже и увеличивающиеся быстро в числе отряды революционной армии в опору и орудия этого нового, действительно свободного и действительно народного правительства. Борьба неминуема, восстание неизбежно, решительная схватка уже очень близка. Пора сделать прямой вызов, противопоставить разлагающемуся царизму организованную власть пролетариата,

обратиться ко всему народу с манифестом от имени учреждённого передовыми рабочими временного революционного правительства.

Теперь мы уже ясно видим, что из недр революционного народа найдутся люди, способные выполнить это великое дело, люди беззаветной преданности революции, и главное, люди с кипучей, безграничной энергией. Теперь мы уже ясно видим, что есть налицо элементы революционной армии, которая поддержит это дело, что всё честное, всё живое, всё сознательное во всех классах населения отвернётся окончательно от царизма, когда новое правительство объявит решительную войну отмирающей крепостной, полицейской России.

Граждане! — следовало бы сказать в этом объявлении войны, в этом манифесте революционного правительства, — граждане, выбирайте! Там — вся старая Россия, все тёмные силы эксплуатации, гнёта, надругательства над человеком. Здесь — союз свободных граждан, равноправных во всех государственных делах. Там — союз эксплуататоров, богачей, полицейских. Здесь — союз всех трудящихся, всех живых сил народа, всей честной интеллигенции. Там — чёрные сотни, здесь — организованные рабочие, борющиеся за свободу, за просвещение, за социализм.

Граждане, выбирайте! Вот наша программа, давно выставленная всем народом. Вот наши цели, во имя которых мы объявляем войну правительству черносотенцев. Мы не навязываем никаких нами выдуманных новшеств народу, мы только берём на себя почин осуществления на деле того, без чего нельзя жить дальше в России, по общему и единодушному признанию. Мы не замыкаемся от революционного народа, отдавая на суд его каждый наш шаг, каждое наше решение, мы опираемся всецело и исключительно на свободный почин, исходящий от самих трудящихся масс. Мы объединяем все и всякие революционные партии, мы зовём в свои ряды депутатов от всякой группы населения, готовой бороться за свободу, за нашу программу, которая обеспечивает элементарные права и нужды народа. Мы протягиваем в особенности нашу руку товарищам-рабочим, одетым в солдатские мундиры, и нашим братьям-крестьянам для совместной борьбы до конца против ига помещиков и чиновников, для борьбы за землю и волю.

Граждане! Готовьтесь к решительной борьбе. Мы не позволим черносотенному правительству надругаться над Россией. Мы не дадим себя обмануть переменой нескольких чиновников, отставкой нескольких полицейских, пока вся масса черносотенной полиции сохраняет власть для убийств, грабежей и бесчинств над народом. Пусть либеральные буржуа унижаются до ходатайств перед этим черносотенным правительством. Черносотенцы смеются, когда им грозят всё тем же царским судом всё тех же царских чиновников. Мы дадим приказ отрядам нашей армии арестовывать спаивающих и подкупающих тёмный народ героев чёрной сотни, мы отдадим всех этих извергов вроде кронштадтского полицмейстера на открытый, всенародный, революционный суд.

Граждане! от царского правительства отвернулись все, кроме чёрных сотен. Объединяйтесь же вокруг революционного правительства, прекратите платёж всех податей и налогов, направьте все усилия на организацию и вооружение свободного народного ополчения. Действительная свобода будет обеспечена России лишь в той мере, в какой революционный народ окажется победителем над силами черносотенного правительства. В гражданской войне нет и не может быть нейтральных. Партия белых — одно трусливое лицемерие. Кто сторонится от борьбы, тот поддерживает хозяйничанье черносотенцев. Кто не за революцию, тот против революции. Кто не революционер, тот черносотенец.

Мы берём на себя объединение и подготовку сил народного восстания. Пусть к годовщине великого дня 9-го января в России не останется и следа от учреждений царской власти. Пусть весенний праздник международного пролетариата застанет уже свободную Россию с созванным свободно всенародным учредительным собранием!

Вот как рисуется мне развитие Совета рабочих депутатов в временное революционное правительство. Вот какие задачи поставил бы я в первую голову всем организациям нашей партии, всем сознательным рабочим, и самому Совету, и предстоящему в Москве рабочему съезду, и съезду Крестьянского союза.

Н. Ленин

Написано 2–4 (15–17) ноября 1905 г.

Впервые напечатано 5 ноября 1940 г. в газете «Правда» № 308

Печатается по рукописи

Вычитал: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

ПРИБЛИЖЕНИЕ РАЗВЯЗКИ

Силы уравнились, — писали мы две недели тому назад при первых известиях о всероссийской политической стачке, когда стало обнаруживаться, что правительство не решается пустить в ход сразу свои военные средства.

Силы уравнились, — повторили мы неделю тому назад, когда манифест 17-го октября был «последним словом» политических новостей, знаменуя перед всем народом и перед всем миром нерешительность царизма и отступление его.

Но равновесие сил несколько не исключает борьбы, а, напротив, делает её особенно острой. Отступление правительства, как мы уже говорили, есть лишь выбор им новой, более удобной, с его точки зрения, позиции для схватки. Объявление о «свободах», которые красуются на бумажке, называемой манифестом 17-го октября, есть лишь попытка подготовить моральные условия для борьбы с революцией, — в то время как Трепов во главе всероссийских черносотенцев prepares материальные условия для этой борьбы.

Развязка приближается. Новое политическое положение обрисовывается с поразительной, только революционным эпохам свойственной, быстротой. Правительство стало уступать на словах и начало тотчас готовить наступление на деле. За обещаниями конституции последовали самые дикие и безобразные насилия как бы нарочито для того, чтобы ещё нагляднее представить народу всё реальное значение реальной власти самодержавия. Противоречие между посулами, словами, бумажками и действительностью стало бесконечно ощутительнее. События стали давать великолепное подтверждение той истине, о которой мы давно уже твердили и всегда будем твердить читателям: пока не свергнута

фактическая власть царизма, до тех пор все его уступки, вплоть даже до «учредительного» собрания, — один призрак, мираж, отвод глаз.

Революционные рабочие Петербурга выразили это с замечательной яркостью в одном из тех ежедневных бюллетеней, которые ещё не дошли до нас, но о которых всё чаще стали сообщать заграничные газеты, поражённые и напуганные могуществом пролетариата. «Нам дарована свобода собраний, — писал стачечный комитет (мы переводим обратно с английского на русский, отчего неизбежны, конечно, известные неточности), — но наши собрания окружены войсками. Нам дарована свобода печати, но цензура продолжает существовать. Обещана свобода науки, но университет занят солдатами. Дарована неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены арестованными. Дарован Витте, но продолжает существовать Трепов. Дарована конституция, но продолжает существовать самодержавие. Нам всё дано, но у нас ничего нет».

«Манифест» приостановлен Треповым. Конституция задержана Треповым. Свободы разъяснены в их истинном значении тем же Треповым. Амнистия изуродована Треповым.

Да что же такое этот Трепов? Необыкновенная личность, которую особенно важно было бы убрать? Ничего подобного. Это — самый обыкновенный полицейский, который выполняет самую будничную работу самодержавия, распоряжаясь войсками и полицией.

Почему же этот зауряднейший полицейский и его обыденнейшая «работа» приобрели вдруг такое необъятно большое значение? Потому, что революция сделала необъятно большой шаг вперёд, приблизила настоящую развязку. Руководимый пролетариатом, народ мужает политически не по дням, а по часам, — или, если хотите, не по годам, а по неделям. И если перед народом, политически ещё спящим, Трепов был самым обыкновенным полицейским, то перед народом, сознавшим себя политической силой, Трепов стал невозможен, воплотив в себе всю дикость, преступность и бессмысленность царизма.

Революция учит. Она даёт всем классам народа и всем народам России отличные предметные уроки на тему *о сущности конституции*. Революция учит тем, что выдвигает подлежащие

решению очередные задачи политики в их самой наглядной, осязательной очевидности, заставляя массы народа прочувствовать эти задачи, делая невозможным самое существование народа без решения этих задач, разоблачая на деле негодность всех и всяких прикрытий, отговорок, посулов, признаний. «Нам всё дано, но у нас ничего нет». Ибо нам «даны» только посулы, ибо у нас нет настоящей власти. Мы подошли вплотную к свободе, мы заставили всех и вся, даже царя, признать необходимость свободы. Но нам нужно не признание свободы, а действительная свобода. Нам нужна не бумажка, обещающая законодательные права представителям народа. Нам нужно действительное самодержавие народа. Чем ближе мы подошли к нему, тем нестерпимее стало отсутствие его. Чем заманчивее царские манифесты, тем невозможнее царская власть.

Борьба подходит к развязке, к решению вопроса о том, остаётся ли реальная власть в руках царского правительства. Что касается признания революции, то признали её теперь уже все. Признал довольно давно г. Струве и освобожденцы, признал теперь г. Витте, признал Николай Романов. Я обещаю вам всё, что хотите, говорит царь, только сохраните за мною власть, позвольте исполнить самому мои обещания. К этому сводится царский манифест, и понятно, что он не мог не толкнуть к решительной борьбе. Всё дарую, кроме власти, — заявляет царизм. Всё — призрак, кроме власти, — отвечает революционный народ.

Действительное значение той кажущейся бессмыслицы, к которой пришли дела в России, заключается в стремлении царизма обмануть, обойти революцию путём сделки с буржуазией. Царь обещает буржуазии всё больше и больше, пробуя, не начнётся ли, наконец, повальный поворот имущих классов в сторону «порядка». Но пока этот «порядок» воплощается в бесчинстве Трепова и его чёрных сотен, — призыв царя рискует оставаться гласом вопиющего в пустыне. Царю одинаково нужны и Витте, и Трепов: Витте, чтобы подманивать одних; Трепов, чтобы удерживать других; Витте — для обещаний, Трепов для дела; Витте для буржуазии, Трепов для пролетариата. И перед нами опять развёртывается, только на несравненно более высокой ступени развития, та же картина, которую мы видели при начале московских стачек: либералы ведут переговоры, рабочие ведут борьбу.

Трепов прекрасно понял свою роль и своё настоящее значение. Он, может быть, только поспешил чересчур, — для дипломатического Витте, — но, ведь, он боялся опоздать, видя, как быстро шагает революция. Трепов даже вынужден был спешить, ибо он чувствовал, что находящиеся в его распоряжении силы убывают.

Одновременно с конституционным манифестом самодержавия начались самодержавные предупреждения конституции. Чёрные сотни заработали так, как не видывала ещё Россия. Вести о побоищах, о погромах, о неслыханных зверствах так и сыплется из всех концов России. Господствует белый террор. Где только можно, полиция поднимает и организует подонки капиталистического общества для грабежа и насилия, подпавая отбросы городского населения, устраивая еврейские погромы, подстрекая избивать «студентов» и бунтовщиков, помогая «учить» земцев. Контрреволюция работает вовсю. Трепов «оправдывает себя». Стреляют из митральез (Одесса), выкалывают глаза (Киев), выбрасывают на мостовую с пятого этажа, берут приступом и отдают на поток и разграбление целые дома, поджигают и не позволяют тушить, расстреливают тех, кто смеет сопротивляться чёрным сотням. От Польши и до Сибири, от берегов Финского залива до Чёрного моря, — всюду одно и то же.

Но рядом с этим разгулом чёрной сотни, с этой оргией самодержавной власти, с этими последними судорогами чудовищациаризма пробивается явственно новый и новый натиск пролетариата, который, как и всегда, лишь по видимости утихает после всякого подъёма движения, на деле собирая силы и готовясь к решительному удару. Бесчинства полиции приобрели теперь в России совсем уже не тот характер, который имели они прежде, — по причинам, отмеченным нами выше. Наряду с взрывами казацкой мести и треповского «реванша» разложение царской власти идёт вперёд да вперёд. Это видно и по провинции, и по Финляндии, и по Питеру, это сказывается и в тех местах, где народ всего забитее и политическое развитие всего слабее, и в окраинах с иноплеменным населением, и в столице, где обещает разыгаться величайшая драма революции.

В самом деле, сравните вот эти две телеграммы, которые мы берём из лежащей перед нами венской буржуазно-либеральной газеты: «*Тверь*. Чернь в присутствии губернатора Слепцова

напала на здание земских учреждений. Осаждённый чернью, дом был затем зажжён. Пожарные отказывались тушить. Войско стояло рядом, не предпринимая ничего против громил» (мы не ручаемся, конечно, за полную достоверность именно этого известия, но что подобные и во сто раз худшие вещи проделываются повсюду, это — неоспоримейший факт). «*Казань*. Народ обезоружил полицию. Оружие, отнятое у неё, распределено между населением. Организована народная милиция. Господствует полнейший порядок».

Не правда ли, как поучительно сопоставить ту и другую картину? Мечь, бесчинство, погром. Свержение царской власти и организация победоносного восстания.

Финляндия показывает нам те же явления в несравненно более широком масштабе. Царский наместник прогнан. Лакей-сенаторы смещены народом. Русские жандармы выбрасываются вон. Они пробуют мстить (телеграмма из Гапаранды от 4 ноября н. ст.), портя жел.-дор. сообщение. Тогда для ареста бесчинствующих жандармов высылаются отряды вооружённой народной милиции. На собрании граждан в Торнео решено организовать ввоз оружия и свободной литературы. Тысячи и десятки тысяч записываются в финляндскую милицию по городам и по сёлам. Передают, что русский гарнизон сильной крепости (Свеаборг) выразил сочувствие восставшему народу и передал народной милиции крепость. Финляндия ликует. Царь идёт на уступки, готов созвать сейм, отменяет незаконный манифест 15 февраля 1899 г., принимает «отставку» прогнанных народом сенаторов. А рядом с этим «Новое Время» советует блокировать все гавани Финляндии и подавить восстание вооружённой рукой. По телеграммам зарубежных газет, в Гельсингфорсе расквартировано много русского войска (неизвестно, насколько оно пригодно для подавления восстания). Военные русские суда вошли, будто бы, во внутреннюю гавань Гельсингфорса.

Петербург. За ликование революционного народа (по поводу вырванной у царя уступки) мстит Трепов. Бесчинствуют казаки. Усиливаются побоища. Полиция открыто организует чёрные сотни. Рабочие намеревались устроить гигантскую демонстрацию в воскресенье 5 ноября (23 октября). Они хотели всенародно почтить память своих товарищей-героев, павших в борьбе

за свободу. Правительство готовило, с своей стороны, гигантское кровопролитие. Для Питера оно припасало то, что в малом масштабе разыгралось в Москве (бойня на похоронах вождя рабочих Баумана). Трепов хотел использовать момент, когда он ещё не раздробил своих войск посылкой части их в Финляндию, — момент, когда рабочие собирались манифестировать, а не драться.

Петербургские рабочие разглядели замысел неприятеля. Демонстрация была отменена. Рабочий комитет решил устроить последнюю битву не тогда, когда момент для неё изволил выбрать Трепов. Рабочий комитет рассчитал правильно, что целый ряд причин (восстание в Финляндии в том числе) делает отсрочку борьбы невыгодной для Трепова, выгодной для нас. А пока — идёт усиленная подготовка вооружения. Пропаганда в войсках делает замечательные успехи. Сообщают об аресте 150 матросов 14-го и 18-го флотских экипажей, о поданных за последние полторы недели 92-х жалобах на офицеров за сочувствие революционерам. Прокламации, призывающие войско переходить на сторону народа, раздаются даже патрулям, «оберегающим» Питер. Свободу печати, обещанную в пределах, дозволенных Треповым, революционный пролетариат раздвигает своей могучей рукой до несколько более широких пределов. В субботу 22-го октября (4-го ноября) вышли, по сообщению иностранных газет, только те питерские газеты, которые согласились с требованием рабочих игнорировать цензуру. Две немецкие питерские газеты, пожелавшие остаться «лояльными» (холопствующими), не могли выйти в свет. «Легальные» газеты — с того момента, когда границы легального стал определять не Трепов, а союз петербургских стачечников — заговорили необычно смелым языком. «Стачка прекращена лишь временно, — телеграфируют от 23 октября (5 ноября) в «Neue Freie Presse», — заявляют, что стачка возобновится опять, когда наступит пора нанести последний удар старому порядку. На пролетариат уступки не производят уже ровно никакого впечатления. Положение крайне опасное. Революционные идеи охватывают всё более широкие массы. Рабочий класс чувствует себя хозяином положения. Отсюда (из Петербурга) начинают уже выезжать те, кого пугает предстоящая катастрофа».

Развязка близится. Победа народного восстания уже недалека. Лозунги революционной социал-демократии претворяются

в жизнь с неожиданной быстротой. Пусть же помечется ещё Трепов между революционной Финляндией и революционным Петербургом, между революционными окраинами и революционной провинцией. Пусть попробует он выбрать себе хоть одно надёжное местечко для свободных военных операций. Пусть разойдётся пошире царский манифест, пусть распространится побольше весть о событиях в революционных центрах, — это даст нам новых сторонников, это внесёт новое колебание и разложение в редеющие ряды царских сторонников.

Всероссийская политическая стачка превосходно исполнила своё дело, подвинув вперёд восстание, нанеся страшные раны царизму, сорвав гнусную комедию гнусной Государственной думы. Генеральная репетиция окончена. Мы стоим, по всей видимости, накануне самой драмы. Витте истекает в потоках слов. Трепов истекает в потоках крови. У царя осталось слишком уже мало обещаний, которые он мог бы ещё дать. У Трепова осталось слишком мало черносотенного войска, которое ещё можно будет двинуть в последний бой. А ряды революционного войска всё растут, силы закаляются в отдельных схватках, красное знамя поднимается над новой Россией всё выше и выше.

«Пролетарий» № 25, 16 (3) ноября 1905 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

О РЕОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ

I

Условия деятельности нашей партии коренным образом изменяются. Захвачена свобода собраний, союзов, печати. Конечно, эти права до последней степени непрочны, и полагаться на теперешнюю свободу было бы безумием, если не преступлением. Решительная борьба ещё впереди, и подготовка к этой борьбе должна стоять на первом плане. Конспиративный аппарат партии должен быть сохранен. Но вместе с тем безусловно необходимо использовать самым широким образом теперешний, сравнительно более широкий простор. Безусловно необходимо наряду с конспиративным аппаратом создавать новые и новые, открытые и полукрытые партийные (и примыкающие к партии) организации. Без этой последней работы приспособить нашу деятельность к новым условиям, оказаться в состоянии решить новые задачи, немыслимо...

Чтобы поставить организацию на новое основание, необходим новый съезд партии. По уставу он назначен раз в год, назначен в мае 1906 года, но ускорить съезд теперь необходимо. Если мы не воспользуемся моментом, мы упустим его — в том смысле, что потребность в организации, ощущаемая рабочими крайне остро, выльется в уродливые, опасные формы, усилит каких-нибудь «независимцев» и т. д. Надо спешить организовать по-новому, надо поставить на общее обсуждение новые приёмы, надо смело и решительно определить «новый курс».

Обращение к партии, печатаемое в настоящем номере и подписанное Центральным Комитетом нашей партии, определяет этот новый курс, по моему глубокому убеждению, вполне правильно. Мы, представители революционной социал-демократии, сторонники «большинства», неоднократно говорили, что демократизация партии, проведённая до конца, была невозможна при условиях

конспиративной работы, что «выборное начало» при этих условиях есть фраза. И жизнь подтвердила наши слова. Неоднократно в литературе (смотри брошюру Рабочего, с предисловием Аксельрода, и письмо «Рабочего, одного из многих», в «Искре» и в брошюре «Рабочие о партийном расколе») отмечалось уже бывшими сторонниками меньшинства, что фактически никакой серьёзной демократизации, никакой действительной выборности провести не удавалось. Но необходимость перехода к выборному началу при новых условиях, при переходе к политической свободе, мы, большевики, признавали всегда: протоколы III съезда РСДРП доказывают это особенно убедительно, если требуются ещё тому доказательства.

Итак, задача стоит ясно: сохранить пока конспиративный аппарат и развить новый, открытый. В применении к съезду эта задача (конкретное выполнение которой требует, конечно, практического умения и знаний всех условий места и времени) гласит так: созвать IV съезд на основе устава и в то же время начать сейчас же, немедленно, применение выборного начала. ЦК решил эту задачу: комитетчики, как представители полноправных организаций формально, как представители партийной преемственности реально, едут на съезд с решающими голосами по праву. Выборных делегатов от *всех* членов партии, следовательно, и от массы рабочих, входящих в партию, ЦК *пригласил* на основании своего права с совещательным голосом. ЦК заявил далее, что он тотчас же предложит съезду превратить этот совещательный голос в решающий. Согласятся ли на это полноправные делегаты комитетов?

ЦК заявляет, что, по его мнению, безусловно согласятся. Я, лично, глубоко убеждён в этом. Нельзя не согласиться на такую вещь. Нельзя представить себе, что большинство руководителей социал-демократического пролетариата не согласится на это. Мы уверены, что голоса партийных работников, регистрируемые со всей тщательностью газетой «Новая Жизнь», докажут очень быстро правильность нашего взгляда: если даже борьба за такой шаг (за превращение совещательного голоса в решающий) и предстоит, то исход несомненен.

Взгляните на этот вопрос с другой стороны, не с формальной точки зрения, а по существу. Грозит ли опасность социал-демократии от осуществления предложенного нами плана?

Опасность могли бы усмотреть в том, что в партию войдут сразу массы не социал-демократов. Тогда партия растворится в массе, партия перестанет быть сознательным передовым отрядом класса, партия принизится до роли хвоста. Это был бы безусловно плачевный период. И эта опасность, несомненно, *могла бы* приобрести *серьёзнейшее* значение, *если бы* у нас была налицо наклонность к демагогии, если бы основы партийности (программа, тактические правила, организационный опыт) отсутствовали совсем или были слабы и шатки. Но дело всё в том, что этого «если бы» как раз и нет налицо. Среди нас, большевиков, не только не было наклонности к демагогии, а напротив, мы всё время решительно, открыто и прямо боролись с малейшими попытками демагогии, требовали сознательности от входящих в партию, настаивали на гигантском значении преемственности в деле партийного развития, проповедовали дисциплину и воспитание *всех* членов партии в одной из партийных организаций. У нас есть и твёрдо стоит наша программа, официально всеми социал-демократами признанная и никакой критики по существу в коренных своих положениях не вызывавшая (критика отдельных пунктов и формулировок вполне законная и необходимая вещь во всякой живой партии). У нас есть тактические резолюции, последовательно и систематически вырабатывавшиеся и на II и на III съезде и многолетней работой социал-демократической печати. У нас есть и некоторый организационный опыт и фактическая организация, сыгравшая воспитательную роль и давшая несомненно плоды, которые не видны сразу, но отрицать которые могли бы только слепые или ослеплённые люди.

Нет, товарищи, не будем преувеличивать этой опасности. Социал-демократия создала себе имя, создала направление, создала кадры рабочих социал-демократов. И в настоящий момент, когда геройский пролетариат доказал на деле свою готовность к борьбе и своё умение бороться солидарно, выдержанно, за ясно сознанные цели, бороться в чисто социал-демократическом духе, — в такой момент прямо смешно было бы сомневаться в том, что рабочие, которые входят в нашу партию и которые завтра, по приглашению ЦК, войдут в неё, будут в 99 случаях из 100 социал-демократы. Рабочий класс инстинктивно, стихийно социал-демократичен, а более чем десятилетняя работа социал-демократии

очень и очень уж немало сделала для превращения этой стихийности в сознательность. Не стройте себе воображаемых ужасов, товарищи! Не забывайте, что во всякой живой и развивающейся партии всегда будут элементы неустойчивости, шатания, колебаний. Но эти элементы поддаются и поддадутся воздействию выдержанного и сплочённого ядра социал-демократов.

Наша партия застоялась в подполье. Она задышалась в нём в последние годы, как верно выразился один делегат III съезда. Подполье рушится. Смелей же вперёд, берите новое оружие, раздавайте его новым людям, расширяйте свои опорные базы, зовите к себе всех рабочих социал-демократов, включайте их в ряды партийных организаций сотнями и тысячами. Пусть их делегаты оживят ряды наших центров, пусть вольтётся через них свежий дух молодой революционной России. До сих пор революция оправдывала и оправдала все основные теоретические положения марксизма, все существенные лозунги социал-демократии. И революция оправдала также *нашу*, социал-демократическую работу, оправдала нашу надежду и веру в истинную революционность пролетариата. Отбросим же всякую мелочность в необходимой реформе партии: встанем сразу на новый путь. Это не отнимет у нас старого конспиративного аппарата (признание и утверждение его рабочими социал-демократами несомненно: оно доказано жизнью и ходом революции во сто раз внушительнее, чем могли бы доказать это решения и постановления). Это даст нам и новые, молодые силы, выходящие из самых недр единственного действительно революционного и до конца революционного класса, который завоевал России половину свободы, который завоеует ей полную свободу, который поведёт её через свободу к социализму.

II

Постановление ЦК нашей партии о созыве IV съезда РСДРП, напечатанное в № 9 «Новой Жизни», делает решительный шаг к полному осуществлению демократического начала в партийной организации. Выборы делегатов на съезд (являющихся первоначально с совещательным голосом, но затем получающих, несомненно, решающий голос) должны быть произведены в один

месяц. Всем организациям партии следует, таким образом, приступать как можно скорее к обсуждению вопроса о личностях кандидатов и о задачах съезда. С возможностью новых попыток умирающего самодержавия отнять обещанные свободы, напасть на революционных рабочих и особенно их вождей следует непременно считаться. Поэтому вряд ли уместно (за исключением разве особых случаев) опубликование настоящих фамилий делегатов. От псевдонимов, к которым нас приучила эпоха политического рабства, не приходится ещё отказываться, пока черносотенцы остаются у власти. И кандидатов к делегатам не мешало бы выбирать, — опять-таки, по-старому, «на случай провала». Но на всех этих конспиративных предосторожностях мы не будем останавливаться, ибо товарищи, знакомые с местными условиями работы, легко сладят со всеми затруднениями, которые могут возникнуть в этом отношении. Товарищи, богатые опытом революционной работы при условиях самодержавия, должны прийти на помощь своими советами всем тем, кто начинает социал-демократическую работу при новых «свободных» (свободных пока ещё в кавычках) условиях. Само собою разумеется, что при этом со стороны членов наших комитетов требуется много такта: прежние формальные prerogatives теперь неизбежно теряют значение, и необходимо заново начинать сплошь да рядом «с начала», *доказать* широким слоям новых товарищей по партии всю важность выдержанной социал-демократической программы, тактики, организации. Нельзя забывать, что до сих пор слишком часто имели дело только с выделившимися из данного социального слоя революционерами, теперь же мы будем иметь дело с типичными представителями массы: эта перемена требует перемены приёмов не только пропаганды и агитации (необходимость большей популярности, умение подойти к вопросу, умение разъяснить самым простым, наглядным и действительно убедительным образом основные истины социализма), но и организации.

В настоящей заметке мне хотелось бы остановиться на одной стороне новых организационных задач. Постановление ЦК приглашает делегатов на съезд от *всех* партийных организаций и призывает *всех* рабочих социал-демократов вступать в такие организации. Для того, чтобы это благое пожелание осуществилось на деле, недостаточно простого «приглашения» рабочих,

недостаточно простого увеличения числа организаций прежнего типа. Нет, для этого необходима самостоятельная, творческая выработка всеми товарищами сообща *новых* форм организации. Тут нельзя указать никаких заранее определенных норм, ибо всё это дело новое; тут должно найти себе приложение знание местных условий и, главное, инициатива *всех* членов партии. Новая форма организации или, вернее, новая форма основной организационной ячейки рабочей партии должна быть безусловно более широкая, по сравнению со старыми кружками. Вероятно, кроме того, что новая ячейка должна быть менее строго оформленной, более «свободной», «lose», организацией. При полной свободе союзов и при полной обеспеченности гражданских прав населения мы бы должны были, конечно, основывать повсюду социал-демократические (не профессиональные только, а политические, партийные) союзы. При теперешних условиях надо стремиться к тому, чтобы приблизиться к этой цели всеми путями и средствами, какие только окажутся в нашем распоряжении.

Надо немедленно разбудить инициативу всех партийных работников и всех рабочих, сочувствующих социал-демократии. Надо тотчас же организовать везде и повсюду рефераты, беседы, митинги, массовки с сообщением о IV съезде РСДРП, с изложением задач этого съезда в самой популярной и доступной форме, с указанием новой формы организации съезда, с призывом всех социал-демократов принять участие в выработке на новых началах действительно пролетарской социал-демократической партии. Такая работа даст массу указаний опыта, выдвинет в две-три недели (если энергично повести дело) новые социал-демократические силы из среды рабочих, оживит в гораздо более широких слоях интерес к социал-демократической партии, которую мы решили теперь перестроить заново вместе со всеми товарищами рабочими. Немедленно будет поставлен на всех собраниях вопрос о создании союзов, организаций, групп партии. Каждый союз, организация, группа тотчас выберет себе бюро или правление или распорядительную комиссию, одним словом, центральное и постоянное учреждение для ведения дел организации, для сношения с местными учреждениями партии, для получения и распространения партийной литературы, для сбора взносов на партийную работу, для устройства собраний, лекций, рефератов,

наконец, для подготовки выборов делегата на партийный съезд. Комитеты партии позаботятся, конечно, о помощи каждой такой организации, о снабжении её материалом для ознакомления с тем, что такое РСДР партия, какова её история и её теперешние великие задачи.

Далее, пора позаботиться также о том, чтобы создавать местные хозяйственные, так сказать, опорные пункты рабочих социал-демократических организаций в виде содержимых членами партии столовых, чайных, пивных, библиотек, читален, тиров и проч., и проч. Нельзя забывать, что, кроме «самодержавной» полиции, рабочих социал-демократов будут преследовать «самодержавные» хозяева, рассчитывая агитаторов, и потому устройство базы, возможно более независимой от произвола фабрикантов, вещь крайне важная.

Вообще говоря, теперешним расширением свободы действия мы, социал-демократы, должны пользоваться всячески, и чем обеспеченнее будет эта свобода, тем энергичнее будем мы выдвигать лозунг: «в народ!». Теперь инициатива самих рабочих будет проявляться в таких размерах, о которых мы, вчерашние конспираторы и «кружковики», не смели и мечтать. Теперь воздействие идей социализма на массы пролетариата идёт и будет идти такими путями, которых мы зачастую совершенно не в состоянии будем проследить. Соответственно таким условиям, надо будет заботиться о более правильном распределении социал-демократической интеллигенции *, чтобы она не толкалась зря там, где движение уже встало на ноги и обходится, если можно так выразиться, своими силами, чтобы она шла «в низы», где работа тяжелее, условия труднее, нужда в опытных и знающих людях сильнее, источников света меньше, политическая жизнь бьёт слабее.

* На III съезде партии я выражал пожелание, чтобы в комитетах партии приходилось, примерно, 8 рабочих на 2 интеллигентов. Как устарело это пожелание! Теперь надо желать, чтобы в новых организациях партии на одного члена партии из социал-демократической интеллигенции приходилось несколько сот рабочих социал-демократов.

«В народ» мы должны теперь идти и на случай выборов, в которых примет участие всё население даже самых глухих углов, — и (это ещё более важно) на случай открытой борьбы, чтобы парализовать реакционность провинциальной Вандеи,

чтобы обеспечить распространение по всей стране, во всех массах пролетариата тех лозунгов, которые будут исходить из крупных центров.

Конечно, всякая крайность вредна; для вполне прочной и «образцовой», по возможности, постановки дела часто придётся нам ещё и теперь концентрировать лучшие силы в том или ином важном центре. Опыт покажет, какую пропорцию следует соблюдать в этом отношении. Наша задача теперь не столько выдумывать нормы для организации на новых началах, сколько развернуть самую широкую и смелую работу, чтобы подытожить и оформить на IV съезде данные партийного опыта.

III

В первых двух очерках мы останавливались на общем значении выборного начала в партии и на необходимости новых организационных ячеек и организационных форм. Теперь рассмотрим ещё один крайне насущный вопрос, именно: вопрос о партийном объединении.

Ни для кого не тайна, что громадное большинство рабочих социал-демократов крайне недовольно партийным расколом и требует объединения. Ни для кого не тайна, что раскол вызвал некоторое охлаждение рабочих социал-демократов (или готовых стать социал-демократами) к социал-демократической партии.

На то, что «верхи» партии объединятся сами, рабочие почти потеряли надежду. Необходимость объединения была признана официально и III съездом РСДРП и конференцией меньшевиков в мае текущего года. С тех пор прошло полгода, а объединение почти не двинулось вперёд. Неудивительно, что рабочие стали проявлять нетерпение. Неудивительно, что «Рабочий, один из многих», писавший об объединении в «Искре» и в брошюре, изданной «большинством» («Рабочие о партийном расколе», издание ЦК. Женева, 1905 г.), погрозил, наконец, социал-демократической интеллигенции «кулаком снизу». Одним социал-демократам (меньшевикам) эта угроза тогда не понравилась, другие (большевики) нашли её законной и в основе вполне справедливой.

Мне сдаётся, что теперь настала пора, когда *сознательные* рабочие социал-демократы могут и должны осуществить своё намерение (не говорю «угрозу», ибо это слово отдаёт обвинениями, демагогией, а мы изо всех сил должны избегать и того и другого). В самом деле, теперь настала, или настанет, во всяком случае, пора, когда выборное начало можно применять в партийной организации не на словах, а на деле, не как красивую, но пустую фразу, а как действительно новое начало, действительно обновляющее, расширяющее и укрепляющее партийные связи. «Большинство» в лице ЦК прямо призвало к немедленному применению и введению выборного начала. Меньшинство идёт тем же путём. А рабочие социал-демократы составляют гигантское, подавляющее большинство во всех социал-демократических организациях, учреждениях, собраниях, митингах и т. д.

Значит, теперь есть уже налицо возможность не только *убеждать* объединиться, не только добиваться *обещаний* объединиться, а *объединить* на деле простым решением большинства организованных рабочих и в той и в другой фракции. Тут не будет никакого «навязывания», ибо в принципе необходимость единства признана всеми, и рабочим предстоит лишь практически вырешить принципиально вырешенный вопрос.

Ведь отношение интеллигентской и пролетарской (рабочей) функции в социал-демократическом рабочем движении, пожалуй, довольно точно можно выразить такой общей формулой: интеллигенция хорошо решает вопросы «принципиально», хорошо рисует схему, хорошо рассуждает о необходимости сделать... а рабочие делают, претворяют серую теорию в живую жизнь.

И я ни капли не впаду в демагогию, нисколько не унижу великой роли сознательности в рабочем движении, ни в чём не ослаблю гигантского значения марксистской теории, марксистских принципов, если скажу теперь: мы создали и на съезде и на конференции «серую теорию» объединения партии; товарищи-рабочие! помогите нам претворить эту серую теорию в живую жизнь! Идите в громадном числе в партийные организации. Сделайте из нашего IV съезда и из меньшевистской второй конференции внушительный и грандиозный съезд рабочих социал-демократов. Займитесь вместе с нами практически вопросом о слиянии, — пусть в этом вопросе, в виде исключения (это такое исключение,

которое подтверждает обратное правило!), будет на одну десятую теории и на девять десятых практики. Право же, такое пожелание законно и исторически необходимо и психологически понятно. Мы столько времени «теоретизировали» (иногда, — нечего греха таить, — впустую) в атмосфере эмигрантщины, что, ей-богу, не мешает теперь несколько, немножечко, чуть-чуть «перегнуть лук в другую сторону» и двинуть вперёд немножечко больше практику. В вопросе об объединении, о котором, в связи с причинами раскола, мы извели уйму чернил и бездну бумаги, в этом вопросе подобный приём безусловно уместен. В частности, мы, эмигранты, соскучились по практике. И притом же мы написали уже весьма хорошую и полную программу всей демократической революции. Давайте же объединимся и для дела этой революции!

«Новая Жизнь» №№ 9, 13 и 14; 10, 15 и 16 ноября 1905 г.

Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту газеты «Новая Жизнь»

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО

Съезд Крестьянского союза в Москве, происходящий в настоящее время, снова выдвигает на очередь дня насущный вопрос об отношении социал-демократии к крестьянскому движению. Для русских марксистов вопрос этот всегда был насущным при определении их программы и тактики. Ещё в первом проекте программы русских социал-демократов, напечатанном в 1884 году за границей группой «Освобождение труда», было уделено серьёзное внимание крестьянскому вопросу.

С тех пор нельзя назвать ни одного крупного произведения марксистов, посвящённого общим вопросам, ни одного социал-демократического органа печати, который бы не повторял, не развивал, не применял к отдельным случаям марксистских взглядов и лозунгов.

Теперь вопрос о крестьянском движении стал насущным не в теоретическом только, а в самом непосредственном практическом значении. Теперь надо превратить наши общие лозунги в прямые призывы, обращённые от революционного пролетариата к революционному крестьянству. Теперь наступил момент, когда крестьянство выступает сознательным творцом нового уклада русской жизни. И от роста сознательности крестьянства зависит в громадной степени ход и исход великой русской революции.

Чего хочет крестьянство от революции? Что может дать революция крестьянству? — вот два вопроса, разрешить которые обязан всякий политический деятель и в особенности всякий сознательный рабочий, являющийся политическим деятелем в лучшем, не опошленном буржуазным политиканством, смысле этого слова.

Крестьянство хочет земли и воли. Об этом не может быть двух мнений. Все сознательные рабочие поддерживают всеми силами

революционное крестьянство. Все сознательные рабочие хотят того и добиваются того, чтобы крестьянство получило всю землю и всю волю. Всю землю — это значит не удовлетворяться никакими частичными уступками и подачками, это значит рассчитывать не на соглашение крестьян с помещиками, а на уничтожение помещичьей поземельной собственности. И партия сознательного пролетариата, социал-демократия, самым решительным образом высказалась в этом смысле: на своём III съезде, состоявшемся в мае настоящего года, РСДРП приняла резолюцию, в которой говорится прямо о поддержке крестьянских революционных требований *вплоть до конфискации всех* частновладельческих земель. Эта резолюция ясно показывает, что партия сознательных рабочих поддерживает крестьянское требование всей земли. И в *этом* отношении с резолюцией III съезда РСДРП совершенно совпадает по содержанию резолюция, принятая на конференции другой половины нашей партии.

«Всю волю» — это значит выборность чиновников и должностных лиц, которые управляют общественными и государственными делами. «Всю волю» — это значит полное уничтожение такой государственной власти, которая бы не зависела целиком и исключительно от народа, которая не была бы выбрана народом, не была бы подотчётна народу, не была бы сменяема народом. «Всю волю» — это значит, что не народ должен подчиняться чиновникам, а чиновники должны подчиняться народу.

Конечно, не все крестьяне, борющиеся за землю и волю, вполне сознательно относятся к этой борьбе и доходят до требования республики. Но демократическое направление крестьянских требований стоит вне сомнения. Поэтому поддержка этих требований обеспечена крестьянству со стороны пролетариата. Крестьяне должны знать, что красное знамя, которое поднято в городах, есть знамя борьбы за ближайшие и насущные требования не только промышленных и сельских рабочих, но и за требования миллионов и десятков миллионов мелких земледельцев.

Остатки крепостного права во всех и всяческих формах и видах до сих пор дают беспощадным гнётом всю крестьянскую массу, и пролетарии под красным знаменем объявили войну этому гнёту.

Но красное знамя означает не только поддержку пролетариатом крестьянских требований. Оно означает ещё самостоятельные

требования пролетариата. Оно означает борьбу не только за землю и за волю, но и борьбу против всякой эксплуатации человека человеком, борьбу против нищеты народных масс, борьбу против господства капитала. И вот тут перед нами встаёт второй вопрос: что может дать революция крестьянству? Многие искренние друзья крестьян (в том числе, например, социалисты-революционеры) не считаются с этим вопросом, не замечают его важности. Они думают, что достаточно поставить и разрешить вопрос, чего желают крестьяне, достаточно получить ответ: землю и волю. Это большая ошибка. Полная воля, полная выборность всех чиновников, вплоть до главы государства, не устранят господства капитала, не уничтожат богатства немногих и нищеты масс. Полное уничтожение частной собственности на землю тоже не уничтожит ни господства капитала, ни нищеты масс. И на земле, принадлежащей всему народу, хозяйство будет вести самостоятельно только тот, кто владеет капиталом, только тот, у кого есть орудия, скот, машины, запасы семян, денежные средства вообще и т. д. А тот, у кого ничего нет, кроме рабочих рук, неизменно останется рабом капитала, даже при демократической республике, даже при принадлежности земли всему народу. Мысль о «социализации» земли без социализации капитала, мысль о возможности уравнительного землепользования при существовании капитала и товарного хозяйства есть заблуждение. Социализм почти во всех странах Европы переживал такие времена, когда это или подобное ему заблуждение разделялось большинством. Опыт борьбы рабочего класса во всех странах показал на деле всю опасность такой ошибки, и от неё вполне освободились теперь пролетарии-социалисты Европы и Америки.

Таким образом, красное знамя сознательных рабочих означает, во-первых, то, что мы поддерживаем всеми силами крестьянскую борьбу за всю волю и всю землю; во-вторых, оно означает то, что мы не останавливаемся на этом, а идём дальше. Мы ведём, кроме борьбы за волю и за землю, борьбу за социализм. Борьба за социализм есть борьба против господства капитала. Ведут эту борьбу прежде всего наёмные рабочие, которые прямо и целиком зависят от капитала. Мелкие же хозяева сами отчасти владеют капиталом, сами нередко эксплуатируют рабочих. Поэтому из мелких крестьян не все становятся в ряды борцов за социализм, а только

те, кто решительно и сознательно переходит на сторону рабочих против капитала, на сторону общей собственности против частной собственности.

Вот почему социал-демократы говорят, что они борются вместе со всем крестьянством против помещиков и чиновников, а кроме того, они, городские пролетарии вместе с сельскими пролетариями, борются против капитала. Борьба за землю и за волю есть демократическая борьба. Борьба за уничтожение господства капитала есть социалистическая борьба.

Пойдём же горячий привет Крестьянскому союзу, принявшему решение бороться дружно и стойко, беззаветно и без колебаний за полную волю и за всю землю. Эти крестьяне — настоящие демократы. Их ошибки в понимании задач демократизма и социализма мы должны разъяснять терпеливо, выдержанно, как союзникам, с которыми нас соединяет общая великая борьба. Эти крестьяне — действительные революционные демократы, с которыми мы должны идти и пойдём вместе на борьбу за полную победу теперешней революции. К плану общей забастовки, к решению подняться в следующий раз дружно, сообща, и городским рабочим и всей крестьянской бедноте, — к этому плану и решению мы относимся с величайшим, полным сочувствием. Все сознательные рабочие приложат все усилия, чтобы помочь осуществиться этому плану. Но никакой союз, даже с самыми честными и решительными революционными демократами, не заставит пролетариев забыть об их ещё более великой и важной цели, о борьбе за социализм, за полное уничтожение господства капитала, за освобождение всех трудящихся от всякой эксплуатации. Вперёд, рабочие и крестьяне, на общую борьбу за землю и волю! Вперёд, пролетарии, объединённые международной социал-демократией, на борьбу за социализм!

«Новая Жизнь» №11, 12 ноября 1905 г.

Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту газеты «Новая Жизнь»

*Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь
Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер*

ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРТИЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Новые условия социал-демократической работы, создавшиеся в России после октябрьской революции, выдвинули на очередь вопрос о партийной литературе. Различие между нелегальной и легальной печатью, — это печальное наследие эпохи крепостнической, самодержавной России, — начинает исчезать. Оно ещё не померло, далеко нет. Лицемерное правительство нашего министра-премьера ещё бесчинствует до того, что «Известия Совета Рабочих Депутатов» печатаются «нелегально», но, кроме позора для правительства, кроме новых моральных ударов ему, ничего не получается из глупых попыток «запретить» то, чему помешать правительство не в силах.

При существовании различия между нелегальной и легальной печатью вопрос о партийной и непартийной печати решался крайне просто и крайне фальшиво, уродливо. Вся нелегальная печать была партийна, издавалась организациями, велась группами, связанными так или иначе с группами практических работников партии. Вся легальная печать была не партийна, — потому что партийность была под запретом, — но «тяготела» к той или другой партии. Неизбежны были уродливые союзы, ненормальные «сожительства», фальшивые прикрытия; с вынужденными недомолвками людей, желавших выразить партийные взгляды, смешивалось недомыслие или трусость мысли тех, кто не дорос до этих взглядов, кто не был, в сущности, человеком партии.

Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества! Пролетариат положил конец этой гнусности, от которой задыхалось всё живое и свежее на Руси. Но пролетариат завоевал пока лишь половину свободы для России.

Революция ещё не закончена. Если царизм *уже не* в силах победить революции, то революция *ещё не* в силах победить царизма. И мы живём в такое время, когда всюду и на всём сказывается это противоестественное сочетание открытой, честной, прямой, последовательной партийности с подпольной, прикрытой, «дипломатичной», увёртливой «легальностью». Это противоестественное сочетание сказывается и на нашей газете: сколько бы ни острил г. Гучков насчёт социал-демократической тирании, запрещающей печатать либерально-буржуазные, умеренные газеты, а факт всё же остаётся фактом, — Центральный Орган Российской социал-демократической рабочей партии, «Пролетарий», всё же остаётся за дверью *самодержавно-полицейской* России.

Как-никак, а половина революции заставляет всех нас приняться немедленно за новое налаживание дела. Литература может теперь, даже «легально», быть на $\frac{1}{10}$ партийной. Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

В чём же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, «колёсиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединённой социал-демократической партийной работы.

«Всякое сравнение хромает», говорит немецкая пословица. Хромает и моё сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения,

принижающего, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору нет, литературное дело всего менее поддаётся механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Всё это бесспорно, но всё это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Всё это отнюдь не опровергает того чуждого и странного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — всё это должно стать партийным, подотчётным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю её контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полубомовского, полуторгашеского русского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает.

Мы не скажем, разумеется, о том, чтобы это преобразование литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедовать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь. Дело в том, чтобы вся наша партия, чтобы весь сознательный социал-демократический пролетариат во всей России сознал эту новую задачу, ясно поставил её и взялся везде и повсюду за её решение. Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдём в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы

создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма.

Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!

Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идёт о партийной литературе и её подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить всё, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то. Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и её устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения, не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические «очищения» своей партии. Так будет и у нас, господа сторонники буржуазной «свободы критики», *внутри* партии: теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской

точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердокаменные марксисты. Мы переварим этих непоследовательных людей. Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставят нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями.

Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богатей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках* и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

■ * В источнике, по-видимому, опечатка; по смыслу следовало бы «в романах». *Ред.*

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, — не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу.

Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в её ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, её силу, её будущее. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой

работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих).

За работу же, товарищи! Перед нами трудная и новая, но великая и благодарная задача — организовать обширное, разностороннее, разнообразное литературное дело в тесной и неразрывной связи с социал-демократическим рабочим движением. Вся социал-демократическая литература должна стать партийной. Все газеты, журналы, издательства и т. д. должны приняться немедленно за реорганизационную работу, за подготовку такого положения, чтобы они входили целиком на тех или иных началах в те или иные партийные организации. Только тогда «социал-демократическая» литература станет таковой на самом деле, только тогда она сумеет выполнить свой долг, только тогда она сумеет и в рамках буржуазного общества вырваться из рабства у буржуазии и слиться с движением действительно передового и до конца революционного класса.

***«Новая Жизнь» №12, 13 ноября 1905 г. Подпись: Н. Ленин
Печатается по тексту газеты «Новая Жизнь»***

*Вычитал: Черняховский Константин Юрьевич, преподаватель
Проверил: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь*

ВОЙСКО И РЕВОЛЮЦИЯ

Восстание в Севастополе всё разрастается. Дело близится к развязке. Борющиеся за свободу матросы и солдаты устраняют начальство. Порядок поддерживается полный. Правительству не удаётся повторить кронштадтской гнусной проделки, не удаётся вызвать никаких погромов. Эскадра отказалась уйти в море и грозит городу, если попробуют усмирять восставших. Командование «Очаковым» принял лейтенант в отставке Шмидт, отставленный за «дерзкую» речь о защите с оружием в руках свобод, обещанных в манифесте 17 октября. Сегодня, 15, должен был закончиться, по сообщению «Руси», срок, назначенный для сдачи матросам.

Мы стоим, следовательно, накануне решительного момента. Ближайшие дни — может быть, часы — покажут, победят ли вполне восставшие, будут ли они разбиты или будет заключена какая-нибудь сделка. Во всяком случае, севастопольские события знаменуют полный крах старого, рабского порядка в войсках, того порядка, который превращал солдат в вооружённые машины, делал их орудиями подавления малейших стремлений к свободе.

Миновали безвозвратно те времена, когда русская армия — как это было в 1849 году — шла усмирять революцию за пределами России. Теперь армия бесповоротно отпала от самодержавия. Она ещё не вся стала революционной. Политическая сознательность солдат и матросов ещё очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось *своё* движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду. Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде

не процветали в такой степени истязания, побои, надругательство над человеком. И эта казарма становится очагом революции.

Севастопольские события не одиноки и не случайны. Не будем говорить о прежних попытках прямого восстания во флоте и в армии. Сопоставим с севастопольским пожаром петербургские искры. Вспомним те солдатские требования, которые намечаются теперь в различных воинских частях Петербурга (они напечатаны во вчерашнем номере нашей газеты). Какой замечательный документ этот список требований! Как ясно показывает он, что армия рабская превращается в армию революционную. И какая сила удержит теперь распространение подобных требований во всём флоте и во всей армии?

Петербургские солдаты хотят добиваться улучшения пищи, одежды, помещений, увеличения жалованья, сокращения срока службы и времени ежедневных занятий. Но среди их требований ещё больше места занимают другие, которые мог предъявить только солдат-гражданин. Право посещать в форме все собрания, «наравне со всеми гражданами», право читать и держать в казарме *все* газеты, свобода совести, уравнивание в правах всех национальностей, полная отмена всякого чиновничества вне казармы, уничтожение денщиков, уничтожение военных судов и подчинение всех военно-судебных дел общегражданскому суду, право подавать коллективные жалобы, право защищаться при малейшем посягновении со стороны начальника ударить. Таковы главнейшие требования петербургских солдат.

Эти требования показывают, что армия уже солидарна в громадной своей части с восставшими за свободу севастопольцами.

Эти требования показывают, что лицемерные речи прислужников самодержавия о нейтралитете армии, о необходимости держать армию в стороне от политики и пр., что эти речи не могут рассчитывать ни на малейшее сочувствие солдат.

Армия не может и не должна быть нейтральной. Не втягивать армию в политику — это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда втягивали армию в реакционную политику, превращали русских солдат в прислужников чёрной сотни, в пособников полиции. Нельзя стоять в стороне от общенародной борьбы за свободу. Кто относится к этой борьбе равнодушно, тот поддерживает бесчинства

полицейского правительства, обещавшего свободу, чтобы издеваться над свободой.

Требования солдат-граждан суть требования социал-демократии, требования всех революционных партий, требования сознательных рабочих. Вступление в ряды сторонников свободы, переход на сторону народа обеспечит победу дела свободы и осуществление солдатских требований.

Но для того, чтобы эти требования были осуществлены действительно полно и прочно, надо сделать ещё маленький шаг вперёд. Надо свести вместе, в одно целое, все отдельные пожелания солдат, замученных проклятой казармой-каторгой. А сведённые вместе эти требования будут означать: уничтожение постоянного войска, замену его всеобщим вооружением народа.

Постоянное войско везде и во всех странах служит не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага. Постоянное войско повсюду стало орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы. Не будем же останавливаться в нашей великой освободительной революции на одних частных требованиях. Выведем зло с корнем. Уничтожим совершенно постоянное войско. Пусть армия сольётся с вооружённым народом, пусть солдаты понесут в народ свои военные знания, пусть исчезнет казарма и заменится свободной военной школой. Никакая сила в мире не посмеет посягнуть на свободную Россию, если оплотом этой свободы будет вооружённый народ, уничтоживший военную касту, сделавший всех солдат гражданами и всех граждан, способных носить оружие, солдатами.

Опыт Западной Европы показал всю реакционность постоянного войска. Военная наука доказала полную осуществимость народной милиции, которая может стать на высоту военных задач и в оборонительной и в наступательной войне. Пусть лицемерная или сентиментальная буржуазия мечтает о разоружении. Пока есть на свете угнетённые и эксплуатируемые, мы должны добиваться не разоружения, а всеобщего народного вооружения. Только оно вполне обеспечит свободу. Только оно вполне свалит реакцию. Только при условии этого преобразования свободой воспользуются на деле миллионы трудящихся, а не одни лишь горстки эксплуататоров.

Написано 15 (28) ноября 1905 г.

Напечатано 16 ноября 1905 г. в газете «Новая Жизнь» №14

Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту газеты

Вычитал: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

УЧИТЕСЬ У ВРАГОВ

Буржуазные демократы «Нашей Жизни» открыли поход против «смеси марксизма и барбаризма». Мы очень советуем всем сознательным рабочим присмотреться внимательно к рассуждению радикальных демократов.

Ничто не помогает в такой степени уяснению политической сущности явлений, как оценка их противниками (конечно, если эти противники не безнадежно глупые люди).

«Нашей Жизни» не нравится «борьба одной части Российской СДРП с Петербургским Советом рабочих депутатов», или, точнее, борьба социал-демократов против «беспартийных» классовых организаций, как выражается сама газета. Пролетарии должны объединяться, — говорят наши радикалы. Значит... значит правы деятели Совета, которые «стремятся объединить *весь* пролетариат, без различия политического вероисповедания». И радикалы с торжеством избобличают нас в противоречии с нашим же собственным принципом «*классовой борьбы*».

Учитесь у врагов, товарищи рабочие, сочувствующие образованию беспартийной рабочей организации или хотя бы безразлично относящиеся к этому желанию! Вспомните «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, который говорит о *превращении* пролетариата в *класс* по мере роста не только его объединения, но и его *сознательности*. Вспомните пример таких стран, как Англия, где классовая борьба пролетариата с буржуазией идёт везде и шла всегда, причём пролетариат всё же оставался разрозненным, его избранники подкупались буржуазией, его сознание развращалось идеологами капитала, его сила распылялась отпадением аристократии рабочих от рабочей массы. Вспомните всё это, товарищи рабочие, и вы придёте к убеждению,

что только социал-демократический пролетариат есть пролетариат, сознавший свои *классовые* задачи. Долой беспартийность! Беспартийность всегда и везде была орудием и лозунгом буржуазии. Мы можем и должны идти, при известных условиях, вместе с пролетариями бессознательными, вместе с пролетариями, принимающими непролетарские учения (программа «социалистов-революционеров»), — но ни в каком случае и никогда не должны мы ослаблять нашей строгой партийности, ни в каком случае и никогда не должны забывать и позволять забывать, что вражда к социал-демократии среди пролетариата есть остаток буржуазных воззрений среди пролетариата.

«Новая жизнь» № 16, 18 ноября 1905 г.

Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту газеты «Новая Жизнь»

Вычитал: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КАНЦЕЛЯРЩИНА И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДЕЛО

Вопрос об учредительном собрании естественно и неизбежно должен был выдвинуться в нашем революционном движении. Чтобы окончательно смести остатки старых, крепостнических учреждений самодержавной России, чтобы определить порядки новой, свободной России, нельзя себе представить иного цельного и последовательного пути, кроме созыва всенародного учредительного собрания. Правда, жизнь редко осуществляет полностью цельные и последовательные лозунги, она вносит всегда много непредвиденного, усложняющего, запутывающего развязку, смешивающего старое с новым. Но тот, кто искренне хочет покончить со старым и умеет добиваться этой цели, должен ясно определить значение учредительного собрания и бороться всеми силами за его осуществление в полном и чистом виде.

Партия сознательного пролетариата, социал-демократия, уже в своей программе, принятой на втором съезде в 1903 году, выдвинула требование учредительного собрания. «Российская социал-демократическая рабочая партия, — гласит последний отдел нашей программы, — твёрдо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и экономических преобразований» (создание демократического государственного строя, охрана труда и т. д.) «достижимо лишь путём низвержения самодержавия и созыва учредительного собрания, свободно избранного всем народом».

Из этих слов ясно видно, что наша партия обращает внимание не на одни только формальные, но и на материальные условия созыва учредительного собрания, т. е. такие условия, которые действительно делали бы собрание всенародным и учредительным. Мало ведь назвать собрание «учредительным», мало созвать

народных представителей, хотя бы избранных на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, хотя бы при обеспеченной на деле свободе выборов. Кроме всех этих условий надо ещё, чтобы учредительное собрание имело власть и силу учредить новые порядки. История революций знает такие примеры, когда собрание числилось учредительным, а на деле реальная сила и власть были не в его руках, а в руках старой самодержавной власти. Так было во время германской революции 1848 г., и потому «учредительное» собрание той эпохи, пресловутый Франкфуртский парламент, и приобрело позорную репутацию презренной «говорильни»: это собрание болтало о свободе, декретировало свободу, а реальных мер к устранению учреждений власти, уничтожающих свободу, не принимало. Вполне естественно, что это жалкое собрание жалких болтунов либеральной буржуазии бесславно сошло со сцены.

Теперь в России вопрос о созыве учредительного собрания стоит на первом месте в ряду политических вопросов дня. И теперь, именно, насущнейшее значение приобретает реальная сторона этого вопроса. Не столь важно то, будет ли учредительное собрание созвано (на это даже министр-маклер, гр. Витте, согласится, пожалуй, завтра), а то, будет ли оно действительно всенародным и действительно учредительным.

В самом деле, уже опыт нашей революции, несмотря на то, что она только ещё начинается, показал наглядно, какие проделки возможны со словами и с обещаниями вообще, с лозунгом учредительного собрания в частности. Припомните недавний съезд земцев и горожан, «кадетов», в Москве. Припомните их знаменитую формулу: Государственная дума с учредительными функциями для выработки конституции с утверждения государя... Даже буржуазно-демократическая печать отметила внутреннюю противоречивость и нелепость этой формулы. «Учреждать» новый государственный порядок «с утверждения» главы старого правительства, — ведь это значит узаконять две власти, две равные (на бумаге) верховные власти: власть восставшего народа и власть старого самодержавия. Понятно, что равенство между ними чисто кажущееся, что «соглашение» между ними определяется на деле перевесом *силы* на той или иной стороне. Либеральные буржуа узаконяли, следовательно, в своём «идеальном» плане перехода

от старой России к новой, сосуществование двух равных враждебных борющихся друг против друга сил, т. е. узаконили вечную, безысходную борьбу.

Это противоречие необъяснимо с точки зрения простой формальной логики. Но его вполне объясняет логика классовых интересов буржуазии. Буржуазия боится полной свободы, полного демократизма, ибо она знает, что сознательный, т. е. социалистический, пролетариат воспользуется свободой для борьбы против господства капитала. Буржуазия хочет поэтому, в сущности, не полной свободы, не полного самодержавия народа, а сделки с реакцией, сделки с самодержавием. Буржуазия хочет парламентаризма, чтобы обеспечить господство капитала, а не бюрократии, и в то же время она хочет монархии, постоянного войска, сохранения известных преимуществ бюрократии, чтобы не дать революции дойти до конца, чтобы не вооружить пролетариат, — понимая под вооружением и непосредственное вооружение оружием, и вооружение полной свободой. Противоречивое классовое положение буржуазии между самодержавием и пролетариатом неизбежно порождает, независимо даже от воли и сознания тех или иных отдельных лиц, бессмысленные и нелепые формулы «соглашения». Лозунг учредительного собрания оказывается превращённым в фразу, великое требование восставшего за свободу пролетариата низведено до комедиантства; так оскверняет буржуазия всё и вся на свете, подменяя борьбу торгашеством.

Радикальные буржуа «Нашей Жизни» не понимают этой неизбежно-лживой и мишурной постановки вопроса либералами, когда они расписывают с серьёзным видом выработку «проекта» созыва учредительного собрания гг. Фальборком и Чарнолуским, а затем и центральным бюро Союза союзов. Смешно писать такие «проекты», господа! Вы идёте по дороге «кадетов», предавших революцию. Вы забываете, что бумажные проекты, подобно всяким конституционным иллюзиям, развращают революционное сознание народа и ослабляют его боевую энергию, ибо центр тяжести вопроса затушёвывается, вся постановка его извращается. Ведь вы не пропаганду политической азбуки ведёте, — вы ставите вопрос *практически*, на это указывает самый характер затеянного вами обсуждения проекта «представителями крайних и умеренных партий». Это маниловщина, почтенные демократы

из буржуазии, когда вы, с одной стороны, признаёте желательность того, чтобы учредительное собрание имело всю «полноту» власти, а с другой стороны, пытаетесь соединить крайние партии с «умеренными», т. е, желающих такой полноты с нежелающими.

Долой мишурные облачения! Довольно с нас лживых либеральных фраз! Пора размежеваться. Направо — самодержавие и либеральная буржуазия, которых сплотило фактически то, что они не хотят передачи учредительному собранию всей власти единой, полной и нераздельной. Налево — социалистический пролетариат и революционное крестьянство или, шире, вся революционная буржуазная демократия. Они хотят полноты власти для учредительного собрания. Они могут и должны заключить для этой цели боевой союз, не сливаясь, конечно, друг с другом. Им нужны не бумажные проекты, а боевые меры, не организация канцелярской работы, а организация победоносной борьбы за свободу.

«Новая Жизнь» №18, 20 ноября 1905 г.

Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту газеты «Новая Жизнь»

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

УМИРАЮЩЕЕ САМОДЕРЖАВИЕ И НОВЫЕ ОРГАНЫ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ

Растёт восстание. Растёт бессилие, растерянность, разложение самодержавного виттевского правительства. Растёт вширь и вглубь организация самых различных групп, слоёв и классов народа, организация революционных и контрреволюционных сил.

Таково современное положение. Его можно выразить словами: организация и мобилизация революции. За морским сражением в Севастополе следуют, без всякого перерыва, сухопутные сражения в Воронеже и Киеве. Вооружённое восстание в этом последнем городе делает, видимо, ещё шаг вперёд, шаг к слиянию революционной армии с революционным пролетариатом и студенчеством. Об этом свидетельствует, по крайней мере, сообщение «Руси» о митинге в 16 000 человек в Киевском политехническом институте под охраной сапёрного батальона восставших солдат.

Вполне естественно, что при таких условиях даже либеральная буржуазия, всеми силами души жаждущая сделки с самодержавием, начинает терять терпение, терять веру в «великого» акробата Витте, оглядываться налево в поисках силы, способной осуществить переворот, который стал безусловной необходимостью.

Крайне поучительна в этом отношении позиция «Руси». Газета ясно видит, что «события начинают скапливаться в такую же лавину, как и перед 17 октября». И вот она, с одной стороны, обращается к тем же земцам, показавшим растерянность, бессилие и беспомощность не меньшие, чем самодержавное правительство. «Русь» зовёт земцев «не медлить» и принять «участие в надвигающихся событиях», чтобы «дать исходу этих событий мягкие, наименее убыточные, наиболее благоприятные для страны формы». С другой стороны, та же «Русь» спорит со «Словом»,

заявляет, что «никто не верит, чтобы нынешнее правительство при нынешних обстоятельствах могло созвать Государственную думу». «Теперь, — говорит «Русь», — надо думать о создании правительства, которое могло бы созвать Думу».

Итак, либеральная буржуазия, под давлением революционного пролетариата, делает ещё шаг влево. Вчера она выражала намерение торговаться с Витте и вотировала (на земском съезде) условное доверие ему. Сегодня доверие к Витте иссякает, и капитал требует нового правительства. «Русь» предлагает всем освободительным партиям создать особый всенародный совет депутатов, который бы стал «мощным средством давления на правительство, если оно покажет себя ещё (!!!) способным к работе, и уже готовым органом власти народа, чтобы временно перенять обязанности правительства в случае полной неспособности и краха последнего».

Орган власти народа, временно перенимающий обязанности правительства, которое потерпело крах, называется на простом и ясном русском языке временным революционным правительством. Такое правительство должно быть временным, ибо его полномочия истекают с созывом всенародного учредительного собрания. Такое правительство должно быть революционным, ибо оно заменяет правительство, потерпевшее крах, заменяет его, опираясь на революцию. Самая замена не может произойти иначе, как революционным путём. Это правительство должно стать «органом власти народа», осуществляя везде народом выставленные требования и заменяя сейчас же, немедленно, все и повсюду старые «органы власти» самодержавия и черносотенцев органами власти народной — т. е. либо уполномоченными временного революционного правительства, либо выборными, во всех тех случаях, когда возможны выборы, разумеется, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Мы очень рады тому, что либеральная монархическая буржуазия пришла к идее временного революционного правительства. Мы рады этому не потому, чтобы мы считали либералов перешедшими на сторону революции, чтобы мы поверили вдруг в их искренность, стойкость и последовательность. Нет, мы рады этому потому, что это — очевидный и несомненный признак силы революции. Значит, революция стала силой, если даже

либеральная монархическая буржуазия признала теперь необходимость появления временного революционного правительства.

Мы не забываем, конечно, что либералы не столько желают учреждения такого правительства, сколько грозят им самодержавию, как грозит покупатель продавцу обещанием уйти в другую лавку. Уступите нам, г. Витте, или мы уйдём во временное революционное правительство, «мягко» именуемое: «общим советом депутатов» или «всенародным советом депутатов»! Только этим желанием ещё и ещё торговаться объяснима та кажущаяся нелепость и бессмыслица, что «Русь» объявляет правительство Витте не способным созвать народных представителей и в то же время, единым духом, допускает возможность того, что это правительство «покажет себя *ещё* способным к работе».

Нет, господа либералы, не такие теперь времена, чтобы могли удаться хитрости, чтобы могло остаться неразоблачённым двуличие! Народ борется с самодержавием, которое обещало (17 октября) свободу, чтобы издеваться над свободой, чтобы надругаться над свободой. Временное революционное правительство есть орган борющегося за свободу народа. Борьба за свободу против попирающего свободу правительства есть (на известной ступени развития этой борьбы) вооружённое восстание, которое и идёт теперь в России по всей линии. Временное революционное правительство есть орган восстания, объединяющий всех восставших и политически руководящий восстанием. Поэтому говорить о возможности и необходимости временного революционного правительства и в то же время допускать сделку со старым, подлежащим смене, правительством — значит либо путать, либо предательствовать. Подумайте, в самом деле, господа публицисты «Руси»: неужели найдутся такие дурачки среди сторонников революции, которые добровольно приняли бы в состав временного революционного правительства людей или представителей партии, допускающих «работоспособность» старого правительства и продолжающих забегать к нему с заднего крыльца, торговаться с ним? Подумайте: выиграла бы или проиграла русская армия, если бы она включила в свои ряды патриотическую молодёжь Маньчжурии? Вероятно, проиграла бы, ибо маньчжурские патриоты предали бы россиян японцам. И революционный народ России проиграет, если «патриоты», монархически настроенные

патриоты денежного мешка (т. е. либеральные буржуа) предадут его самодержавию Витте.

Пусть для либеральной буржуазии временное революционное правительство есть простая угроза самодержавию. Для социалистического пролетариата, для революционного крестьянства и для всех тех, кто решительно и бесповоротно становится на их сторону в борьбе за свободу, это — великая и серьезнейшая задача, которая с каждым днём становится всё более насущной. Октябрьская революция, в связи с последующими военными восстаниями, до того обессилила самодержавие, что органы новой народной власти стали самопроизвольно расти на почве, разрыхлённой политической стачкой, удобренной кровью борцов за свободу. Эти органы — революционные партии и боевые организации рабочих, крестьян и других, ведущих действительно революционную борьбу, народных элементов. Эти органы осуществляют на деле союз социалистического пролетариата с революционной мелкой буржуазией. Этот боевой союз должны мы теперь расширить и укрепить, оформить и сплотить, чтобы органы новой власти были готовы к грядущему повторению 17 октября, чтобы все борцы за свободу по всей России выступали тогда с общей программой немедленных политических преобразований, организованные, выдержанные, ясно сознающие цель, отгородившие себя от всех предателей, от всех колеблющихся, от всех праздноболтающих. Для нас, представителей социалистического пролетариата, предстоящий демократический переворот есть лишь один из шагов к великой цели социалистического переворота. Памятуя это, мы не сольёмся никогда с мелкобуржуазными партиями или группами, как бы искренни, революционны и сильны они ни были; мы твёрдо знаем, что на пути к социализму рабочих и хозяйчик неизбежно будут неоднократно расходиться. Но, именно, в интересах социализма, мы приложим теперь все силы, чтобы демократический переворот осуществился быстрее, полнее и решительнее. Мы заключим и заключаем для этого временный боевой союз со всей революционной демократией для достижения нашей общей ближайшей политической цели. Мы входим для этого, сохраняя строго свою партийную особность и самостоятельность, и в Советы рабочих депутатов и в другие революционные союзы. Да здравствуют новые органы власти

народа! Да здравствует единый, верховный и победоносный орган народной власти!

А радикальным буржуа мы скажем на прощанье. Вы болтаете, господа, об органах власти народа. Властью может быть только сила. Силой в современном обществе может быть только вооружённый народ и вооружённый пролетариат во главе его. Если бы сочувствие свободе доказывалось словами, тогда пришлось бы, пожалуй, считать сторонниками свободы даже авторов манифеста 17-го октября. Если оно доказывается делами, — тогда единственным таким делом является теперь содействие вооружению рабочих, содействие образованию и укреплению действительно революционной армии.

Выбирайте же, господа: в переднюю ли г-на Витте, чтобы кланчить кусочки свободы, чтобы торговаться из-за урезывания свободы, — или в «органы власти народа», или во временное революционное правительство, чтобы беззаветно бороться за полную свободу. Выбирайте!

«Новая Жизнь» №19, 23 ноября 1905 г.

Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту газеты «Новая Жизнь»

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

СОЦИАЛИЗМ И АНАРХИЗМ

Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов постановил вчера, 23 ноября, отклонить просьбу анархистов о допущении их представителей в Исполнительный комитет и Совет рабочих депутатов. Причину этого постановления сам Исполнительный комитет изложил следующим образом: «1) во всей международной практике съезды и социалистические конференции не имеют в своём составе представителей анархистов, как не признающих политической борьбы в качестве средства для достижения своих идеалов; 2) представительство может быть от партии, а анархисты не партия».

Мы считаем решение Исполнительного комитета в высшей степени правильным шагом, имеющим громадное и принципиальное и практически-политическое значение. Конечно, если бы рассматривать Совет рабочих депутатов как парламент рабочих или как орган самоуправления пролетариата, тогда отказ допустить анархистов был бы неправилен. Как ни ничтожно (к счастью) влияние анархистов в нашей рабочей среде, всё же некоторое число рабочих на их стороне, несомненно, имеется. Составляют ли анархисты партию, или организацию, или группу, или вольный союз единомышленников, это вопрос формальный, не имеющий серьёзного принципиального значения. Наконец, если анархисты, отрицая политическую борьбу, сами просятся в учреждение, ведущее эту борьбу, то такая вопиющая непоследовательность показывает, конечно, лишний раз всю шаткость мирозерцания и тактики анархистов. Но исключить за шаткость из «парламента» или «органа самоуправления», разумеется, нельзя.

Решение Исполнительного комитета кажется нам вполне правильным и нисколько не противоречащим задачам этого

учреждения, его характеру и составу. Совет рабочих депутатов не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, вообще не орган самоуправления, а боевая организация для достижения определённых целей.

В эту боевую организацию входят, на началах временного, неоформленного боевого соглашения, представители Российской социал-демократической рабочей партии (партии пролетарского социализма), партии «социалистов-революционеров» (представители мелкобуржуазного социализма, или крайняя левая революционной буржуазной демократии), наконец, много рабочих «беспартийных». Эти последние являются, однако, не вообще беспартийными, а лишь беспартийными революционерами, ибо их сочувствие всецело лежит на стороне революции, за победу которой они борются с беззаветным энтузиазмом, энергией и самоотвержением. Поэтому вполне естественно будет включение в Исполнительный комитет и представителей революционного крестьянства.

По существу дела Совет рабочих депутатов является неоформленным, широким боевым союзом социалистов и революционных демократов, причём, конечно, «беспартийная революционность» прикрывает целый ряд переходных ступеней между теми и другими. Необходимость в таком союзе очевидна для ведения политических стачек и других, более активных форм борьбы за насущные, признанные и одобренные гигантским большинством населения, демократические требования. Анархисты в таком союзе будут не плюсом, а минусом; они внесут лишь дезорганизацию; они ослабят этим силу общего натиска; они ещё «могут спорить» о насущности и важности политических преобразований. Исключение анархистов из боевого союза, проводящего, так сказать, нашу демократическую революцию, вполне необходимо с точки зрения и в интересах этой революции. В боевом союзе место только тем, кто борется за цель этого союза. И если бы, например, «кадеты» или «партия правового порядка» набрали даже по несколько сот рабочих в свои петербургские организации, — Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов едва ли бы открыл свои двери представителям подобных организаций.

В объяснение своего решения Исполнительный комитет ссылается на практику международных социалистических съездов.

Мы горячо приветствуем это заявление, это признание идейного руководства международной социал-демократии со стороны органа Петербургского Совета рабочих депутатов. Российская революция уже приобрела международное значение. Противники революции в России уже входят в заговоры с Вильгельмом II, со всякими мракобесами, насильниками, солдафонами и эксплуататорами в Европе против свободной России. Не будем и мы забывать о том, что полная победа нашей революции требует союза революционного пролетариата России с социалистическими рабочими всех стран.

Международные социалистические съезды недаром приняли решение о недопущении анархистов. Между социализмом и анархизмом лежит целая пропасть, которую тщетно пытаются представить несуществующей провокаторствующие агенты сыскной полиции или газетные прислужники реакционных правительств. Миросозерцание анархистов есть вывороченное наизнанку буржуазное миросозерцание. Их индивидуалистические теории, их индивидуалистический идеал находятся в прямой противоположности к социализму. Их взгляды выражают не будущее буржуазного строя, идущего к обобществлению труда с неудержимой силой, а настоящее и даже прошлое этого строя, господство слепого случая над разрозненным, одиноким, мелким производителем. Их тактика, сводящаяся к отрицанию политической борьбы, разъединяет пролетариев и превращает их на деле в пассивных участников той или иной буржуазной политики, ибо настоящее отстранение от политики для рабочих невозможно и неосуществимо.

В теперешней российской революции задача сплочения сил пролетариата, организации его, политического обучения и воспитания рабочего класса выдвигается вперёд особенно настоятельно. Чем больше бесчинствует черносотенное правительство, чем усерднее работают его агенты-провокаторы над разжиганием дурных страстей тёмной массы, чем отчаяннее хватаются защитники заживо разлагающегося самодержавия за попытки дискредитировать революцию посредством организуемых ими грабежей, погромов, убийств из-за угла, посредством спаиванья голытьбы, — тем важнее эта задача организации, падающая прежде всего на партию социалистического пролетариата.

И мы употребим поэтому все средства идейной борьбы, чтобы влияние анархистов на русских рабочих осталось столь же ничтожным, каким оно было и до сих пор.

Написано 24 ноября (7 декабря) 1905 г.

Напечатано 25 ноября 1905 г. в газете «Новая Жизнь» № 21

Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту газеты

Вычитал: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И БЕСПАРТИЙНАЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ

I

Революционное движение в России, охватывая быстро новые и новые слои населения, создаёт целый ряд беспартийных организаций. Потребность в объединении прорывается тем с большей силой, чем дольше её давили и преследовали. Организации, в том или ином, часто неоформленном виде, возникают постоянно, причём характер их чрезвычайно оригинален. Тут нет резких рамок, подобных рамкам европейских организаций. Профессиональные союзы принимают политический характер. Политическая борьба сливается с экономической, — напр., в виде стачки, — создавая слитные формы временных или более или менее постоянных организаций.

Каково значение этого явления? Каково должно быть отношение к нему социал-демократии?

Строгая партийность есть спутник и результат высокоразвитой классовой борьбы. И, наоборот, в интересах открытой и широкой классовой борьбы необходимо развитие строгой партийности. Поэтому партия сознательного пролетариата, социал-демократия, вполне законно воюет всегда с беспартийностью и неуклонно работает над созданием принципиально выдержанной, крепко сплочённой социалистической рабочей партии. Работа эта имеет успех в массах по мере того, как развитие капитализма раскалывает весь народ всё глубже и глубже на классы, обостряя противоречия между ними.

Вполне понятно, что настоящая революция в России породила и порождает так много беспартийных организаций. Революция эта — демократическая, т. е. буржуазная по своему общественно-экономическому содержанию. Революция эта ниспровергает самодержавно-крепостнический строй, освобождая из-под него

строй буржуазный, осуществляя, таким образом, требования всех классов буржуазного общества, будучи в этом смысле революцией общенародной. Это не значит, конечно, чтобы наша революция не была классовой; конечно, нет. Но она направляется против классов и каст, отживших и отживающих с точки зрения буржуазного общества, чуждых этому обществу, мешающих его развитию. А так как вся хозяйственная жизнь страны стала уже во всех её основных чертах буржуазной, так как гигантское большинство населения живёт уже на деле в буржуазных условиях существования, то противореволюционные элементы естественно малочисленны до мизерности, являются поистине «горсткой» по сравнению с «народом». Классовый характер буржуазной революции проявляется, поэтому, неизбежно в «общенародном», неклассовом, на первый взгляд, характере борьбы всех классов буржуазного общества против самодержавия и крепостничества.

Эпоха буржуазной революции отличается и в России, как и в других странах, сравнительной неразвитостью классовых противоречий капиталистического общества. Правда, в России капитализм развит теперь значительно выше, чем в Германии 1848 года, не говоря уже о Франции 1789 года, но не подлежит сомнению, что чисто капиталистические противоречия ещё в очень и очень сильной степени заслоняются у нас противоречиями «культуры» и азиатчины, европеизма и татарщины, капитализма и крепостничества, т. е. на первый план выдвигаются такие требования, выполнение которых разовьёт капитализм, очистит его от шлаков феодализма, улучшит условия жизни и борьбы и для пролетариата, и для буржуазии.

В самом деле, если всмотреться в те требования, наказания, *doléances* (жалобы. *Ред.*), которые в бесчисленном множестве составляются теперь в России на каждом заводе, в каждой канцелярии, в каждом полку, в каждой команде городских, в каждой епархии, в каждом учебном заведении и проч., и проч., то мы легко увидим, что громадное большинство их чисто «культурные», если можно так выразиться, требования. Я хочу сказать, что это собственно не специфически классовые требования, а требования элементарно правовые, требования, не разрушающие капитализм, а, напротив, вводящие его в рамки европеизма, избавляющие капитализм от варварства, дикости, взятки и прочих «русских»

пережитков крепостного права. В сущности и пролетарские требования ограничиваются в большинстве случаев такими преобразованиями, которые вполне осуществимы в рамках капитализма. Пролетариат российский требует сейчас и немедленно не того, что подрывает капитализм, а того, что очищает его и ускоряет, усиливает его развитие.

Разумеется, особое положение пролетариата в капиталистическом обществе ведёт к тому, что стремление рабочих к социализму, союз их с социалистической партией прорывается с стихийной силой на самых ранних ступенях движения. Но собственно социалистические требования стоят ещё впереди, а на очереди дня — демократические требования рабочих в политике, экономические требования в пределах капитализма в экономике. Даже пролетариат делает революцию, так сказать, в пределах программы-минимум, а не программы-максимум. О крестьянстве, этой гигантской, всеподавляющей своей численностью, массе населения, нечего и говорить. Его «программа-максимум», его конечные цели не выходят за пределы капитализма, который ещё шире и пышнее развернулся бы при переходе всей земли ко всему крестьянству и ко всему народу. Крестьянская революция есть в настоящее время буржуазная революция, — как бы ни «оскорбляли» эти слова сентиментальное ухо сентиментальных рыцарей нашего мещанского социализма.

Очерченный характер происходящей революции порождает беспартийные организации вполне естественно. Отпечаток внешней беспартийности, видимость беспартийности неизбежно приобретает при этом всем движением в целом — но только видимость, конечно. Потребность в «человеческой», культурной жизни, в объединении, в защите своего достоинства, своих прав человека и гражданина охватывает всё и вся, объединяет все классы, обгоняет гигантски всякую партийность, встряхивает людей, ещё далеко-далеко не способных подняться до партийности. Насущность ближайших, элементарно-необходимых прав и реформ отодвигает, так сказать, помыслы и соображения о чём-либо дальнейшем. Увлечение происходящей борьбой, увлечение необходимое и законное, без которого невозможен успех борьбы, заставляет идеализировать эти ближайшие, элементарные цели, рисует их в розовом свете, облакает даже их иногда

в фантастический костюм; простой демократизм, дюжинный буржуазный демократизм, принимается за социализм и зачисляется «по ведомству» социализма. Всё и вся как будто «беспартийно»; всё и вся как будто свивается в одном «освободительном» (на деле: освобождающем всё буржуазное общество) движении; всё и вся приобретает лёгкий, лёгонький налёт «социализма», особенно благодаря передовой роли социалистического пролетариата в демократической борьбе.

Идея беспартийности не может не одерживать при таких условиях известных временных побед. Беспартийность не может не становиться модным лозунгом, — ибо мода беспомощно тащится в хвосте у жизни, а самым «обычным» явлением политической поверхности именно и кажется беспартийная организация, беспартийный демократизм, беспартийный стачкизм, беспартийная революционность.

Спрашивается теперь, как *должны* относиться к этому факту беспартийности и к этой идее беспартийности сторонники, представители разных классов? — должны не в субъективном смысле, а в объективном, т. е. не в том смысле, как следует к этому относиться, а в том смысле, какое отношение к этому факту неизбежно складывается в зависимости от интересов и точек зрения различных классов.

II

Как мы уже показали, беспартийность есть порождение — или, если хотите, выражение — буржуазного характера нашей революции. Буржуазия не может не тяготеть к беспартийности, ибо отсутствие партий среди борющихся за свободу буржуазного общества означает отсутствие новой борьбы против этого самого буржуазного общества. Кто ведёт «беспартийную» борьбу за свободу, тот либо не сознает буржуазного характера свободы, либо освящает этот буржуазный строй, либо откладывает борьбу против него, «усовершенствование» его до греческих календ. И наоборот, кто сознательно или бессознательно стоит на стороне буржуазного порядка, тот не может не чувствовать влечения к идее беспартийности.

В обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени её развития, политической борьбой. Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий. Беспартийность есть равнодушие к борьбе партий. Но это равнодушие не равняется нейтралитету, воздержанию от борьбы, ибо в классовой борьбе не может быть нейтральных; «воздержаться» нельзя в капиталистическом обществе от участия в обмене продуктов или рабочей силы. А обмен неминуемо порождает экономическую борьбу, а вслед за ней и борьбу политическую. Равнодушие к борьбе отнюдь не является, поэтому, на деле отстранением от борьбы, воздержанием от неё или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует. Кто был равнодушен в России к самодержавию до его падения во время октябрьской революции, тот молчаливо поддерживал самодержавие. Кто равнодушен в современной Европе к господству буржуазии, тот молчаливо поддерживает буржуазию. Кто равнодушно относится к идее о буржуазном характере борьбы за свободу, тот молчаливо поддерживает господство буржуазии в этой борьбе, господство буржуазии в рождающейся свободной России. Политическое безразличие есть политическая сытость. «Безразлично», «равнодушно» относится к куску хлеба человек сытый; голодный же всегда будет «партийным» в вопросе о куске хлеба. «Безразличие и равнодушие» к куску хлеба означает не то, чтобы человек не нуждался в хлебе, а то, что человеку всегда обеспечен хлеб, что он никогда не нуждается в хлебе, что он прочно пристроился к «партии» сытых. Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров.

Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая. Это положение, в общем и целом, применимо ко всему буржуазному обществу. Конечно, надо уметь применять эту общую истину к отдельным частным вопросам и частным случаям. Но забывать эту истину в такое время, когда всё буржуазное общество в целом восстаёт против крепостничества и самодержавия, значит совершенно отказываться на деле от социалистической критики буржуазного общества.

Русская революция, несмотря на то, что она находится ещё в начале своего развития, даёт уже немало материала для подтверждения изложенных общих соображений. Строгую партийность всегда отстаивала и отстаивает только социал-демократия, партия сознательного пролетариата. Либералы наши, представители взглядов буржуазии, терпеть не могут социалистической партийности и слышать не хотят о классовой борьбе: вспомнить хотя бы недавние речи г. Родичева, в сотый раз повторившего то, что говорило и пережёвывало как заграничное «Освобождение», так и бесчисленные вассальные органы русского либерализма. Наконец, идеология промежуточного класса, мелкой буржуазии, нашла себе яркое выражение во взглядах русских «радикалов» разных оттенков, начиная от «Нашей Жизни», р.-д. («радикалы-демократы») и кончая «социалистами-революционерами». Эти последние запечатлели своё смешение социализма и демократизма всего яснее в аграрном вопросе и именно в лозунге «социализация» (земли без социализации капитала). Известно также, что, терпимые к буржуазному радикализму, они нетерпимы к идее социал-демократической партийности.

В нашу тему не входит разбор того, как именно отражаются интересы различных классов в программе и тактике русских либералов и радикалов всех видов. Мы только мимоходом затронули здесь этот интересный вопрос и должны перейти теперь к практически-политическим выводам об отношении нашей партии к беспартийным организациям.

Допустимо ли участие социалистов в беспартийных организациях? Если да, то на каких условиях оно допустимо? какую тактику следует вести в таких организациях?

На первый вопрос нельзя ответить безусловным, принципиальным: нет. Неправильно было бы сказать, что ни в каком случае и ни при каких условиях участие социалистов в беспартийных (т. е. более или менее сознательно или бессознательно буржуазных) организациях не допустимо. В эпоху демократической революции отказ от участия в беспартийных организациях равнялся бы в известных случаях отказу от участия в демократической революции. Но несомненно, что социалисты должны ограничить узкими рамками эти «известные случаи», что они могут допускать подобное участие лишь при строго определённых,

ограничительных условиях. Ибо, если беспартийные организации порождаются, как мы уже говорили, сравнительной неразвитостью классовой борьбы, то, с другой стороны, строгая партийность есть одно из условий, делающих классовую борьбу сознательной, ясной, определённой, принципиальной.

Охрана идейной и политической самостоятельности партии пролетариата есть постоянная, неизменная и безусловная обязанность социалистов. Кто не исполняет этой обязанности, тот *на деле* перестаёт быть социалистом, как бы искренни ни были его «социалистические» (на словах социалистические) убеждения. Участие в беспартийных организациях для социалиста допустимо лишь как исключение. И самые цели этого участия и его характер, условия и т. д. должны быть целиком подчинены основной задаче: подготовке и организации социалистического пролетариата для сознательного руководства социалистической революцией.

Обстоятельства могут заставить нас участвовать в беспартийных организациях, — особенно в эпоху демократической революции и, в частности, такой демократической революции, в которой пролетариат играет выдающуюся роль. Такое участие может оказаться необходимым, напр., в интересах проповеди социализма перед неопределённо-демократической аудиторией или в интересах совместной борьбы социалистов и революционных демократов против контрреволюции. В первом случае такое участие будет средством проведения своих взглядов; во втором — боевым соглашением ради достижения определённых революционных целей. В обоих случаях участие может быть лишь временное. В обоих случаях оно допустимо лишь при полном ограждении самостоятельности рабочей партии и при обязательном контроле и руководстве всей партией в целом над «делеглируемыми» в беспартийные союзы или советы членами и группами партии.

Когда деятельность нашей партии была тайной, осуществление такого контроля и руководства представляло из себя гигантские, иногда почти непреодолимые трудности. Теперь, когда деятельность партии становится всё более открытой, осуществлять этот контроль и это руководство можно и должно самым широким образом и непременно не перед одними «верхами», но и перед «низами» партии, перед всеми организованными рабочими, входящими в партию. Отчёты о выступлениях социал-демократов

в беспартийных союзах или советах, рефераты об условиях и задачах такого выступления, резолюции партийных организаций всяческого типа по поводу таких выступлений должны непременно войти в практику рабочей партии. Только подобное *реальное* участие партии в целом, участие в *направлении* всех подобных выступлений может противопоставить на деле работу истинно социалистическую работе общедемократической.

Какую тактику должны мы вести в беспартийных союзах? Во-первых, пользоваться всякой возможностью для заведения самостоятельных связей и пропаганды всей нашей социалистической программы. Во-вторых, определять ближайшие политические задачи момента с точки зрения самого полного и решительного осуществления демократического переворота, давать политические лозунги в демократической революции, выставлять «программу» тех преобразований, которые должна осуществлять борющаяся революционная демократия в отличие от торгующейся либеральной демократии.

Лишь при такой постановке дела может быть допустимым и плодотворным участие членов нашей партии в беспартийных революционных организациях, создаваемых сегодня рабочими, завтра крестьянами, послезавтра солдатами и т. д. Лишь при такой постановке дела мы в состоянии будем выполнить двоякую задачу рабочей партии в буржуазной революции: довести до конца демократический переворот, расширить и укрепить кадры социалистического пролетариата, которому нужна свобода для беспощадной борьбы за низвержение господства капитала.

«Новая Жизнь» №№ 22 и 27; 26 ноября и 2 декабря 1905 г.

Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту газеты «Новая Жизнь»

Вычитал: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

СОЦИАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ

Современное общество всё построено на эксплуатации громадных масс рабочего класса ничтожным меньшинством населения, принадлежащим к классам землевладельцев и капиталистов. Это общество — рабовладельческое, ибо «свободные» рабочие, всю жизнь работающие на капитал, «имеют право» лишь на такие средства к существованию, которые необходимы для содержания рабов, производящих прибыль, для обеспечения и увековечения капиталистического рабства.

Экономическое угнетение рабочих неизбежно вызывает и порождает всякие виды угнетения политического, принижения социального, огрубения и затемнения духовной и нравственной жизни масс. Рабочие могут добиться себе большей или меньшей политической свободы для борьбы за своё экономическое освобождение, но никакая свобода не избавит их от нищеты, безработицы и гнёта, пока не сброшена будет власть капитала. Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живёт чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешёвое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала

топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

Но раб, сознавший своё рабство и поднявшийся на борьбу за своё освобождение, наполовину перестаёт уже быть рабом. Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещённый городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоёвывая себе лучшую жизнь здесь, на земле. Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь.

Религия должна быть объявлена частным делом — этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. Но значение этих слов надо точно определить, чтобы они не могли вызывать никаких недоразумений. Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии. Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников. Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по сию пору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах),

преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека, связывавшие казённые местечки и казённые доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи. Полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви.

Русская революция должна осуществить это требование, как необходимую составную часть политической свободы. Русская революция поставлена в этом отношении в особо выгодные условия, ибо отвратительная казёнщина полицейски-крепостнического самодержавия вызвала недовольство, брожение и возмущение даже в среде духовенства. Как ни забито, как ни тёмно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы, протестует против казёнщины и чиновничьего произвола, против полицейского сыска, навязанного «служителям бога». Мы, социалисты, должны поддержать это движение, доводя до конца требования честных и искренних людей из духовенства, ловя их на словах о свободе, требуя от них, чтобы они порвали решительно всякую связь между религией и полицией. Либо вы искренни, и тогда вы должны стоять за полное отделение церкви от государства и школы от церкви, за полное и безусловное объявление религии частным делом. Либо вы не принимаете этих последовательных требований свободы, — и тогда, значит, вы всё ещё в плену у традиций инквизиции, тогда, значит, вы всё ещё примазываетесь к казённым местечкам и казённым доходам, тогда, значит, вы не верите в духовную силу вашего оружия, вы продолжаете брать взятки с государственной власти, — тогда сознательные рабочие всей России объявляют вам беспощадную войну.

По отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом. Но мы основали свой

союз, РСДРП, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачения рабочих. Для нас же идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело.

Если так, отчего мы не заявляем в своей программе, что мы атеисты? отчего мы не запрещаем христианам и верующим в бога поступать в нашу партию?

Ответ на этот вопрос должен разъяснить очень важную разницу в буржуазно-демократической и социал-демократической постановке вопроса о религии.

Наша программа вся построена на научном и, притом, именно материалистическом мировоззрении. Разъяснение нашей программы необходимо включает поэтому и разъяснение истинных исторических и экономических корней религиозного тумана. Наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма; издание соответственной научной литературы, которую строго запрещала и преследовала до сих пор самодержавно-крепостническая государственная власть, должно составить теперь одну из отраслей нашей партийной работы. Нам придётся теперь, вероятно, последовать совету, который дал однажды Энгельс немецким социалистам: перевод и массовое распространение французской просветительной и атеистической литературы XVIII века.

Но мы ни в каком случае не должны при этом сбиваться на абстрактную, идеалистическую постановку религиозного вопроса «от разума», вне классовой борьбы, — постановку, нередко даваемую радикальными демократами из буржуазии. Было бы нелепостью думать, что в обществе, основанном на бесконечном угнетении и огрубении рабочих масс, можно чисто проповедническим путём рассеять религиозные предрассудки. Было бы буржуазной ограниченностью забывать о том, что гнёт религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнёта внутри общества. Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против тёмных сил капитализма. Единство этой действительно революционной борьбы угнетённого класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе.

Вот почему мы не заявляем и не должны заявлять в нашей программе о нашем атеизме; вот почему мы не запрещаем

и не должны запрещать пролетариям, сохранившим те или иные остатки старых предрассудков, сближение с нашей партией. Проповедовать научное миросозерцание мы всегда будем, бороться с непоследовательностью каких-нибудь «христиан» для нас необходимо, но это вовсе не значит, чтобы следовало выдвигать религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее, чтобы следовало допускать раздробление сил действительно революционной, экономической и политической борьбы ради третьестепенных мнений или бредней, быстро теряющих всякое политическое значение, быстро выбрасываемых в кладовую для хлама самым ходом экономического развития.

Реакционная буржуазия везде заботилась и у нас начинает теперь заботиться о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов, которые решает теперь практически объединяющийся в своей революционной борьбе всероссийский пролетариат. Эта реакционная политика раздробления пролетарских сил, сегодня проявляющаяся, главным образом, в черносотенных погромах, завтра, может быть, додумается и до каких-нибудь более тонких форм. Мы, во всяком случае, противопоставим ей спокойную, выдержанную и терпеливую, чуждую всякого разжигания второстепенных разногласий, проповедь пролетарской солидарности и научного миросозерцания.

Революционный пролетариат добьётся того, чтобы религия стала действительно частным делом для государства. И в этом, очищенном от средневековой плесени, политическом строе пролетариат поведёт широкую, открытую борьбу за устранение экономического рабства, истинного источника религиозного одурачения человечества.

«Новая Жизнь» № 28, 3 декабря 1905 г.

Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту газеты «Новая Жизнь»

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

ЭТАПЫ, НАПРАВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕВОЛЮЦИИ

1) Рабочее движение поднимает пролетариат сразу под руководством РСДРП и *будит* либеральную буржуазию: 1895–1901/2.

2) Рабочее движение переходит в открытую политическую борьбу и *присоединяет* политически проснувшиеся слои либеральной и радикальной буржуазии и мелкой буржуазии: 1901/2–1905.

3) Рабочее движение разгорается в прямую *революцию*, причём либеральная буржуазия уже сплотилась в конституционно-демократическую партию и думает об остановке революции путём соглашения с царизмом, но *радикальные* элементы буржуазии и мелкой буржуазии склоняются к союзу с пролетариатом для *продолжения революции*: 1905 (особенно конец).

4) Рабочее движение побеждает в *демократической* революции, при пассивном выжидании либералов и при активной поддержке *крестьянства*. Плюс радикальная, республиканская интеллигенция и соответствующие слои мелкой буржуазии в городах. Восстание крестьян побеждает, власть помещиков сломана.

(«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».)

5) Либеральная буржуазия, выжидательная в 3-ем периоде, пассивная в 4-ом, становится прямо контрреволюционной и организуется, чтобы отнять у пролетариата завоевания революции. В крестьянстве вся его зажиточная часть и изрядная доля среднего крестьянства тоже «умнеет», успокаивается, поворачивает на сторону контрреволюции, чтобы выбить власть из рук пролетариата и крестьянской бедноты, сочувствующей пролетариату.

6) На почве отношений, сложившихся в период 5-ый, растёт и разгорается новый кризис и новая борьба, причём пролетариат

борется уже за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота. Эта борьба была бы почти безнадёжна для одного российского пролетариата, и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение немецкой революционной партии в 1849–1850 гг. или как поражение французского пролетариата в 1871 г., *если бы* на помощь российскому пролетариату не пришёл *европейский социалистический пролетариат*.

Итак, в этой стадии либеральная буржуазия и зажиточное (+ отчасти среднее) крестьянство организуют контрреволюцию. Российский пролетариат *плюс* европейский пролетариат организует революцию.

При таких условиях российский пролетариат может одержать вторую победу. Дело уже не безнадёжно. Вторая победа будет *социалистическим переворотом в Европе*.

Европейские рабочие покажут нам, «как это делается», и тогда мы вместе с ними делаем социалистический переворот.

Написано в конце 1905 или в начале 1906 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в Ленинском сборнике V

Печатается по рукописи

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

БОЙКОТИРОВАТЬ ЛИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ?

ПЛАТФОРМА «БОЛЬШИНСТВА»

Партия рабочего класса, Российская социал-демократическая рабочая партия объединяется. Две половины её сливаются и готовят объявленный уже объединительный съезд партии.

Но между обеими половинами партии осталось ещё одно разногласие относительно Государственной думы. Все члены партии должны дать себе ясный отчёт в этом вопросе, чтобы сознательно выбрать делегатов на общий съезд, чтобы решить спор так, как хотят этого все члены партии, а не только теперешние центральные и местные учреждения её.

Большевики и меньшевики согласны в том, что теперешняя Дума есть жалкая подделка народного представительства, что надо бороться против этого обмана, готовиться к вооружённому восстанию для созыва свободно избранного всем народом учредительного собрания.

Спор идёт только о тактике по отношению к Думе. Меньшевики говорят: партия наша должна участвовать в выборе уполномоченных и выборщиков. Большевики говорят: активный бойкот Думы. Мы изложим в этом листке взгляд большевиков, принявших резолюцию против участия в выборах на недавней конференции представителей 26-ти организаций РСДРП.

Что означает активный бойкот Думы? Бойкот означает отказ от участия в выборах. Ни депутатов в Думу, ни выборщиков, ни уполномоченных мы выбирать не хотим. Активный бойкот означает не простое отстранение от выборов, а широкое использование избирательных собраний для социал-демократической агитации и организации. Использовать собрания — значит проиникать в них и легально (записываясь в списки избирателей),

и нелегально, излагать на них всю программу и все взгляды социалистов, показывать всю лживость и поддельность Думы, призывая к борьбе за учредительное собрание.

Почему отказываемся мы от участия в выборах?

Потому, что, участвуя в выборах, мы невольно поддержим в народе веру в Думу, мы ослабим этим силу своей борьбы против подделки народного представительства. Дума не парламент, а уловка самодержавия. Мы должны сорвать эту уловку, отвергая всякое участие в выборах.

Потому, что, если бы мы признали допустимым участие в выборах, тогда следовало бы идти до конца, до выбора депутатов в Думу. Буржуазные демократы, например, Ходский в «Народном Хозяйстве», и советуют нам в этих целях избирательные сделки с кадетами. Но социал-демократы теперь все, и большевики и меньшевики, отвергают эти сделки, понимая, что Дума не парламент, а новый полицейский обман.

Потому, что мы не можем теперь извлечь партийной пользы из выборов. Нет свободы агитации. Партия рабочего класса находится под опалой. Её представителей арестуют без суда, её газеты закрыты, её собрания запрещены. Партия не может развернуть своего знамени легально при выборах, не может всенародно выставить своих выборных, не предавая их полиции. При таком положении дел целям нашей агитации и организации гораздо лучше служит революционное использование собраний без выборов, чем участие в собраниях для легальных выборов.

Меньшевики отвергают выборы депутатов в Думу, но хотят выбирать уполномоченных и выборщиков. Для чего? Для того, чтобы из них создать народную Думу или свободное, нелегальное представительство, нечто вроде всероссийского Совета рабочих (и крестьянских вдобавок) депутатов?

Мы возражаем на это: если нужны свободные представители, то к чему считаться с какой-то Думой при их выборе? К чему давать полиции списки наших уполномоченных? Да и к чему создавать новые Советы рабочих депутатов по-новому, когда есть ещё (напр., в Питере) старые Советы рабочих депутатов? Это бесполезно, и даже вредно, ибо вызовет неправильное, мечтательное настроение, будто падающие и разлагающиеся Советы можно оживить новыми выборами, а не новой подготовкой

и расширением восстания. Для целей же восстания назначать законные выборы в законные сроки прямо смешно.

Меньшевики ссылаются на участие социал-демократов всех стран в парламентах, даже в худых парламентах. Эта ссылка не верна. В парламенте и мы будем участвовать до конца. Но меньшевики и сами видят, что Дума не парламент, сами отказываются идти в неё. Говорят, что рабочая масса устала и хочет отдохнуть на легальных выборах. Но партия не может и не должна строить своей тактики на временной усталости некоторых центров. Это значило бы губить партию, ибо усталые рабочие дали бы непартийных выборных, способных лишь компрометировать партию. Надо упорно и терпеливо вести свою работу, сберегая силы пролетариата, но не теряя веры, что упадок настроения временный, что рабочие поднимутся ещё сильнее, ещё смелее, чем в Москве, что они сметут царскую Думу. Пусть неразвитые, тёмные люди идут в Думу, — партия не свяжет своей судьбы с ними. Партия скажет им: ваш собственный житейский опыт подтвердит наши политические предсказания. Вы увидите на себе, какой обман эта Дума, и вы вернётесь тогда к партии, увидав правильность её советов.

Тактика меньшевиков противоречива и непоследовательна (участвовать в выборах, но не выбирать в Думу). Она не пригодна для массовой партии, ибо вместо простого и ясного решения даст запутанное и двусмысленное. Она непрактична, ибо если списки уполномоченных попадут в руки полиции, то партия понесёт тяжёлый урон. Наконец, эта тактика не осуществима на деле, ибо выступление меньшевиков с нашей программой на собраниях неизбежно поведёт к тому, что вместо легальных выборов получится нелегальное использование собраний без выборов. Полицейские условия сведут участие меньшевиков в собраниях с меньшевистского участия в выборах на большевистское революционное использование собраний.

Долой Думу! Долой новый полицейский обман! Граждане! Чтите память павших московских героев новой подготовкой к вооружённому восстанию! Да здравствует свободно избранное всенародное учредительное собрание!

Таков наш боевой лозунг. И с этим лозунгом мирится только тактика активного бойкота.

Написано в январе 1906 г.

Напечатано в январе 1906 г.

в листовках ЦК и Объединённого ЦК РСДРП

Печатается по тексту листовки ЦК РСДРП

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА

Закон 11-го декабря снова поставил на очередь вопрос о нашей тактике по отношению к Думе. Выбирать или не выбирать в Думу? — об этом оживлённо судит и рядит наша буржуазно-демократическая печать. Об этом высказалась недавно конференция организаций «большинства» РСДРП. Эта конференция, в которой участвовали представители 26 организаций, в том числе 14 рабочих, выбранных более чем 4 000 организованных членов партии, заменила собой намеченный и объявленный Центральным Комитетом IV съезд партии. Съезд не мог состояться вследствие железнодорожной забастовки, московского восстания и различных событий в самых различных концах России. Но съехавшиеся делегаты организовали конференцию «большинства», которая обсудила, между прочим, и вопрос о выборах в Думу, решив его отрицательно, в смысле неучастия в выборах. Вот соответствующая часть резолюции, принятой конференцией:

«Самодержавное правительство всё время после 17-го октября попирало все основные гражданские свободы, завоёванные пролетариатом. Правительство залило всю страну кровью, расстреливая из пушек и пулемётов борющихся за свободу рабочих, крестьян, солдат и матросов! Правительство издевается над общенародным требованием созыва учредительного собрания и законом 11-го декабря пытается снова обмануть пролетариат и крестьянство и отсрочить свою окончательную гибель.

Закон 11-го декабря фактически исключает из участия в Государственной думе пролетариат и массу крестьянства и заранее стремится обеспечить при помощи всяких уловок и полицейских ограничений преобладание в Думе черносотенных элементов эксплуататорских классов.

Конференция выражает свою уверенность в том, что ответом всего сознательного пролетариата России на новый царский закон будет решительная борьба против этой, как и всякой другой, подделки народного представительства.

Конференция полагает, что социал-демократия должна стремиться сорвать эту полицейскую Думу, отвергая всякое участие в ней».

Далее резолюция рекомендует всем партийным организациям широко использовать избирательные собрания, но не для того, чтобы производить, подчиняясь полицейским ограничениям, какие бы то ни было выборы, но чтобы расширить революционную организацию пролетариата и вести во всех слоях народа агитацию решительной борьбы с самодержавием, так как только после полной победы над ним возможен созыв действительно свободно избранных представителей народа.

Правильно ли такое решение вопроса? Чтобы ответить на это, рассмотрим сначала возможные возражения. За участие в Думе могло говорить теперь то обстоятельство, что рабочие получили некоторые права по выбору в Думу, а также и то, что свобода агитации несколько шире, чем в эпоху «первой» булыгинской Думы, обещанной законом 6-го августа. Эти соображения, в связи с подавлением московского и других восстаний, вызвавшим необходимость в некотором периоде затишья, скопления и подготовки новых сил, — естественно склоняли и склоняют «меньшинство» РСДРП к тому, чтобы высказаться за участие в выборах, по крайней мере, уполномоченных и выборщиков. Такие социал-демократы думают, что стремиться пройти в Государственную думу мы не должны, что идти дальше выбора выборщиков не следует, но что воспользоваться для агитации, организации пролетариата и политического воспитания его предоставленной возможностью выборов в рабочей курии необходимо.

По поводу этих аргументов мы отметим прежде всего, что они вполне естественно вытекают из общих основ социал-демократического мировоззрения и социал-демократической тактики. Мы, представители «большинства», должны признать это, чтобы не впасть в фракционную крайность, способную повредить безусловно необходимому делу единства партии. Мы должны непременно заново, деловым образом обсудить вопрос о тактике.

Если события подтвердили правильность нашей тактики относительно Думы 6-го августа, которая была, действительно, сорвана, была бойкотирована, сметена пролетариатом, то отсюда вовсе ещё не вытекает само собою, что и новую Думу удастся сорвать таким же образом. Ситуация теперь не та, и надо тщательно взвесить доводы за и против участия.

Мы изложили вкратце главные, на наш взгляд, доводы за. Перейдём к доводам против.

Новая Дума является несомненно карикатурой на народное представительство. Участие наше в выборах даст народным массам извращённое представление о нашей оценке Думы.

Свободы агитации нет. Собрании разгоняются. Делегаты арестовываются.

Поддавшись на приманку дубасовского «конституционализма», мы своего партийного знамени перед массами развернуть не сможем, а свои партийные силы ослабим с малой пользой для дела, ибо «легальное» выступление наших кандидатов даст лишь полиции готовые списки арестуемых.

В большинстве мест России кипит гражданская война. Затишье может быть здесь лишь временное. Подготовка вновь и вновь необходима. Нашей партии соединять это с делом выборов по закону 11-го декабря и нецелесообразно, и практически неосуществимо. Не выйдет у нас выборов «по закону», даже если бы мы захотели, ибо условия борьбы не допустят этого. Отдельные исключения, конечно, возможны, но ради них вносить путаницу, дезорганизацию и отсутствие единства в общероссийскую пролетарскую тактику нерационально.

Выборы в Думу по закону 11-го декабря при господстве Дубасовых и Дурново есть чистейшая игра в парламентаризм. Пролетариату недостойно участвовать в игре.

Тактика массовой партии пролетариата должна быть проста, ясна, пряма. Выборы же уполномоченных и выборщиков без выбора депутатов в Думу создают запутанное и двойственное решение вопроса. С одной стороны, признаётся легальная форма выборов по закону. С другой стороны, «срывается» закон, ибо выборы производятся не в целях осуществления закона, не в целях посылки депутатов в Думу. С одной стороны, начинается избирательная кампания; с другой стороны, она обрывается в самом важном

(с точки зрения всех выборов) пункте, при определении непосредственного состава Думы. С одной стороны, рабочие ограничивают свои выборы (уполномоченных и выборщиков) нелепыми и реакционными рамками закона 11-го декабря. С другой стороны, на эти рабочие выборы, заведомо неполно и неверно отражающие передовые стремления пролетариата, возлагается задача осуществлять эти стремления помимо Думы (в форме какого-либо нелегального представительства или нелегальной Думы или народной Думы и т. п.). Получается бессмыслица: выборы на основании несуществующего избирательного права в несуществующий парламент. Советы рабочих депутатов в Питере и Москве были избраны самими рабочими не по полицейским «законным формам». И аресты этих Советов дали весьма важный урок рабочим. Эти аресты показали, как опасно доверять лжеконституционализму, как непрочно «революционное самоуправление» без победы революционных сил, как недостаточна временная беспартийная организация, которая может иногда дополнить, но никак не заменит прочной и длительной боевой партийной организации. Столичные Советы рабочих депутатов пали потому, что у них не хватило прочной опоры в боевой организации пролетариата. Если мы заменим эти Советы собраниями выборщиков или уполномоченных, это будет подставкой опоры словесной вместо опоры боевой, опоры квазипарламентской вместо опоры революционной. Это будет то же самое, как если бы мы заменили недостающую пушку нарисованной на картоне пушкой.

Далее, участвуя в выборах, мы ставим пролетариат в ложное отношение к буржуазной демократии. Эта последняя опять раскалывается. Умеренные либералы (кадеты) горой стоят за участие. Радикалы тяготеют к бойкоту. Классовая подкладка этого раскола ясна: правое крыло буржуазии тяготеет к сделке с реакцией посредством Думы. Левое крыло буржуазии тяготеет к союзу с революцией или, по крайней мере, к поддержке её (вспомните присоединение Союза союзов к манифесту Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих депутатов о финансовом крахе правительства). Тактика бойкота создаёт ясное и правильное отношение пролетариата к революционной и оппортунистической буржуазии. Тактика участия внесла бы страшный хаос, помешав пролетариату разбирать его ближайших союзников и его врагов.

Наконец, практические цели участия не менее, если не более, осуществимы и бойкотом. Подсчёт сил пролетариата, агитация и организация, обеспечение господства с.-д. в рабочей курии, всё это вполне возможно и при революционном использовании избирательных собраний вместо участия в них, всё это вовсе не требует выбора именно «уполномоченных» и именно «выборщиков». Всё это хуже достигается при отвлечении сил на эти смехотворные легальные выборы, ибо цели этих выборов мы же сами не признаём, а оповещать о них полицию вовсе нам не выгодно. На практике почти всегда и выйдет, наверное, именно революционное использование избирательных собраний, а не участие в них, ибо рабочие полицейским ограничениям не подчинятся, «посторонних лиц» (читай с.-д.) не устроят, правил выборов не соблюдают. Сила вещей, сила революционной ситуации приведёт к тому, что из «выборных» собраний выборов не выйдет, а выйдет партийная агитация помимо выборов и вопреки выборам, т. е. выйдет так называемый «активный бойкот». Как бы мы ни смотрели на вещи, как бы мы ни толковали своих взглядов, какие бы мы ни выставляли оговорки, во всяком случае, участие в выборах неизбежно имеет тенденцию порождать мысль о подмене учредительного собрания Думой, о созыве учредительного собрания через Думу и т. п. Показывать лживость и фиктивность представительства в Думе, требовать созыва революционным путём учредительного собрания и в то же время участвовать в Думе — это тактика, способная в революционный момент лишь сбить с толку пролетариат, лишь поддержать наименее сознательные элементы рабочей массы и наименее совестливые, наименее принципиальные элементы из числа вождей этой массы. Мы можем заявить о полной и полнейшей самостоятельности наших с.-д. кандидатур, о чистой и чистейшей партийности нашего участия, но политическая обстановка сильнее всех заявлений. На деле не выйдет, не сможет выйти, согласно этим заявлениям. На деле получится неизбежно, вопреки нашей воле, не социал-демократическая и не партийная рабочая политика при теперешнем участии в теперешней Думе.

Тактика, рекомендованная конференцией «большинства», есть единственно правильная тактика.

Интересным подтверждением (косвенным) этого вывода является позиция «кадетов». В своём «предсмертном» номере

(от 20-го декабря) «Народная Свобода» рассуждает следующим образом по поводу всплывшего вновь вопроса, идти ли в Думу. Ближайшая задача — созыв всенародного учредительного собрания. Газета принимает это положение за доказанное. Кто и как созовёт это учредительное собрание? На это возможен, по мнению «Народной Свободы», троякий ответ: 1) правительство законное (или *de facto* самодержавное); 2) временное революционное правительство; 3) Государственная дума, как «власть, конкурирующая с властью». Само собою разумеется, что «кадеты» принимают третий «исход» и именно ради такого исхода настаивают на необходимости участия в Думе. Первый исход они отвергают, отбрасывая всякие надежды на правительство. О втором исходе они дают нам следующий, в высшей степени характерный, образчик рассуждения:

«Можно ли рассчитывать на *практическую* осуществимость того временного правительства, о котором ещё и теперь — в кровавом угаре подавленного восстания — продолжают мечтать революционные партии? Скажем прямо: нет, нельзя, — и не потому нельзя, что вооружённое восстание невозможно: Москва доказала обратное; и даже не потому, что такое восстание роковым образом будет подавлено вооружённой силой: кто может предсказывать будущее?

Нельзя рассчитывать на временное правительство потому, что *ни при каких условиях* — и даже в случае успешного восстания — оно не будет достаточно прочным и авторитетным для того, чтобы «собрать рассыпанную хламину» русской земли. Его смоет контрреволюционная волна, надвигающаяся из общественных глубин.

Русская революция длится не месяцы, а годы; за это время она успела определённо и резко наметить свой путь; и надо сказать прямо, что этот путь ни к вооружённому восстанию, ни к временному правительству не ведёт. Не станем закрывать глаза перед действительностью. И либеральная интеллигенция, и крестьянство, и пролетариат — революционны, но революционная кооперация трёх элементов под флагом вооружённого восстания *невозможна*. Не будем разбирать, кто прав и кто виноват; факт остаётся фактом. Но в таком случае, из каких элементов могло бы возникнуть пресловутое временное правительство революционных партий? Чем могло бы оно быть? Диктатурой пролетариата? Но о диктатуре пролетариата в современной России говорить не приходится...

Мы нарочно выписали полностью это рассуждение, ибо оно превосходно, и с редкой для «кадетов» отчётливостью, передаёт сущность либерально-буржуазной точки зрения. Ошибки этого рассуждения так наглядны, что на них достаточно кратко указать. Если теперь доказана возможность вооружённого восстания, и недоказуема наперёд его безнадёжность в смысле успеха, то что же это за возражение: «смоет контрреволюция»? Это смешная, по своей слабости, отговорка. Революции без контрреволюции не бывает и быть не может. Теперь вот и 17-е октября сметено контрреволюционной волной, но разве это доказывает нежизненность конституционных требований? Вопрос не в том, будет ли контрреволюция, а в том, кто, в конечном счёте, после неизбежно долгих и полных всяких превратностей судьбы битв, окажется победителем?

«Народная Свобода» понимает, что этот вопрос решается учётом социальных сил. И она делает учёт, признаёт революционность и пролетариата, и крестьянства, и либеральной интеллигенции. Но газета «декретирует»: их «кооперация под флагом вооружённого восстания невозможна». Почему? В этом весь гвоздь вопроса, и отделаться голословным заявлением тут нельзя. Это факт, который остаётся фактом, что восстаёт пролетариат, восстаёт и крестьянство, при участии некоторой, по крайней мере, доли буржуазной интеллигенции. Признав (не требующий теперь ничего признания) факт возможности вооружённого восстания, признав, что предсказать безусловный неуспех всем дальнейшим взрывам нельзя, газета отняла у своих рассуждений всякую почву. Газета спасает себя только передержкой, отрицая возможность диктатуры пролетариата, т. е. социалистической диктатуры, тогда как речь должна идти о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Сочувствие этим классам и содействие им известной доли мелкой буржуазии вообще и буржуазной интеллигенции в частности обеспечено; остаётся вопрос о степени организованности и боевой способности. Это очень большой и серьёзный вопрос, конечно, но решать его сплеча отрицательно могут только люди, желающие явно увильнуть от решения.

Позиция либеральных помещиков ясна. Они хотят участия в Думе именно потому, что не хотят участия в революционной

борьбе. Они хотят созыва Думы именно потому, что не хотят революционного созыва учредительного собрания. Они хотят Думы именно потому, что они хотят сделки. Различное отношение к Думе либералов и социал-демократов совершенно отчётливо отражает, таким образом, различие классовой позиции буржуазии и пролетариата. А до какой степени безнадёжны воздыхания о сделке и о Думе в эпоху обострённой гражданской войны, это видно, между прочим, из закрытия «кадетских» газет и жалкого существования всей легальной либеральной печати вообще. Вся эта печать ежедневно приводит груды фактов, показывающих полную поддельность представительства в Думе, полную невозможность сколько-нибудь свободной агитации, сколько-нибудь правильных выборов. Действительность революционной и контрреволюционной ситуации лучше всяких доводов опровергает мечтания об участии в Думе в целях борьбы, лучше всяких аргументов подтверждает правильность тактики активного бойкота.

В заключение ещё пару слов о том, как должны поставить мы теперь нашу внутрипартийную агитацию за активный бойкот Думы в связи с происходящим слиянием фракций и полным объединением РСДРП.

Слияние необходимо. Слияние надо поддерживать. В интересах слияния надо вести борьбу с меньшевиками из-за тактики в рамках товарищества, стараясь переубедить всех членов партии, сводя полемику к деловому изложению доводов за и против, к выяснению позиции пролетариата и его классовых задач. Но слияние несколько не обязывает нас затушёвывать тактические разногласия или излагать свою тактику непоследовательно и не в чистом виде. Ничего подобного. Идеиную борьбу за тактику, признаваемую нами правильной, необходимо вести открыто, прямо и решительно до конца, т. е. до объединительного съезда партии. В единой партии тактика, определяющая непосредственные действия партии, должна быть одна. Такой единой тактикой должна стать тактика большинства членов партии: когда большинство вполне определилось, меньшинство обязано подчиниться ему в своём политическом поведении, сохраняя право критики и агитации за разрешение вопроса на новом съезде.

При настоящем положении нашей партии обе фракции согласились о созыве объединительного съезда, обе согласились

подчиниться его решениям. Объединительный съезд и установит единую тактику партии. Наша задача — ускорить всеми средствами созыв этого съезда и добиваться самым энергичным образом того, чтобы все члены партии составили себе ясное понятие и представление о различии тактик насчёт участия в Думе, чтобы все члены партии с полным знанием дела, вполне взвесив доводы той и другой стороны, сделали сознательно, а не случайно свой выбор делегатов на общий съезд, который объединит всю партию и объединит нашу тактику.

Написано в январе 1906 г.

Напечатано в феврале 1906 г. в брошюре:

«Государственная дума и социал-демократия»

Изд. «Пролетарское Дело»

Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту брошюры

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ И ТАКТИКА РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Российская социал-демократическая партия переживает очень трудный момент. Военное положение, расстрелы и экзекуции, переполненные тюрьмы, измученный голодом пролетариат, организационный хаос, усиленный разрушением многих нелегальных опорных пунктов и отсутствием легальных, наконец, споры о тактике, совпавшие с трудным делом восстановления единства партии, — всё это неминуемо вызывает известный разброд партийных сил.

Формальным средством выхода из этого разброда является созыв объединительного партийного съезда, и с этим созывом все работники партии должны, по нашему глубокому убеждению, спешить всеми силами. Но, пока идёт работа созыва съезда, необходимо поставить перед всеми и чрезвычайно серьёзно обсудить крайне важный вопрос о более глубоких причинах разброда. Вопрос о бойкоте Государственной думы есть, в сущности, лишь маленькая частичка большого вопроса о пересмотре всей тактики партии. А этот последний вопрос, в свою очередь, есть лишь маленькая частичка большого вопроса о современном положении России и о значении настоящего момента в истории русской революции.

Намечаются две тактические линии в связи с двумя оценками этого момента. Одни считают подавление московского и других восстаний лишь подготовкой почвы и условий для новой, более решительной вооружённой борьбы. Значение момента усматривается в разрушении конституционных иллюзий. Два великие месяца революции (ноябрь и декабрь) рассматриваются как период перерастания мирной всеобщей стачки в всенародное

вооружённое восстание. Возможность его доказана, движение поднято на высшую ступень, практический опыт, необходимый для успеха будущего восстания, накоплен широкими массами, мирные забастовки исчерпали себя. Надо собрать тщательнее этот опыт, дать пролетариату собраться с силами, отбросить решительно всякие конституционные иллюзии и всякую мысль об участии в Думе, готовить упорнее и терпеливее новое восстание, укреплять связи с организациями крестьянства, которое, вероятно, поднимется ещё сильнее к весне.

Другие иначе оценивают момент. Тов. Плеханов в № 3 и особенно в № 4 своего «Дневника» всего последовательнее наметил иную оценку, хотя, к сожалению, не везде договорил до конца свои мысли.

«Несвоевременно начатая политическая забастовка, — говорит т. Плеханов, — привела к вооружённому восстанию в Москве, Ростове и т. д. Сила пролетариата оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство не трудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие». Практическая задача сознательных элементов рабочего движения «заключается в том, чтобы указать пролетариату на его ошибку, чтобы выяснить ему всю рискованность той игры, которая называется вооружённым восстанием». Плеханов не оспаривает того, что он хочет тормозить движение. Он напоминает о том, как Маркс за полгода до Коммуны предостерегал парижский пролетариат от несвоевременных вспышек. «Жизнь показала, — говорит Плеханов, — что тактика, которой держалась в последние месяцы наша партия, несостоятельна. Под страхом новых поражений мы обязаны усвоить новые тактические приёмы»... «Главное — нам нужно немедленно обратить усиленное внимание на профессиональное движение рабочих». — «Очень значительная часть наших товарищей слишком увлекалась мыслью о вооружённом восстании, чтобы она могла заняться сколько-нибудь серьёзно поддержкой профессионального движения»... «Нам надо дорожить поддержкой непролетарских оппозиционных партий, а не отталкивать их от нас бестактными выходками». Совершенно естественно, что Плеханов высказывается также против бойкота Думы (не договаривая, стоит ли он за участие в Думе или за создание выборщиками излюбленных «меньшевиками» «органов революционного самоуправления»).

«Выборная агитация в деревне поставила бы ребром вопрос о земле». Отобрание земли одобрено обеими частями нашей партии, и их резолюции «теперь пора провести в жизнь».

Таковы взгляды Плеханова, изложенные нами почти целиком в формулировках самого автора «Дневника».

Читатель убедился, мы надеемся, из этого изложения, что вопрос о думской тактике есть лишь часть вопроса об общей тактике, подчинённого, в свою очередь, вопросу об оценке всего современного революционного момента. Корни разногласия о тактике сводятся к следующему. Не нужно было браться за оружие, говорят одни, призывая к выяснению рискованности восстания и к перенесению центра тяжести на профессиональное движение. И забастовки 2-я и 3-я и восстание были ошибками. Другие же полагают, что нужно было браться за оружие, ибо иначе движение не могло подняться на высшую ступень, не могло выработать необходимого практического опыта в делах восстания, не могло освободиться от узких сторон одной только мирной стачки, исчерпавшей себя в качестве средства борьбы. Для одних, следовательно, вопрос о восстании практически снимается с очереди, — по крайней мере, впредь до новой ситуации, которая заставила бы нас ещё раз пересмотреть тактику. Приспособление к «конституции» (участие в Думе и усиленная работа в легальном профессиональном движении) вытекает отсюда неизбежно. Для других, наоборот, именно теперь вопрос о восстании ставится на очередь на основании практически приобретённого опыта, доказавшего возможность борьбы с войсками и наметившего непосредственные задачи более упорной и более терпеливой подготовки следующего выступления. Отсюда лозунг: долой конституционные иллюзии! и отведение легальному профессиональному движению скромного, во всяком случае не «главного» места.

Само собою разумеется, что мы должны рассмотреть этот спорный вопрос не с точки зрения желательности того или иного пути деяния, а с точки зрения объективных условий момента и учёта общественных сил. Взгляд Плеханова мы считаем ошибочным. Оценка московского восстания, сводящаяся к тому, что «не нужно было и браться за оружие», крайне односторонняя. Снять с очереди вопрос о восстании — значит, в сущности, признать законченным революционный период и начавшимся «конституционный»

период демократического переворота, т. е. приравнять, примерно скажем, подавление декабрьских восстаний в России к подавлению восстаний 1849-го года в Германии. Конечно, невозможного нет в таком исходе нашей революции, и с точки зрения данной минуты, когда реакция развёртывается вовсю, подобный исход легко признать уже наступившим. Не подлежит также сомнению, что целесообразнее решительно отказаться от идеи восстания, если объективные условия сделали его невозможным, чем тратить силы на новые, бесплодные, попытки.

Но это значит слишком поспешно обобщить и возвести в закон для целого периода такое положение вещей, которое сложилось в данную минуту. Разве мы не видели реакции во всём её бешенстве после каждого почти крупного шага вперёд, делаемого революцией? И разве, несмотря на эту реакцию, движение не поднималось вновь ещё более могучим через некоторый промежуток времени? Самодержавие не уступило перед неотвратимыми требованиями всего общественного развития; напротив, самодержавие идёт назад, вызывая уже протесты среди самой буржуазии, которая приветствовала подавление восстания. Силы революционных классов, пролетариата и крестьянства, далеко не исчерпаны. Экономический кризис, финансовое расстройство скорее ширятся и углубляются, чем сглаживаются. Вероятность нового взрыва уже теперь, когда не кончилось ещё подавление первого восстания, признают даже органы «правопорядочной» буржуазии, безусловно враждебной восстанию.

Вот, напр., что пишет консервативно-буржуазное «Слово»: «Среди самых убеждённых сторонников центра всё чаще слышатся голоса, правда, ещё робкие и неуверенные, что без нового взрыва, подготовленного революционными партиями, реформа в необходимой полноте и целостности осуществлена не будет... Надежды на проведение реформы сверху мирным путём теперь уже почти не остаётся».

Комедиантский характер Думы вырисовывается всё яснее, и безнадёжность попытки партийного участия в выборах становится всё несомненное.

Это будет близорукостью, это будет раболепством перед ситуацией данного момента, если мы при таких условиях снимем с очереди вопрос о восстании. Посмотрите, в какое противоречие впадает Плеханов, когда горячо советует провести в жизнь

резолюции об агитации в крестьянстве за отобрание земли и в то же время задаётся целью не отталкивать от нас оппозиционных партий бестактными выходками, мечтает о постановке «ребром» вопроса о земле при выборной агитации в деревне. Можно с уверенностью сказать, что либералы-помещики простят вам миллионы «бестактностей», но не простят призывов к отобранию земли. Недаром даже кадеты говорят, что и они стоят за подавление крестьянских восстаний силой войска, только бы распоряжались войсками они, а не бюрократия. Можно с уверенностью сказать, что именно в выборной-то агитации и не встанет никогда вопрос о земле «ребром», как встал он, как встаёт он и будет вставать помимо Думы и помимо производимых при участии полиции выборов.

Мы всецело стали за лозунг отобрания земли. Но отобрание земли лишь пустой звук, если оно не означает победы вооружённого восстания, ибо против крестьян стоит теперь не только войско, но и отряды добровольцев, нанимаемые помещиками. Проповедуя отобрание земли, мы зовём крестьян на восстание. А разве мы вправе были бы, не впадая в революционную фразу, делать это, если бы не рассчитывали на восстание рабочих в городах, на поддержку рабочими крестьян? Было бы горькой насмешкой, если бы крестьянам, которые поднимутся волной и начнут отбирать земли, рабочие предложили содействие профессиональных, опекаемых полицией обществ за отсутствием боевых организаций.

Нет, мы не имеем оснований снимать с очереди вопрос о восстании. Мы не должны перестраивать заново партийную тактику с точки зрения условий данного момента реакции. Мы не можем и не должны отчаиваться в том, что удастся, наконец, слить три разрозненные потока восстаний — рабочие, крестьянские и военные — в одно победоносное восстание. Мы должны готовиться к этому, не отказываясь, конечно, от использования всех и всяческих «легальных» средств к расширению пропаганды, агитации и организации, но отнюдь не обольщая себя насчёт прочности этих средств и их значения. Мы должны собирать опыт московского, донецкого, ростовского и других восстаний, распространять знакомство с ними, готовить упорно и терпеливо новые боевые силы, обучать и закалять их на ряде партизанских боевых выступлений. Новый взрыв, может быть, и не наступит ещё весной, но он идёт,

он, по всей вероятности, не слишком далёк. Мы должны встретить его вооружёнными, организованными по-военному, способными к решительным наступательным действиям.

Мы позволим себе здесь маленькое отступление о партизанских выступлениях боевых дружин. Мы думаем, что сравнивать их с террором старого типа ошибочно. Террор был местью отдельным лицам. Террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс. Террор был результатом — а также симптомом и спутником — неверия в восстание, отсутствия условий для восстания.

Партизанские выступления не месть, а военные действия. Они так же мало похожи на авантюру, как набеги охотничьих дружин на тыл неприятельской армии во время затишья на главном поле сражения непохожи на убийства дуэлянтов или заговорщиков. Партизанские действия боевых дружин, образованных давно уже социал-демократами обеих фракций во всех крупнейших центрах движения и включающих в себя, главным образом, рабочих, несомненно связаны с настроением масс самым явным, самым непосредственным образом. Партизанские действия боевых дружин непосредственно готовят боевых руководителей масс. Партизанские действия боевых дружин теперь не только не являются результатом неверия в восстание или невозможности восстания, а, напротив, являются необходимой составной частью происходящего восстания. Конечно, во всём и всегда возможны ошибки, возможны неуместные попытки выступлений не вовремя; возможны увлечения и крайности, которые всегда и безусловно вредны и способны повредить самой верной тактике. Но факт тот, что мы до сих пор страдаем в большинстве чисто русских центров от другой крайности, от недостаточной инициативности наших боевых дружин, от недостатка у них боевого опыта, от малой решительности их выступлений. Нас опередили в этом отношении и Кавказ, и Польша, и Прибалтийский край, т. е. именно такие центры, где движение всего дальше ушло от старого террора, где восстание подготовлено всего лучше, где массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен.

Нам надо догонять эти центры. Нам надо не удерживать, а поощрять партизанские выступления боевых дружин, если мы

не на словах только хотим готовить восстание и признали пролетариат всерьёз готовым к восстанию.

Русская революция началась с того, что царя просили даровать свободу. Расстрелы, реакция, треповщина не задавили, а разожгли движение. Революция сделала второй шаг. Она вырвала силой у царя признание свободы. Она, с оружием в руках, отстаивала эту свободу. Сразу не отстояла. Расстрелы, реакция, дубасовщина не задавят, а разожгут движение. Перед нами вырисовывается третий шаг, который определит исход революции: борьба революционного народа за власть, способную на деле осуществить свободу. В этой борьбе нам надо рассчитывать на поддержку не оппозиционных, а революционных демократических партий. Рядом с социалистическим пролетариатом тут пойдёт демократически-революционное крестьянство. Это — великая борьба, трудная борьба, борьба за доведение до конца демократической революции, за полную победу её. Но все признаки говорят в настоящее время за то, что такая борьба надвигается ходом вещей. Позаботимся же, чтобы новый вал застал российский пролетариат в новой боевой готовности.

«Партийные Известия» № 1, 7 февраля 1906 г.

Подпись: Большевик

Печатается по тексту газеты «Партийные Известия»

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОБЩЕГОРОДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП

11 (24) ФЕВРАЛЯ 1906 г.

1

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О ПРАВОМОЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА КОНФЕРЕНЦИИ ОКРУЖНОЙ И ВЫБОРГСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЙ

1

Решением, принятым об окружной организации, провалено первое решение конференции об общей проверке мандатов формально. В окружной организации было 56 голосов сомнительных, и лишь о них могла идти речь. Комитет и районная конференция производили проверку избрания; если не доверять решению Петербургского комитета относительно окружной организации, то нужно быть последовательными и идти к тому, чтобы проверять все районы.

2

Тов. Дан не знает о парламентской тактике. Во всех странах Западной Европы член бюро не лишён права вносить предложения.

3

Вопрос, который был предложен т. Мартовым, касается формальной стороны; если вы решили рассматривать здесь один район на основании заявленных протестов, то следует сделать

такое же решение и о других районах, о которых вносится протест. Тов. Аким находит неправильность в Выборгском районе, и конференция, принявшая решение об окружной организации, должна распространить это решение и на Выборгский район.

4

К порядку. Если Петербургский комитет признал окружную организацию полноправной, то я удивляюсь предложению т. Мартова — исключить её из конференции.

5

Имеются два предложения: решить вопрос о 56 голосах и исключить из конференции всю окружную организацию. Я прошу вотировать.

6

Прошу поставить на голосование вопрос: может ли часть петербургской организации быть лишена здесь представительства?

7

Предложение т. Мартова не может быть поставлено на голосование, затронутый им вопрос может решить только Петербургский комитет.

8

Подумайте, товарищи, о том чудище, которое вам предлагают. Обсуждался важный вопрос, в решении которого должна принять участие вся организация Петербурга, а вам вдруг предлагают отрезать громадную часть — Окружной район. Подумайте над

этим. Такое голосование я считаю непозволительным по существу. Прошу голосовать: желает ли собрание голосовать предложение т. Мартова?

9

Прошу раньше голосовать моё предложение: согласно ли собрание голосовать предложение т. Мартова.

10

Нужно отнестись к делу хладнокровно. Вопрос в том, можем ли мы лишить окружную организацию права голосования на конференции; раз представительство её законно, то не участвовать в теперешнем голосовании есть верх незаконности; представительство её вами признано законным, она не голосовала, когда рассматривалась законность её представительства; во всех следующих вопросах она должна голосовать.

11

Тов. Николай внёс предложение, которое он совершенно правильно назвал радикальным; если же вносится предложение, устраняющее все остальные, то оноотируется сначала.

12

Собрание признаёт поднятый т. Мартовым вопрос не подлежащим обсуждению и не требующим голосования.

2

**ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ВОПРОСУ О ДОКЛАДЕ
ПЕТЕРБУРГСКОГО КОМИТЕТА**

1

**ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
МАРТОВА О СНЯТИИ ДОКЛАДА ПК**

Тов. Мартов неправ; он говорит, что замечания вроде «опять встаёт» не допускаются, — это неверно. Везде на собраниях допускаются всякого рода замечания. Что же касается доклада, то выслушать его необходимо. Доклад займёт всего каких-нибудь 15–20 минут, а иначе же нам могут сказать, что на конференции, кроме моральных неправильностей, были ещё юридические (кроме моральных, были ещё юридические упущения). Доклад следует выслушать обязательно. Если вы найдёте нужным его утвердить — утвердите, если не найдёте нужным, то не утвердите.

2

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ДОКЛАДУ ПК

Я хочу внести предложение. Вопрос, затронутый т. Акимом, об одобрении доклада, можно снять с очереди; я предлагаю такое решение: «Собрание, выслушав доклад Петербургского комитета, признало представительство конференции законным, конференцию установившейся и решение её для петербургской социал-демократической организации обязательным».

3

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Я согласен, что нужно голосовать в порядке смысла, но я считаю моё предложение самым радикальным, другие же — примирительные. Если вы отвергнете радикальное, то тогда станете голосовать примирительные.

3

**ЗАМЕЧАНИЕ ПО ПОВОДУ РЕЗОЛЮЦИИ
О ТАКТИКЕ БОЙКОТА**

Я жалею, если утомил собрание длиннотой резолюции, но если мы хотим спорить по существу, то нужно ясно представлять то, что критикуем. В моей резолюции суммировалось всё, что говорилось раньше на дискуссиях и о чём не было времени говорить здесь, отсрочивать собрание больше нельзя. Если нет времени обсуждать резолюции, можно выбрать комиссию.

*Впервые напечатано в 1930 г.
в журнале «Пролетарская Революция» № 12
Печатается по секретарским записям,
хранящимся в Центральном партийном архиве
Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС*

*Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь
Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер*

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОБЩЕГОРОДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП (II)

КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ — НАЧАЛО МАРТА 1906 г.

1

ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ РЕЗОЛЮЦИИ О ТАКТИКЕ БОЙКОТА

1

Резолюция длинна, — «лития», как говорит т. Дан, — это верно, но этот недостаток искупается достоинством — в резолюции рассмотрены все доводы, без чего объяснение тактики не продумано, не верно. Для массы нужна краткость, но эта резолюция для организаций, а не для масс. Дискуссий не было по всем пунктам, но они все были затронуты. Должна быть развита вся совокупность взглядов, которые проводятся в политической агитации. Ни о каком подавлении меньшинства большинством и речи быть не может, хотя, правда, положение пораженной части не из красивых. Как выход можно предложить разделение работы: вы критикуете Думу, а мы будем развивать тактику. Навязывать т. Дану защиту пунктов, с которыми он не согласен, никто не хочет. Обвинение в фракционности и полемике — голословно.

2

И в короткой резолюции (Мартова) есть полемика, но за что же вы, предлагая нам принять её, хотите нас сделать смешными. В проекте длинной резолюции как будто есть мотивы, которые не обсуждались пролетариатом. Но чучело растеряевцев* осмеивало самую идею представительства, и наверное у них была при этом мысль и о крестьянстве.

* В. И. Ленин имеет в виду следующий факт иронического отношения рабочих к Думе, описанный в газете «Наша Жизнь» в заметке «История с «чучелом»»: «Несколько дней тому назад рабочие механического завода (Петербург) сделали чучело и, написав на нем: «Депутат в Государственную думу», прокатили его.

В субботу на завод заявился товарищ прокурора для расследования (!) этого дела. Прокурор провел несколько часов на заводе, допытываясь, кто устроил эту шутку. Дождался ночной смены и её допросил, но, кажется, никаких результатов не добился». *Ред.*

2

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ ПОПРАВОК К ПУНКТАМ 2, 3 И 6 ПРОЕКТА РЕЗОЛЮЦИИ

1

Правительство уже обеспечивает, но революция разрушит это обеспечение. Обеспечивает, но не обеспечило.

2

Вы ослабляете резолюцию, правительство не только мешает выбирать, оно ещё и земских начальников в качестве выборных сажает.

3

Поправка т. Дана не точна. «Союз 17 октября» — оппозиция, однако его не преследуют. Мы должны заступиться за кадетов, если их преследуют, хотя бы их преследовали и ни за что.

4

«Зубатовщина» — не только полицейская форма уловления неблагонадёжных, она учитывает рабочее движение, это организация рабочего класса. «Зубатовщина» — это истинно русское изобретение. И оно применяется и теперь. Дума — это полицейская игра, но в ней нет и тени конституции. Вообще здесь слово «зубатовщина» употреблено как сравнение, и потому оно не полно как

определение. Наконец, мы же говорим, что это «новая» форма всероссийской, государственной «зубатовщины». И наша тактика здесь та же, что и всегда по отношению к «зубатовщине». Мы ходили и на зубатовские собрания, но членами их никогда не были.

3

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПУНКТОВ 7 И 8 ПРОЕКТА РЕЗОЛЮЦИИ

1

Заявление т. Дана о фактической неверности для меня большая новость. До сих пор нигде не было официально заявлено о допустимости «участия в Думе». Ни Парвус, ни Плеханов даже этого до сих пор не говорили. Затем, не считаться с тем, что сознательная часть пролетариата смотрит на вопрос так, а не иначе, для нас было бы узко, и мы его учитываем, это факт не случайный. Я готов внести поправку: «подавляющее большинство» вместо: «все».

2

Официальное заявление т. Дана для меня особенно ценно, такое заявление я вообще слышу впервые. Остаётся только пожелать, чтобы оно появилось в печати, так как до сих пор в печати ничего подобного не было. Меньшевики всегда даже протестовали, если им приписывали такое мнение. Листок Объединённого ЦК утверждает, что обе части партии согласны с тем, что в Думу идти нельзя. Это документ, и в этом пункте нашей резолюции ничто ему не противоречит. Относительно Плеханова замечание Дана неверно. Он просто сказал: «я против бойкота», и на самом интересном месте поставил точку. Мы достаточно осведомлены, и ссылка на Полтаву не поколебала нашего мнения о взгляде большинства пролетариата на вопрос об участии в Думе. Солидарность должна быть подчёркнута.

3

Дан думает, что коли Дума соберётся, то это уже и будет 1849 год. Неправда. Дума — это соединённый ландтаг* 1847 года, и в соединённый ландтаг 1847 года мы не пойдём. Я считаю необходимым принять указания Луначарского к сведению. Считаю нужным ответить на три вопроса: 1) верен ли факт, что большинство право? — верен; нас никто не опроверг, всё, что говорилось — голословно и не может служить достаточным основанием для того, чтобы указание на факт было вычеркнуто; 2) считаться ли с этим фактом? — считаться необходимо; 3) как относится к вопросу, затрагиваемому этим пунктом мотивировки, редакция Центрального Органа? — Я утверждаю, что она признавала участие в Думе невозможным. Я не думал, что это так заденет товарищей меньшевиков, до сих пор никто никогда и нигде не говорил ничего подобного тому, что сказал т. Дан. Тов. Дан колеблется, и я очень не рад этому.

*Соединённый ландтаг 1847 года — объединённое собрание сословных провинциальных ландтагов, созданное Фридрихом-Вильгельмом IV в апреле 1847 года в Берлине, чтобы избавиться от финансовых затруднений путем получения гарантии на иностранный заём. Соединённый ландтаг открылся 11 апреля 1847 года. Ввиду отказа короля удовлетворить самые скромные политические требования буржуазного большинства ландтага последний отказался гарантировать заём. Король в ответ на это в июне того же года распустил ландтаг; это усилило оппозиционные настроения в стране и способствовало ускорению революции в Германии. *Ред.*

4

Говорят, что всё последующее наполнено полемикой. Неправда, такие цели мы не стали бы преследовать. Почему нельзя идти в Думу? Потому что народ может подумать о том, что стоит выбирать независимо от того, что товарищи меньшевики думают о народе. Мы не ругаемся, мы разбираем довод. Мы считаем необходимым посылать только чучела.

4

**ВЫСТУПЛЕНИЕ В СВЯЗИ С ГОЛОСОВАНИЕМ
ПУНКТА 8 ПРОЕКТА РЕЗОЛЮЦИИ**

О принципиальном взгляде на это голосование я вношу резолюцию (Ленин читает резолюцию).

Конференция считает необходимым подробно мотивировать решение петербургской с.-д. организации о нецелесообразности участия в выборах, отнюдь не для полемики с товарищами бывшими меньшевиками и не набрасывания на них тени, как социал-демократов, а в целях точного и официального изложения мнения большинства организации о характере и значении полного бойкота.

5

**ПИСЬМЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ
В БЮРО КОНФЕРЕНЦИИ**

Фактическое заявление. Я заявляю, что утверждения т. Дана неверны и что он не опровергает ни одного из моих заявлений об отсутствии в печати утверждений, подобных заявлению тов. Дана

Впервые напечатано в 1931 г.

в журнале «Пролетарская Революция» № 1

Печатается по секретарским записям,

хранящимся в Центральном партийном архиве

Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Вычитал: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

КО ВСЕМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА И ОКРЕСТНОСТЕЙ

Товарищи рабочие! Организованные социал-демократические рабочие всей петербургской и окружной организации РСДРП вынесли своё окончательное и обязательное для комитета партии и всех местных организаций её решение по вопросу о выборах в Государственную думу. Несмотря на все полицейские препятствия и ловушки рабочие сумели устроить *120 кружковых собраний* с подробным обсуждением вопроса, при участии представителей обеих тактик, наметившихся в нашей партии. *Свыше 2 000 рабочих* и интеллигентов, принадлежащих к нашей партии, голосовали вопрос и большинством 1 168 голосов против 926 (при 2 094 голосовавших) высказались *за полный бойкот* не только Думы, но и *всяких выборов* в неё. Конференция представителей, выбранных по всем районам (от каждого 30 голосовавших членов партии по одному делегату), обсудила ещё раз вопрос и 36 головами против 29 (при 65 участниках с решающим голосом) вынесла окончательное решение за тактику *активного бойкота*.

Итак, петербургский социал-демократический пролетариат сказал своё слово. Теперь все силы партийной организации, все усилия передовых рабочих, сочувствующих социал-демократии и желающих считаться с её решением, должны быть направлены на то, чтобы ознакомить самые широкие слои рабочего класса и всего населения с решением социал-демократии, чтобы распространить в массах правильное понимание тех целей, которые ставит себе сознательный пролетариат, и тех средств, которые он выбирает для достижения своих целей.

Почему петербургские социал-демократы объявили полный бойкот Думы, полный отказ от участия во всяких выборах?

Потому, что Государственная дума есть фальшивая Дума. Это — подделка народного представительства. Это — не народная, а полицейская и помещичья Дума. Выборы назначены не поровну от всех, а подстроены так, чтобы помещики и крупные капиталисты имели полный перевес над рабочими и крестьянами. Из всего рабочего класса три четверти совсем лишены права выборов, а остальную четверть приглашают выбирать с просевкой депутатов через три сита, чтобы сначала выбирали уполномоченных, а уполномоченные выборщиков, а выборщики (числом всего 24) должны вместе с помещиками и капиталистами (числом более ста) выбирать членов Думы.

Ещё грубее издевается правительство над крестьянами. Депутатов от крестьян просеивают через четыре сита: сначала выбирают десятидворных по волостям (да и то крестьянская беднота, не имеющая домов и земли, исключена из этих выборов); потом десятидворные выбирают уполномоченных; уполномоченные выбирают выборщиков; выборщики выбирают членов Думы и притом так, что из всего числа выборщиков по губерниям крестьяне большей частью остаются в меньшинстве.

Для чего устроена эта просевка через три и четыре сита? Для того, чтобы рабочие и крестьяне не могли провести в Думу своих настоящих выборных. Для того, чтобы не могли попасть в Думу люди, стоящие за рабочих и крестьян. Для того, чтобы народными представителями могла назвать себя кучка черносотенных помещиков и капиталистов, грабящих при помощи полиции весь рабочий народ.

Рабочие и крестьяне! Не верьте полицейской и помещичьей Думе. Не народных представителей созывают туда, а врагов народа для лучшего сговора против рабочих и против крестьян. Посмотрите вокруг себя: разве могут рабочие и крестьяне свободно выбирать своих настоящих представителей, депутатов в Думу? Разве не хватает полицейское правительство без суда и следствия лучших рабочих и лучших крестьян? Расстрелы и экзекуции крестьян, боровшихся за народное дело, идут по всей России. Вся Россия отдана на поток и разграбление шайке прогоревших дворянчиков в военных мундирах. Все обещания свободы, которые мы слышали от правительства, растоптаны ногами насильников. Все тюрьмы переполнены борцами за свободу народа.

Правительство хочет обмануть народ, создав фальшивую Думу. Правительство хочет при помощи помещичьей Думы занять ещё денег на угнетение народа, на войну против собственного народа, против крестьян и рабочих. Правительство хочет заманить нас в полицейскую ловушку, чтобы мы согласились участвовать в этом обмане, который называется выборами в Думу.

Сознательные рабочие не идут в эту полицейскую ловушку. Без всяких выборов мы прямо должны заявить правительству и всему народу, что мы не участвуем в комедии. Мы не допустим обмана. Мы разоблачим перед всеми полицейскую ложь. Мы предостерегаем тех рабочих и тех крестьян, которые не разгадали ещё обмана и ждут добра народу от Думы: если они попробуют всё-таки участвовать в выборах, они увидят, что не рабочие и крестьянские депутаты, а капиталисты и помещики, угодные полиции, попадают в Думу. Мы зовём всех рабочих и всех крестьян, всех честных людей на борьбу против полицейского обмана.

Мы боремся по-прежнему за настоящее собрание настоящих народных представителей. Такое собрание должно быть выбрано свободно, всеми поровну, без всякой привилегии помещикам и богатым людям, без всякой помехи со стороны начальства и полиции. Только свободно избранное всенародное учредительное собрание может быть настоящей, а не фальшивой Думой. Только такое собрание может завести лучшие порядки на Руси, дать облегчение жизни рабочим, дать землю крестьянам, дать волю всему народу.

17 октября рабочие своей борьбой вырвали у правительства обещание свободы. Правительство нарушило все свои обещания. Рабочие будут бороться теперь ещё дружнее, ещё упорнее за свободу народа. Рабочие не падают духом от временных поражений. Рабочие знают, что борьба за свободу трудна и тяжела, но дело свободы есть дело всего народа. Дело свободы победит, борьба разгорится ещё шире. Рабочие оправятся от нанесённых им поражений. Они сплотятся дружнее и теснее против правительства. Они скопят новые силы. Они разъясят ещё более широким массам крестьян все обманы правительства и необходимость борьбы с ним. Рабочие поднимутся вместе с крестьянами и свергнут правительство полицейских насильников, которые надругаются над народом.

Долой фальшивую, полицейскую и помещичью, Думу!
Да здравствует свободно избранное всенародное учредительное собрание!

Написано в феврале, после 11 (24), 1906 г.

Напечатано в феврале 1906 г.

отдельной листовкой Объединённого ПК РСДРП

Печатается по рукописи, сверенной с текстом листовки

Вычитал: Черняховский Константин Юрьевич, преподаватель

Проверил: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП О ТАКТИКЕ БОЙКОТА

Принимая во внимание, что:

1) Государственная дума, созываемая на основании законов 6 августа — 11 декабря, является самой грубой подделкой народного представительства, ибо огромное большинство пролетариата и крестьянства фактически устранено от участия в Думе, благодаря не всеобщему избирательному праву и просеиванию выборщиков от рабочих и крестьян через три и четыре сита;

2) путём искусственного подбора состава выборщиков и создания ряда привилегий в пользу богатых помещиков и крупных капиталистов правительство старается обеспечить полное преобладание в Думе представителей не только эксплуататорских классов, а именно черносотенных элементов этих классов;

3) правительство самым бесстыдным образом подтасовывает даже такие узкие сословно-ограниченные выборы, не допуская никакой свободы агитации, вводя всюду военное положение и полный произвол полиции, преследуя вопреки всяким законам и без всякого суда не только представителей революционных и социалистических партий, но даже партии монархической либеральной буржуазии (конституционалистов-демократов и др.);

4) правительство отменяет теперь даже свой закон о единовременности выборов, чтобы искусственно назначить в разных местностях самые удобные для него моменты и прогнать самые выборы с такой быстротой, при которой невозможно бы было никакое общение выбранных с населением;

5) самодержавное правительство рассчитывает посредством созыва Думы повлиять на русское и, особенно, заграничное общественное мнение в целях отсрочки своей неминуемой гибели

и получения новых миллионных займов для подавления революции и дальнейшего угнетения народа;

6) закон 20 февраля, превращающий Государственный совет в верхнюю палату, ещё более ухудшает положение о Думе, стараясь окончательно свести её на роль бессильного совещательного придатка к самодержавной бюрократии;

7) участие в подобной Думе при таких политических условиях признаётся невозможным подавляющим большинством социал-демократических партий и организаций всех наций в стране;

8) участие социал-демократов в выборах в Государственную думу на той или иной стадии способно поддержать в народе неправильное представление насчёт возможности сколько-нибудь правильных выборов для партий, отстаивающих интересы широких масс народа;

9) участие в выборах способно перенести центр тяжести внимания пролетариата от идущих помимо Думы революционных движений рабочих, крестьян, солдат и т. д. на частичку псевдо-легальной, лжеконституционной выборной кампании и ещё более понизить пониженное временно настроение рабочего класса, создавая впечатление, будто революционный период борьбы закончен, вопрос о восстании снят с очереди, и партия становится на конституционный путь;

10) выборы в Государственную думу предполагают такие условия, которые требуют от партии сохранения легальности и спокойствия, и наше участие в этих выборах, таким образом, вредно отзовётся на насущной революционной задаче — усилении активных действий против правительства именно во время выборов и созыва Думы;

11) партия социал-демократов не может, в целях практического воспитания наименее развитых масс, идти с ними на выборы, ибо такие малоразвитые массы хотят идти до самой Думы и идти путём законным, а партия, не подчиняясь законам, вызвала бы лишь естественное недоверие таких масс и помешала бы им искренне и последовательно воспринять уроки думской кампании;

12) уполномоченные и выборщики от рабочих, ввиду искусственно подобранного полицейским путём состава их избирателей, ввиду краткосрочности и узкого характера их полномочий, ввиду указанной выше обстановки выборов, не могут ничего дать

для действительно революционной организации широких слоёв рабочего класса;

13) путём ухода с губернских избирательных собраний той части выборщиков, которую, в лучшем случае, могла бы увлечь за собою социал-демократия, сорвать Думы нельзя;

14) сознательные представители пролетариата наиболее угнетённых национальностей России (социал-демократия польская, еврейская, латышская, литовская) решительно отвергают всякое участие в комедиантских выборах и со всей энергией борются против их устроителей;

15) общественное мнение всех боевых элементов буржуазной демократии и крестьянства (Крестьянский союз, учительский союз, Союз союзов, партия социалистов-революционеров, польская партия социалистическая, польская прогрессивная партия и т. д.) отвергает и Думу и выборы в неё.

Принимая всё это во внимание, мы, собрание представителей петербургских рабочих, принадлежащих к РСДРП, признаём необходимым:

1) отказаться безусловно от всякого участия в Государственной думе;

2) отказаться безусловно от всяких выборов в Государственную думу на какой бы то ни было стадии;

3) развить возможно более широкую агитацию в народе, разъясняя подлинный характер Думы, рассеивая обман, в который вводят общественное мнение России и Европы, и показывая неизбежность разочарования той части крестьян, которая ждёт добра от Думы;

4) использовать всячески, легально и нелегально, всякие связанные с выборами собрания для изложения взглядов социал-демократов вообще, для критики Думы в частности, для призыва к борьбе за революционный созыв всенародного учредительного собрания в особенности;

5) противопоставляя борьбе посредством Думы революционные методы борьбы за свободу, обратить усиленное внимание при этой агитации на ознакомление рабочих и всего народа с опытом декабрьского восстания, знаменующего начало высшей стадии революционной борьбы за действительную народную свободу;

6) обратить усиленное внимание при этой агитации по поводу Думы на глубокий экономический и финансовый кризис, на крайнее усиление эксплуатации рабочих реакционными капиталистами, на обострение безработицы в городах и голода в деревне, на предстоящее весной крестьянское движение, на факты брожения в войсках, как на обстоятельства, делающие чрезвычайно вероятным в недалёком будущем новый народный взрыв, который сметёт Государственную думу либо до её созыва, либо после него, когда население окончательно разочаруется в ней;

7) использовать эту агитацию, между прочим, и для того, чтобы клеймить тех трусливых представителей либерально-монархической буржуазии (вроде к.-д.), которые развращают гражданское самосознание населения, проповедуя конституционные иллюзии в момент обострённой гражданской войны, рекомендуя Думу и участие в ней, отрицая применение насилия в защиту свободы и прав громадного большинства народа в такое время, когда лишь диким насилием держатся вооружённые шайки, называющие себя правительством.

Написано в конце февраля — начале марта 1906 г.

Напечатано в марте 1906 г.

отдельной листовкой Объединённого ПК РСДРП

Печатается по тексту листовки

Вычитал: Черняховский Константин Юрьевич, преподаватель

Проверил: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА

I

Каково положение демократической революции в России: разбита ли она или мы переживаем лишь временное затишье? Было ли декабрьское восстание кульминационным пунктом революции и мы катимся теперь неудержимо к «шиповско-конституционному» режиму? Или революционное движение в общем и целом идёт не на убыль, а продолжает подниматься, подготавливая новый взрыв, копя в затишье новые силы, обещая за первым неудачным восстанием второе, имеющее несравненно больше шансов на успех?

Таковы коренные вопросы, которые стоят теперь перед социал-демократами России. Оставаясь верными марксизму, мы не можем и не должны уклоняться посредством общих фраз от анализа объективных условий, учёт которых в последнем счёте решает окончательно эти вопросы. А от решения их зависит вся тактика социал-демократии, и наши споры, например, о бойкоте Думы (подходящие, впрочем, уже к концу, ибо большинство организаций РСДРП высказалось за бойкот), являются лишь маленькой-маленькой частичкой этих больших вопросов.

Мы сказали сейчас, что марксисту неприлично общими фразами отделяться от этих вопросов. Такими общими фразами являются хотя бы ссылки на то, что мы никогда не понимали революции в смысле одних «рогатин и вил», что мы были революционерами и тогда, когда не выдвигали непосредственного призыва к восстанию, что мы останемся революционерами и в парламентский период, когда он наступит, и т. п. Такие речи были бы жалкими увёртками, подменом конкретного исторического вопроса абстрактными соображениями, которые ровно ничего

не выясняют и служат лишь прикрытием бедности или политической растерянности. Чтобы подтвердить нашу мысль примером, сошлёмся на отношение Маркса к немецкой революции 1848 года. Такая ссылка тем более может быть полезна, что у нас наблюдается ряд признаков такого же и даже ещё более резкого разделения буржуазии на реакционную и революционную, — разделения, отсутствовавшего, напр., в великой французской революции. В сущности говоря, и поставленные нами выше коренные вопросы о положении русской революции можно формулировать, применительно к аналогии с Германией (разумеется, в том условном и ограниченном смысле, в каком только и допустима вообще историческая аналогия), такими словами: 1847 или 1849 год? Переживаем ли мы (как Германия в 1847 году, когда созывалась и была созвана немецкая госуд. дума, так назыв. соединённый ландтаг) концы высшего подъёма революции, или мы переживаем (как Германия в 1849 году) концы окончательного истощения революции и начало серых будней куцей конституции? Маркс именно в течение 1850 года ставил этот вопрос, разрешал его и разрешил, наконец, не увёрткой, а прямым ответом, выведенным из анализа объективных условий. В 1849 году революция была подавлена, ряд восстаний окончился неудачей, фактически завоёванная народом свобода была отобрана, реакция свирепствовала против «революционеров». Открытое политическое выступление «Союза коммунистов» (тогдашней социал-демократической организации, фактически руководимой Марксом) стало невозможным. «Повсюду выступала потребность, — говорит обращение ЦК Союза к членам его в июне 1850 г., — в сильной *тайной* (курсив везде наш) организации революционной партии по всей Германии». ЦК посылает из-за границы эмиссара в Германию, который сосредоточивает «все пригодные силы в руках Союза». Маркс пишет («Обращение» от марта 1850 г.) о вероятности нового подъёма, новой революции, советует рабочим самостоятельно организоваться, настаивает в особенности на необходимости вооружения всего пролетариата, на образовании пролетарской гвардии, на необходимости «расстраивать силой всякую попытку разоружения». Маркс требует образования «революционных рабочих правительств» и обсуждает поведение пролетариата «во время и после предстоящего восстания». Маркс

ставит в образец германской демократии якобинскую Францию 1793 года (см. «Кёльнский процесс коммунистов»).

Проходит полгода. Ожидаемый подъём не наступает. Усилия Союза не увенчиваются успехом. «Подъём революции, — писал Энгельс в 1885 г., — в течение 1850 года становился всё менее вероятным, даже невозможным». Промышленный кризис 1847 года миновал. Наступало процветание промышленности. И вот, учтя объективные условия, Маркс резко и определённо ставит вопрос. Осенью 1850 года он заявляет категорически, что теперь, при таком пышном развитии производительных сил буржуазного общества — *«о действительной революции не может быть и речи»*.

Как видит читатель, Маркс не увиливает от трудного вопроса. Он не играет со словом революция, не подменяет насущного политического вопроса пустыми абстракциями. Он не забывает, что революция вообще идёт во всяком случае вперёд, ибо идёт развитие буржуазного общества, а говорит прямо о невозможности демократической революции в непосредственном и узком значении слова. Маркс решает трудный вопрос, не ссылаясь на «настроение» упадка и усталости в тех или иных слоях пролетариата (как делают нередко впадающие в хвостизм социал-демократы). Нет, пока у него не было других данных, кроме факта пониженного настроения (в марте 1850 г.), он продолжал звать к вооружению и восстанию, готовить его, не понижая своим скептицизмом и растерянностью настроения рабочих. Лишь тогда, когда Маркс показал неизбежность «истощения» «действительной революции», — лишь тогда он переменял взгляд. И, переменяв взгляд, Маркс прямо и открыто потребовал коренной перемены тактики, полного прекращения подготовки восстания, ибо такая подготовка могла быть тогда лишь игрой. Лозунг восстания был прямо снят с очереди. Прямо и определённо признано было, что «форма движения изменилась».

Этот пример Маркса мы должны всегда иметь перед глазами в теперешний трудный момент. К вопросу о возможности «действительной революции» в ближайшем будущем, об основной «форме движения», о восстании и его подготовке мы должны отнестись с величайшей серьёзностью, но борющаяся политическая партия обязана решить этот вопрос прямо и определённо,

без увёрток, без отговорок, без всяких недомолвок. Партия, которая не сумела бы составить себе ясного ответа на такой вопрос, не заслуживала бы названия партии.

II

Итак, какие же объективные данные имеются у нас для решения этого вопроса? В пользу мнения о полном истощении непосредственно революционной «формы движения», о невозможности нового восстания, о вступлении России в эру убогого буржуазного квазиконституционализма говорит целый ряд лежащих, так сказать, на поверхности и бросающихся всем в глаза фактов. Поворот в буржуазии несомненен. Помещик отошёл от кадетов и ушёл в Союз 17-го октября. Правительство даровало уже двухпалатную «конституцию». При помощи военных положений, экзекуций и арестов создаётся возможность созыва поддельной Думы. Городское восстание подавлено, и весеннее движение крестьян может оказаться одиноким, бессильным. Распродажа помещичьих земель идёт, а следовательно, усиливается слой буржуазного, «спокойного» крестьянства. Понижение настроения после подавленного восстания есть налицо. Наконец, нельзя забывать и того, что предсказывать поражение революции вообще легче и дешевле, так сказать, чем предсказывать её подъём, ибо сейчас власть на стороне реакции, и «большей частью» до сих пор революции кончались... неоконченными.

Каковы данные в пользу обратного мнения? Предоставим по этому вопросу слово К. Каутскому, трезвость взглядов которого и умение самым спокойным, деловым и тщательным образом обсуждать злободневные и острые политические вопросы известны всем марксистам. Каутский высказал свой взгляд вскоре после подавления московского восстания в статье: «Шансы русской революции». Статья эта появилась в русском переводе, — конечно, не без цензурных искажений (вроде тех, от которых пострадал и русский перевод другой превосходной работы Каутского: «Аграрный вопрос в России»).

Каутский не увиливает от трудного вопроса. Он не пытается отделаться пустыми фразами о непобедимости революции вообще,

о всегдашней и постоянной революционности класса пролетариев и т. п. Нет, он в упор ставит конкретный исторический вопрос о шансах современной, теперешней демократической революции в России. Он начинает свою статью без обиняков с того, что из России с начала 1906 г. приходят почти только одни печальные вести, которые *«могли бы вызвать мнение, что революция эта окончательно подавлена и находится при последнем издыхании»*. Не только реакционеры ликуют по этому поводу, но и русские либералы, говорит Каутский, осыпая этих последних героев «купоны» вполне заслуженными ими презрительными выражениями (Каутский не уверовал ещё, как видно, в плехановскую теорию, будто русские социал-демократы должны «дорожить поддержкой непролетарских оппозиционных партий»).

И вот Каутский подробно разбирает это естественно напрашивающееся мнение. Внешнее сходство декабрьского поражения рабочих в Москве с июньским (1848 г.) поражением рабочих в Париже несомненно. И там и здесь вооружённое восстание рабочих было «провоцировано» правительством в такой момент, когда рабочий класс был ещё недостаточно организован. И там и здесь, несмотря на геройское сопротивление рабочих, реакция победила. Что же выводит отсюда Каутский? Не заключает ли он, по образцу педантских назиданий Плеханова, что не нужно было и браться за оружие? Нет, Каутский не спешит перейти к близорукому и дешёвенькому морализированию задним числом. Он *исследует* объективные данные, способные решить вопрос, является ли русская революция окончательно подавленной.

Четыре коренных различия усматривает Каутский между парижским (1848 г.) и московским (1905 г.) поражением пролетариата. Во-первых, поражение Парижа было поражением всей Франции. Ничего подобного нельзя сказать про Москву. Рабочие Петербурга, Киева, Одессы, Варшавы, Лодзи не разбиты. Они истощены страшно тяжёлой, целый год уже тянувшейся, борьбой, но их мужество не сломлено. Они собираются с силами, чтобы снова начать борьбу за свободу.

Во-вторых, ещё более существенное различие состоит в том, что крестьяне в 1848 г. во Франции были на стороне реакции, а в 1905 г. в России стоят на стороне революции. Идут крестьянские восстания. Целые армии заняты их подавлением. Эти армии

опустошают страну, как только Германия была опустошена в 30-летнюю войну. Военные экзекуции на время запугивают крестьян, но они только усиливают их нищету, усиливают безвыходность их положения. Они неизбежно будут порождать, подобно опустошениям 30-летней войны, новые и новые массы людей, которые вынуждены будут объявить войну существующему порядку, которые не дадут водворить спокойствие в стране и будут примыкать ко всякому восстанию.

Третье, чрезвычайно важное, различие есть следующее. Революция 1848 г. была подготовлена кризисом и голодовкой 1847 г. Реакция опиралась на окончание кризиса и процветание промышленности. «Теперешний режим террора в России неизбежно должен вести, наоборот, к обострению того экономического кризиса, который годами тяготеет на всей стране». Голод 1905 года скажется ещё в ближайшие месяцы во всех своих последствиях. Подавление революции есть величайшая гражданская война, война против целого народа. Эта война стоит не меньше внешней войны, причём разоряет она не чужую, а собственную страну. Надвигается финансовый крах. А кроме того новые торговые договоры грозят особенным потрясением для России и могут вызвать даже всемирный экономический кризис. Таким образом, чем дольше продержится реакционный террор, тем отчаяннее будет экономическое положение страны, тем более сильным будет возмущение против ненавистного режима. «Такая ситуация, — говорит Каутский, — делает непреодолимым всякое сильное движение против царизма. И в таком движении не будет недостатка. Об этом позаботится российский пролетариат, который дал уже столько великих доказательств своего геройства и своей самоотверженности».

Четвёртое различие, указываемое Каутским, представляет для русских марксистов особый интерес. У нас очень распространено теперь, к сожалению, какое-то беззубое, чисто кадетское в сущности, хихиканье по поводу «браунингов» и «боевых дружин». Сказать, что восстание невозможно и нечего больше его готовить, ни у кого не хватает мужества и прямоты, образец которых дал Маркс. Но похихикать насчёт военных действий революционеров мы очень любим. Мы называем себя марксистами, но от анализа *военной* стороны восстания (которой всегда придавали

серьёзное значение Маркс и Энгельс) мы предпочитаем увёртываться, заявляя с неподражаемо-величественным доктринёрством: «не нужно было браться за оружие...». Каутский поступает иначе. Как ни мало ещё у него было данных о восстании, всё же он старается вдуматься и в военную сторону вопроса. Он старается оценить движение, как новую, выработанную массами, форму борьбы, а не так, как оценивают сражения наши революционные Куропаткины: дескать, коли дают, так бери; коли бьют, так беги; коли побили, значит нечего было и браться за оружие!

«И парижская июньская битва, — говорит Каутский, — и московская декабрьская были баррикадными сражениями. Но первая была катастрофой, была концом старой баррикадной тактики. Вторая была началом новой баррикадной тактики. И постольку мы должны пересмотреть тот взгляд, который изложил Энгельс в своём предисловии к «Классовой борьбе» Маркса, именно взгляд, будто эпоха баррикадных сражений окончательно миновала. Миновала на самом деле только эпоха старой баррикадной тактики. Вот что доказало московское сражение, когда кучке повстанцев удалось в течение 2-х недель держаться против превосходных боевых сил, снабжённых всеми орудиями современной артиллерии».

Так говорит Каутский. Он не поёт отходной восстанию на основании неудачи первой попытки. Он не брюзжит по поводу неудачи, а *исследует* зарождение и рост новой, высшей формы борьбы, разбирает значение дезорганизации и недовольства в войске, помощи рабочим со стороны городского населения, сочетания массовой стачки с восстанием. Он исследует, как пролетариат *учится* восстанию. Он пересматривает устаревшие военные теории, приглашая тем самым к переработке и восприятию всей партией опыта Москвы. Он смотрит на всё движение, как на переход от стачки к восстанию, стараясь понять, каким образом надо рабочим сочетать то и другое для достижения успеха.

Каутский кончает свою статью словами: «Таковы уроки Москвы. Поскольку окажут они влияние на формы будущей борьбы, этого в настоящее время отсюда (т. е. из Германии) предвидеть невозможно. В самом деле, до сих пор мы видели во всех прежних проявлениях русской революции стихийные взрывы

неорганизованных масс, ни одно из этих проявлений не было наперёд намечено по плану и подготовлено. Вероятно, в течение известного времени, так будет и впредь.

Но если в настоящее время нельзя ещё определённо предсказать грядущих форм борьбы, то все признаки свидетельствуют о том, что мы необходимо должны ждать дальнейших битв, что теперешнее мрачное (унхеймлихе) спокойствие есть лишь затишье перед бурей. Октябрьское движение показало массам в городах и деревнях, какую силу в состоянии они развернуть. Январская реакция столкнула их затем в пропасть, полную мучений. В этой пропасти всё возбуждает их, толкает к возмущению, и нет такой цены, которую бы они сочли слишком дорогой для избавления из этой пропасти. Скоро поднимутся массы опять, скоро выступят они ещё более могучими! Пусть контрреволюция празднует своё торжество над трупами героев борьбы за свободу: близится уже конец этого торжества, поднимается красная заря, грядёт *пролетарская революция*».

III

Очерченный нами вопрос есть коренной вопрос всей социал-демократической тактики. Предстоящий партийный съезд должен в первую голову вырешить этот вопрос самым ясным и недвусмысленным образом, и все члены партии, все сознательные рабочие должны немедленно напрячь все свои силы для того, чтобы собрать всесторонний материал для решения вопроса, обсудить его и послать на съезд делегатов, вполне подготовленных к их серьёзной и ответственной задаче.

Выборы на съезд должны происходить на основании полного выяснения тактических платформ. И, в сущности, тот или иной последовательный и цельный ответ на поставленный вопрос предрешает все частности социал-демократической тактической платформы.

Или — или.

Или мы признаём, что в настоящее время «о действительной революции не может быть и речи». Тогда мы должны прямо и самым решительным образом во всеуслышание заявить это,

чтобы не вводить в заблуждение ни самих себя, ни пролетариат, ни народ. Тогда мы должны безусловно отвергнуть, как *непосредственную* задачу пролетариата, доведение до конца демократической революции. Тогда мы обязаны совершенно снять с очереди вопрос о восстании, прекратить всякие работы по вооружению и организации боевых дружин, ибо играть в восстание недостойно рабочей партии. Тогда мы должны признать исчерпанными силы революционной демократии и поставить своей непосредственной задачей поддержку тех или иных слоёв либеральной демократии, как реальной оппозиционной силы при конституционном режиме. Тогда мы должны рассматривать Государственную думу как парламент, хотя бы и худой, участвовать не только в выборах, но и в самой Думе. Тогда мы должны на первый план выдвинуть легализацию партии, соответственное изменение партийной программы, приспособление к «законным» рамкам всей работы или, по крайней мере, отведение нелегальной работе минимального и подчинённого места. Тогда задачу организации профессиональных союзов мы можем признать такой же первостепенной партийной задачей, какой было в предыдущий исторический период вооружённое восстание. Тогда мы должны также снять с очереди и революционные лозунги крестьянского движения (вроде конфискации помещичьих земель), ибо такие лозунги суть практически лозунги восстания, а звать к восстанию, не готовясь к нему серьёзно военным образом, не веря в него, было бы недостойной игрой в восстание. Тогда мы должны выбросить за борт всякие разговоры не только о временном революционном правительстве, но и о так наз. «революционном самоуправлении», ибо опыт показал, что учреждения, правильно или неправильно обозначаемые этим термином, фактически превращаются силою вещей в органы восстания, в зародыши революционного правительства.

Или мы признаём, что в настоящее время о действительной революции может и должна быть речь. Мы признаём новые и высшие формы непосредственно-революционной борьбы неизбежными или, по крайней мере, наиболее вероятными. Тогда главной политической задачей пролетариата, нервом всей его работы, душой всей его организационной *классовой* деятельности должно быть *доведение до конца демократической революции*. Всякие отговорки от этой задачи были бы тогда лишь принижением

понятия классовой борьбы до брентановского толкования её, были бы превращением пролетариата в прихвостня либеральной монархической буржуазии. Тогда самой насущной и центральной политической задачей партии является подготовка сил и организация пролетариата к вооружённому восстанию, как высшей, достигнутой движением, формы борьбы. Тогда обязательно критически изучить в самых непосредственных практических целях весь опыт декабрьского восстания. Тогда надо удесятить усилия по организации боевых дружин и вооружению их. Тогда надо готовиться к восстанию и посредством партизанских боевых выступлений, ибо смешно было бы «готовить» посредством одних только записей и регистрации. Тогда надо считать гражданскую войну объявленной и продолжающейся, причём *вся* деятельность партии должна быть подчинена принципу: «когда война, так по-военному». Тогда воспитание кадров пролетариата для *наступательных* военных действий безусловно необходимо. Тогда бросание революционных лозунгов в крестьянскую массу логично и последовательно. Задача боевых соглашений с революционной и только революционной демократией выдвигается на первый план: основой деления буржуазной демократии берётся именно вопрос о восстании. Кто за восстание, с теми пролетариат «вместе бьёт», хотя и «врозь идёт»; кто против восстания, с теми мы боремся беспощадно, или отталкиваем от себя, как презренных лицемеров и иезуитов (кадеты). Во всей агитации мы выдвигаем тогда в первую голову критику и разоблачение конституционных иллюзий с точки зрения открытой гражданской войны, выдвигаем обстоятельства и условия, неуклонно подготавливающие стихийные революционные взрывы. Думу мы признаём тогда не парламентом, а полицейской канцелярией, и отвергаем какое бы то ни было участие в комедиантских выборах, как развращающее и дезорганизующее пролетариат. В основу организации партии рабочего класса мы ставим тогда (как Маркс ставил в 1849 году) «сильную тайную организацию», которая должна иметь особый аппарат «открытых выступлений», просовывать особые щупальцы во все легальные общества и учреждения, начиная с профессиональных рабочих союзов и кончая подзаконной печатью. Коротко говоря: либо мы должны признать демократическую революцию оконченной, снять с очереди вопрос о восстании

и стать на «конституционный» путь. Либо мы признаём демократическую революцию продолжающейся, ставим на первый план задачу завершения её, развиваем и применяем на деле лозунг восстания, провозглашаем гражданскую войну и клеймим беспощадно всякие конституционные иллюзии.

Нам вряд ли есть надобность заявлять читателям, что мы высказываемся решительно за *последнее* решение вопроса, стоящего перед нашей партией. Прилагаемая тактическая платформа должна резюмировать и систематически изложить наши взгляды, которые мы будем проводить на съезде и в течение всей работы по подготовке съезда. Платформа эта должна быть рассматриваемая не как нечто законченное, а как конспект выяснения тактических вопросов и первый набросок тех резолюций и постановлений, которые мы будем отстаивать на партийном съезде. Платформа эта обсуждалась на частных собраниях единомышленников из бывших «большевиков» (в том числе редакторы и сотрудники «Пролетария») и является плодом коллективной работы.

«Партийные Известия» № 2, 20 марта 1906 г.

Подпись: Большевик

Печатается по тексту газеты «Партийные Известия»

Вычитал: Черняховский Константин Юрьевич, преподаватель

Проверил: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

ТАКТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА К ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМУ СЪЕЗДУ РСДРП

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИЙ К ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМУ СЪЕЗДУ РСДРП

Предлагаемые читателю одиннадцать резолюций составлены группой единомышленников из бывших редакторов и сотрудников «Пролетария» и нескольких практиков. Это — не законченный проект, а набросок, который должен дать по возможности цельное представление о всей совокупности тактических взглядов известной части партии и облегчить систематическую дискуссию, открываемую теперь во всех кружках и организациях нашей партии по приглашению Объединённого Центрального Комитета.

Тактические резолюции приноровлены к предложенному в известном листке ОЦК порядку дня съезда. Однако ограничиваться этим порядком дня члены партии отнюдь не обязаны. В интересах полного изложения всех тактических взглядов мы сочли безусловно необходимым добавить два вопроса, не вошедших в порядок дня ОЦК, именно «Современный момент демократической революции» и «Классовые задачи пролетариата в современный момент демократической революции». Без уяснения этих вопросов нельзя обсуждать более частные вопросы тактики. Мы предлагаем поэтому съезду поставить в свой порядок дня общий вопрос: «Современный момент демократической революции и классовые задачи пролетариата».

Что касается до аграрной программы и отношения к крестьянскому движению, то по этому вопросу необходима особая брошюра. Кроме того ОЦК назначил особую комиссию, готовящую доклад съезду по этому вопросу.

Опубликовывая свои наброски резолюций, мы приглашаем всех членов партии принять участие в обсуждении, исправлении и дополнении их. Письменные доклады и проекты можно направлять

через организации нашей партии в Санкт-Петербургский комитет РСДРП для передачи в группу, выработавшую проекты резолюций.

СОВРЕМЕННЫЙ МОМЕНТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Принимая во внимание:

1) что при массовом уничтожении производительных сил и небывалом разорении народа экономический и финансовый кризис, переживаемый Россией, не только не ослабевает, а, напротив, расширяется и обостряется, порождая страшную безработицу в городах и голод в деревнях;

2) что хотя в среде крупнокапиталистического и помещичьего класса, напуганного революционной самостоятельностью народа, угрожающего его привилегиям и хищническим интересам, происходит резкий поворот от оппозиции к сделке с самодержавием в целях подавления революции, но зато требования действительного осуществления политической свободы и социально-экономических преобразований ширятся и крепнут в новых слоях мелкой буржуазии и крестьянства;

3) что теперешнее реакционное правительство, стремясь на деле к сохранению старого самодержавия, попирая все провозглашённые им свободы, давая лишь совещательный голос верхушкам имущих классов, грубо подделывая народное представительство, вводя режим военных репрессий, зверских экзекуций и массовых казней по всей стране, усиливая до небывалых размеров полицейский и административный произвол, тем самым вызывает брожение и недовольство широких слоёв буржуазии, озлобление и возмущение в массах пролетариата и крестьянства, и готовит почву для нового, более широкого и острого политического кризиса;

4) что ход событий конца 1905 года — массовые стачки в городах, возмущение в деревнях и декабрьское вооружённое восстание, вызванное стремлением отстоять добытые народом и отобранные правительством свободы, а затем беспощадное военное подавление освободительного движения — показали тщету конституционных иллюзий и открыли глаза широким массам народа

на вред таких иллюзий в эпоху, когда борьба за свободу достигла напряжённости открытой гражданской войны;

Мы признаём и предлагаем съезду принять:

1) что демократическая революция в России не только не идёт на убыль, а, напротив, идёт к новому подъёму, и теперешний период относительного затишья следует рассматривать не как поражение сил революции, а как период накопления революционной энергии, усвоения политического опыта пройденных стадий, вовлечения новых слоёв народа в движение и, следовательно, подготовки нового ещё более могучего революционного натиска;

2) что главной формой освободительного движения в настоящее время является не легальная борьба на квазиконституционной почве, а непосредственно-революционное движение широких народных масс, ломающих полицейско-крепостнические законы, творящих революционное право и разрушающих насильственным путём органы угнетения народа;

3) что интересы пролетариата, как передового класса современного общества, требуют беспощадной борьбы против тех конституционных иллюзий, которые распространяет либерально-монархическая буржуазия (партия конституционалистов-демократов в том числе), прикрывая этим свои узкоклассовые интересы, и которые в период гражданской войны оказывают самое развращающее влияние на политическое самосознание народа.

ВООРУЖЁННОЕ ВОССТАНИЕ

Принимая во внимание:

1) что вся история современной демократической революции в России показывает нам, в общем и целом, неуклонный подъём движения к всё более массовым, охватывающим всю страну решительным и наступательным формам борьбы против самодержавия;

2) что октябрьская политическая стачка, отбросив булыгинскую Думу, принудив самодержавное правительство к провозглашению начал политической свободы, показала гигантскую силу пролетариата и возможность единодушного всероссийского выступления его даже при всех недостатках классовых организаций;

3) что мирная всеобщая стачка оказалась при дальнейшем росте движения недостаточной, а частное применение её — не достигающим цели и расстраивающим силы пролетариата;

4) что всё революционное движение со стихийной силой привело затем к декабрьскому вооружённому восстанию, когда не только пролетариат, но и новые силы городской бедноты и крестьянства брались за оружие, чтобы отстоять завоёванные народом свободы от посягательства реакционного правительства;

5) что декабрьское восстание выдвинуло новую баррикадную тактику и доказало вообще возможность открытой вооружённой борьбы народа даже против современного войска;

6) что в народных массах, благодаря введению, несмотря на конституционные обещания, военно-полицейской диктатуры, зреет сознание необходимости бороться за реальную власть, овладеть которой революционный народ может лишь в открытой борьбе с силами самодержавия;

7) что самодержавие ослабляет и деморализует свои военные силы, употребляя их на покорение вооружённой рукой того населения, частью которого они являются, не выполняя назревших и требуемых всеми честными элементами армии реформ в военном деле, не принимая мер к облегчению отчаянного положения запасных и отвечая лишь усилением полицейско-казарменных строгостей на требование солдат и матросов;

Мы признаём и предлагаем съезду признать:

1) что вооружённое восстание является в настоящее время не только необходимым средством борьбы за свободу, но уже фактически достигнутой ступенью движения, которая, в силу нарастания и обострения нового политического кризиса, открывает переход от оборонительных к наступательным формам вооружённой борьбы;

2) что всеобщая политическая стачка должна быть рассматриваемая в данный момент движения не столько как самостоятельное средство борьбы, сколько как подсобное по отношению к восстанию; что, следовательно, выбор момента для такой стачки, выбор местности и областей труда, которые она должна охватить, желательно подчинить моменту и условиям главной формы борьбы, вооружённого восстания;

3) что в пропагандистской и агитационной работе партии должно быть обращено усиленное внимание на изучение практического опыта декабрьского восстания, на военную критику его и извлечение непосредственных уроков для будущего;

4) что следует развить ещё более энергичную деятельность по увеличению числа боевых дружин, улучшению организации их и снабжению их всякого рода оружием, причём, согласно указаниям опыта, следует организовать не только партийные боевые дружины, но также примыкающие к партии и совсем беспартийные;

5) что необходимо усилить работу в войсках, имея при этом в виду, что для успеха движения недостаточно одного брожения в войсках, а необходимо прямое соглашение с организованными, революционно-демократическими элементами войска, в целях самых решительных наступательных действий против правительства;

6) что ввиду нарастающего крестьянского движения, которое может в самом близком будущем вспыхнуть в целое восстание, желательно направить усилия на объединение действий рабочих и крестьян для организации по возможности совместных и единовременных боевых выступлений.

ПАРТИЗАНСКИЕ БОЕВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Принимая во внимание:

1) что со времени декабрьского восстания почти нигде в России не наступило полного прекращения военных действий, которые выражаются теперь со стороны революционного народа в отдельных партизанских нападениях на неприятеля;

2) что такие партизанские действия, неизбежные при наличии двух враждебных вооружённых сил и при разгуле временно восторжествовавшей военной репрессии, в то же время служат к дезорганизации неприятеля и готовят грядущие открытые и массовые вооружённые действия;

3) что подобные выступления являются также необходимыми для боевого воспитания и военного обучения наших боевых дружин, оказавшихся во время декабрьского восстания во многих местностях практически неподготовленными к новому для них делу;

Мы признаём и предлагаем съезду признать:

1) что партия должна признать партизанские боевые выступления дружин, входящих в неё или примыкающих к ней, принципиально допустимыми и целесообразными в настоящий период;

2) что партизанские боевые выступления должны быть сообразованы по своему характеру с задачей воспитывать кадры руководителей рабочих масс во время восстания и вырабатывать опыт наступательных и внезапных военных действий;

3) что главнейшей непосредственной задачей таких выступлений следует признать разрушение правительственного, полицейского и военного аппаратов и беспощадную борьбу с активно-черносотенными организациями, прибегающими к насилию над населением и к запугиванию его;

4) что допустимы также боевые выступления для захвата денежных средств, принадлежащих неприятелю, т. е. самодержавному правительству, и для обращения этих средств на нужды восстания, причём необходимо обратить серьёзное внимание на то, чтобы интересы населения были возможно менее нарушаемы;

5) что партизанские боевые выступления должны производиться под контролем партии и притом так, чтобы силы пролетариата не растрачивались понапрасну и чтобы при этом принимались во внимание условия рабочего движения данной местности и на-строение широких масс.

ВРЕМЕННОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ

Принимая во внимание:

1) что революционное движение против самодержавного правительства, переходя в вооружённую борьбу, принимало до сих пор форму разрозненных местных восстаний;

2) что в этой открытой борьбе элементы местного населения, способные решительно выступать против старой власти (почти исключительно пролетариат и передовые слои мелкой буржуазии), приведены были к необходимости создавать такие организации, которые фактически являлись зачатками новой

революционной власти, — Советы рабочих депутатов в Петербурге, Москве и других городах, Советы солдатских депутатов во Владивостоке, Красноярске и пр., железнодорожные комитеты в Сибири и на юге, крестьянские комитеты в Саратовской губ., городские революционные комитеты в Новороссийске и других городах и, наконец, выборные сельские органы на Кавказе и в Прибалтийском крае;

3) что в соответствии с первоначальной, зачаточной формой восстания эти органы его были столь же разрозненны, случайны, нерешительны в своих действиях и не опирались на организованную вооружённую силу революции, — а потому неизбежно были обречены на гибель при первых же наступательных действиях контрреволюционных армий;

4) что только временное революционное правительство, как орган победоносного восстания, в состоянии сломить всякое сопротивление реакции, обеспечить полную свободу предвыборной агитации, созвать на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования учредительное собрание, способное на деле осуществить самодержавие народа и провести в жизнь минимум социально-экономических требований пролетариата;

Мы признаём и предлагаем съезду признать:

1) что перед пролетариатом, в интересах доведения революции до конца, выдвигается теперь настоятельная задача способствовать, совместно с революционной демократией, объединению восстания и созданию объединяющего органа этого восстания в виде временного революционного правительства;

2) что одним из условий успешного выполнения задачи революционного правительства является создание органов местного революционного самоуправления во всех городах и общинах, примыкающих к восстанию, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования;

3) что участие уполномоченных нашей партии во временном революционном правительстве совместно с революционной буржуазной демократией допустимо в зависимости от соотношения сил и должно быть обусловлено формально контролем партии над её уполномоченными, а по существу дела отстаиванием самостоятельных интересов рабочего класса и неуклонным охранением независимости социал-демократии, стремящейся к полному

социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

4) что независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооружённого и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции.

СОВЕТЫ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Принимая во внимание:

1) что Советы рабочих депутатов стихийно возникают на почве массовых политических стачек, как беспартийные организации широких рабочих масс;

2) что эти Советы неизбежно изменяются в ходе борьбы, как по своему составу, включая в себя наиболее революционные элементы мелкой буржуазии, так и по содержанию своей деятельности, превращаясь из чисто стачечных организаций в органы общереволюционной борьбы;

3) что, поскольку эти Советы являются зачатками революционной власти, их сила и значение зависят всецело от силы и успеха восстания;

Мы признаём и предлагаем съезду признать:

1) что в беспартийных Советах рабочих депутатов Российская социал-демократическая рабочая партия должна участвовать, образуя непременно возможно более сильные группы членов партии внутри каждого Совета и направляя деятельность этих групп в строгой связи с общей деятельностью партии;

2) что создание таких организаций, в целях расширения и углубления влияния социал-демократии на пролетариат и пролетариата на ход и исход демократической революции, может быть, при известных условиях, задачей местных организаций нашей партии;

3) что к участию в беспартийных Советах рабочих депутатов должно привлекать возможно более широкие слои рабочих,

а также представителей революционной демократии, особенно из крестьян, солдат и матросов;

4) что при расширении деятельности и сферы влияния Советов рабочих депутатов необходимо указывать на то, что такие учреждения, не опираясь на революционную армию и не свергая правительственных властей (т. е. не превращаясь во временные революционные правительства), неизбежно осуждены на падение; поэтому вооружение народа и укрепление военной организации пролетариата должно быть рассматриваемо, как одна из главных задач таких учреждений во всякий революционный момент.

ОТНОШЕНИЕ К БУРЖУАЗНЫМ ПАРТИЯМ

Принимая во внимание:

1) что социал-демократия всегда признавала необходимость поддержки всякого оппозиционного и революционного движения, направленного против существующего в России общественного и политического порядка;

2) что в настоящее время, когда революция вызывает открытое выступление различных классов и на этой почве начинают складываться политические партии, настоятельной задачей социал-демократии является определить их классовое содержание, учесть взаимоотношение классов в данный момент и, в соответствии с этим, определить своё отношение к различным партиям;

3) что главной задачей рабочего класса в переживаемый момент демократической революции является доведение её до конца, и поэтому социал-демократия, определяя своё отношение к другим партиям, должна в особенности принимать во внимание, насколько та или иная партия способна активно содействовать этой цели;

4) что с этой точки зрения все существующие в России не социал-демократические партии (за вычетом реакционных) распадаются на две основные группы: партии либерально-монархические и партии революционно-демократические;

Мы признаём и предлагаем съезду признать:

1) что правое крыло либерально-монархических партий (союз 17-го октября, партия правового порядка, торгово-промышленная

партия и т. д.) представляет из себя классовые организации помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии, явно контрреволюционные, но ещё не заключившие окончательной сделки о дележе власти с самодержавной бюрократией; что партия пролетариата, используя в своих целях этот не закончившийся ещё конфликт, должна вместе с тем вести с такими партиями самую беспощадную борьбу;

Торгово-промышленная партия – контрреволюционная партия крупных капиталистов, создана после опубликования манифеста 17(30) октября 1905 года крупными капиталистами, партия требовала установления сильной правительственной власти и подавления революционного движения. В конце 1906 года торгово-промышленная партия распалась, большинство её членов вошло в «Союз 17 октября». *Ред.*

2) что либерально-монархические партии левого крыла (партия демократических реформ, конституционалисты-демократы и т. п.), не будучи определёнными классовыми организациями, постоянно колеблются между демократической мелкой буржуазией и контрреволюционными элементами крупной, между стремлением опереться на народ и боязнью его революционной самостоятельности, и не выходят в своих стремлениях за пределы упорядоченного буржуазного общества, защищённого монархией и двухпалатной системой от посягательства пролетариата; социал-демократия должна использовать, в интересах политического воспитания народа, деятельность этих партий, противопоставляя их лицемерно-демократической фразеологии последовательный демократизм пролетариата и беспощадно разоблачая распространяемые ими конституционные иллюзии;

Партия демократических реформ – партия либерально-монархической буржуазии; образовалась в начале 1906 года во время выборов в первую Государственную думу из тех элементов, для которых программа кадетов казалась слишком левой, перестала существовать к концу 1907 года. *Ред.*

3) что революционно-демократические партии и организации (партия социалистов-революционеров, Крестьянский союз, части полупрофессиональных союзов и полуполитических союзов и т. п.) наиболее близко выражают интересы и точку зрения широких масс крестьянства и мелкой буржуазии, решительно выступая против помещичьего землевладения и крепостнического государства, стремясь последовательно проводить демократизм и облекая свои,

в сущности буржуазно-демократические, задачи более или менее туманной социалистической идеологией; социал-демократия признаёт возможность и необходимость боевых соглашений с такими партиями, неуклонно разоблачая в то же время их псевдосоциалистический характер и борясь с их стремлением затушевать классовую противоположность между пролетарием и мелким хозяйчиком;

4) что ближайшей политической целью таких временных боевых соглашений между социал-демократией и революционной демократией является созыв революционным путём всенародного, обладающего полнотой власти, учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования;

5) что временные боевые соглашения возможны и целесообразны в данный момент лишь с элементами, признающими вооружённое восстание, как средство борьбы, и активно содействующими ему.

ОТНОШЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНЫМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ

Принимая во внимание:

1) что в ходе революции пролетариат всех национальностей России всё более и более спланивается общей борьбой;

2) что эта общая борьба ведёт к всё большему сближению различных национальных социал-демократических партий России;

3) что во многих городах образуются уже, вместо прежних федеративных, слитные комитеты всех национальных социал-демократических организаций данной местности;

4) что большинство национальных социал-демократических партий не настаивает уже в настоящее время на принципе федерации, справедливо отвергнутом II съездом Российской социал-демократической рабочей партии;

Мы признаём и предлагаем съезду признать:

1) что необходимо принять самые энергичные меры к скорейшему слиянию всех национальных социал-демократических партий России в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию;

2) что основой объединения должно быть полное слияние всех социал-демократических организаций каждой местности;

3) что партия должна фактически обеспечить удовлетворение всех партийных интересов и нужд социал-демократического пролетариата каждой данной национальности, считаясь и с его культурно-бытовыми особенностями; способами такого обеспечения могут быть: устройство особых конференций социал-демократов данной национальности, представительство национального меньшинства в местных, областных и центральных учреждениях партии, создание особых групп литературских, издательских, агитаторских и т. п.

Примечание. Представительство национального меньшинства в ЦК партии могло бы быть организовано, например, таким образом, что общепартийный съезд вводит в состав ЦК определённое количество членов из числа кандидатов, назначаемых областными съездами тех местностей России, где в настоящее время существуют обособленные социал-демократические организации.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Принимая во внимание:

1) что социал-демократия всегда признавала экономическую борьбу, как одну из составных частей классовой борьбы пролетариата;

2) что наиболее целесообразной организацией рабочего класса в целях экономической борьбы являются, как показывает опыт всех капиталистических стран, широкие профессиональные союзы;

3) что в настоящее время наблюдается широкое стремление рабочих масс в России сплачиваться в профессиональные союзы;

4) что экономическая борьба может привести к прочному улучшению положения рабочих масс и к укреплению их истинно классовой организации лишь при условии правильного сочетания её с политической борьбой пролетариата;

Мы признаём и предлагаем съезду признать:

1) что все организации партии должны способствовать образованию беспартийных профессиональных союзов и побуждать к вступлению в них всех представителей данной профессии, входящих в состав партии;

2) что партия должна всеми мерами стремиться к тому, чтобы воспитывать участвующих в профессиональных союзах рабочих в духе широкого понимания классовой борьбы и социалистических задач пролетариата, чтобы завоёвывать своей деятельностью фактически руководящую роль в таких союзах, и, наконец, чтобы эти союзы могли, при известных условиях, прямо примыкать к партии, отнюдь, однако, не исключая из своего состава непартийных членов.

ОТНОШЕНИЕ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Принимая во внимание:

1) что Государственная дума является грубой подделкой народного представительства, так как:

а) избирательное право не всеобщее, не равное, многостепенное, масса рабочих и крестьян фактически исключена из участия в Государственной думе, и соотношение числа выборщиков от разных групп населения приурочено к полицейским видам;

б) по объёму своих прав и по отношению к Государственному совету Дума является бессильным придатком самодержавной бюрократии;

в) обстановка выборов совершенно исключает возможность действительного выражения народом своей воли вследствие отсутствия свободы агитации, вследствие военной репрессии, массовых казней, арестов, полицейского и административного произвола;

г) единственной целью созыва такой Государственной думы является для правительства обман народа, укрепление самодержавия, облегчение для него новых финансовых мошенничеств и сделка с реакционными элементами эксплуататорских классов, которым обеспечивается преобладание в Государственной думе;

2) что участие в выборах в Государственную думу, не давая ничего для развития классового самосознания пролетариата, для укрепления и расширения его классовой организации и боевой готовности, способно скорее дезорганизовать и развратить пролетариат, так как:

а) участие социал-демократии в выборах неизбежно поддерживало бы в народе конституционные иллюзии, веру в то, что выборы могут дать сколько-нибудь правильное выражение воли народа и представление того, будто партия становится на лжеконституционный путь;

б) коллегии уполномоченных от рабочих и выборщиков, ввиду их малого числа и ввиду краткосрочности и специальности их функций, не могут ничего дать для действительно революционной организации пролетариата;

в) участие в выборах переносит центр тяжести внимания пролетариата с революционного движения, идущего помимо Думы, на правительственную комедию, переносит центр тяжести широкой агитации в массах на мелкие кружки выборщиков;

г) наше участие в выборах не может помочь социал-демократическому воспитанию наиболее темных слоёв массы, идущих в Думу, притом исключительно законным путём, на который не может стать теперь РСДРП;

д) уход части выборщиков с губернских избирательных собраний не мог бы ни сорвать Думы, ни вызвать широкого народного движения;

3) что участие в выборах при данном политическом положении заставит социал-демократов либо устраниваться, не принося никакой пользы движению, либо фактически опуститься до роли безгласных пособников к.-д.;

Мы признаём и предлагаем съезду признать:

1) что РСДРП должна решительно отказаться от участия в Государственной думе;

2) что РСДРП должна решительно отказаться от участия в выборах в Государственную думу, на какой бы то ни было стадии;

3) что РСДРП должна самым энергичным образом использовать все и всяческие, связанные с выборами, собрания для изложения взглядов с.-д. вообще, для беспощадной критики Государственной думы в частности, для призыва к борьбе за революционный созыв всенародного учредительного собрания в особенности;

4) что РСДРП должна использовать также агитацию по поводу Думы для ознакомления возможно более широких масс народа со всеми тактическими взглядами партии на весь переживаемый революционный момент и все вытекающие из него задачи.

ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ

Принимая во внимание:

1) что принцип демократического централизма в партии является в настоящее время общепризнанным;

2) что проведение его в жизнь при существующих политических условиях хотя и затруднено, но всё же является в известных пределах возможным;

3) что смешение конспиративного и открытого аппарата партийной организации оказалось крайне губительным для партии и играющим на руку правительственной провокации;

Мы признаём и предлагаем съезду признать:

1) что выборное начало в организациях партии должно быть проведено снизу доверху;

2) что отступления от этого принципа, например двухстепенные выборы или кооптация в выборные учреждения и т. п., допустимы лишь при непреодолимых полицейских препятствиях и в исключительных особо предусмотренных случаях;

3) что настоятельно необходимо сохранение и укрепление конспиративного ядра партийной организации;

4) что для открытого выступления всякого рода (в печати, собраниях, в союзах, особенно в профессиональных, и т. п.) должны быть устроены особые отделы организаций, которые ни в каком случае не могли бы вредить целостности конспиративных ячеек;

5) что центральное учреждение партии должно быть едино, т. е. общий съезд партии должен выбирать единый ЦК, который назначает редакцию ЦО партии и т. д.

Напечатано 20 марта 1906 г.

в газете «Партийные Известия» № 2

Печатается по тексту газеты

*Вычитал Хорошко Павел Алексеевич, диспетчер
Проверил: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь*

ПЕРЕСМОТР АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Необходимость пересмотра аграрной программы рабочей партии признана в настоящее время всеми. Последняя конференция «большинства» (декабрь 1905 г.) формально выдвинула этот назревший вопрос, который и поставлен уже в порядок дня объединительного съезда. Мы намерены дать сначала самый краткий очерк постановки аграрного вопроса в истории русской социал-демократии, затем обзор различных проектов программы, предлагаемых ныне социал-демократами, и, наконец, набросок защищаемого нами проекта.

I. БЕГЛЫЙ ОЧЕРК ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВЗГЛЯДОВ РУССКОЙ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИИ НА АГРАРНЫЙ ВОПРОС

Русская социал-демократия, с самого своего возникновения, признавала громадную важность аграрного и специального крестьянского вопроса в России, включая самостоятельный анализ этого вопроса во все свои программные построения.

Обратное мнение, нередко распространяемое народниками и социалистами-революционерами, основывается на круглом невежестве или намеренном извращении дела.

Уже в первом проекте программы русских социал-демократов, опубликованном группой «Освобождение труда» в 1884 году, стоит требование «радикального пересмотра аграрных отношений» и ликвидации всех крепостнических отношений в деревне (не имея под руками старой социал-демократической литературы, выходящей за границы, мы вынуждены цитировать на память, ругаясь за общий смысл, а не за самый текст цитат).

Затем, Плеханов и в журнале «Социал-Демократ» (конец 80-х годов), и в брошюрах: «Всероссийское разорение» и «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России» (1891–1892 гг.) неоднократно и в самых решительных выражениях подчёркивал громадную важность крестьянского вопроса в России, указывал даже на то, что возможен и «чёрный передел» при предстоящем демократическом перевороте и что социал-демократия отнюдь не страшится и не чурается этой перспективы. Не будучи вовсе социалистической мерой, «чёрный передел» дал бы громадный толчок развитию капитализма, росту внутреннего рынка, поднятию благосостояния крестьянства, разложению общины, развитию классовых противоречий в деревне, ликвидации всех следов старой, крепостнически-кабальной России.

Это указание Плеханова на «чёрный передел» имеет для нас особую историческую важность. Оно показывает наглядно, что социал-демократы сразу дали именно ту теоретическую постановку аграрного вопроса в России, на которой они неуклонно стоят и по сей час.

Три следующие положения всегда защищались русскими социал-демократами, с самого возникновения их партии вплоть до настоящего времени. *Первое.* Аграрный переворот неизбежно составит часть демократического переворота в России. Избавление деревни от крепостническо-кабальных отношений будет содержанием этого переворота. *Второе.* Предстоящий аграрный переворот по своему общественно-экономическому значению будет буржуазно-демократическим переворотом; он не ослабит, а усилит развитие капитализма и капиталистических классовых противоречий. *Третье.* Социал-демократия имеет все основания самым решительным образом поддерживать этот переворот, намечая при этом те или иные ближайшие задачи, но не связывая себе рук и не отказываясь нисколько от поддержки даже и «чёрного передела».

Кто не знает этих трёх положений, кто не вычитал их во *всей* социал-демократической литературе по аграрному вопросу в России, тот либо не знает дела, либо обходит существо дела (как постоянно поступают социалисты-революционеры).

Возвращаясь к истории развития взглядов социал-демократии на крестьянский вопрос, отметим ещё из литературы конца 90-х

годов «Задачи русских социал-демократов» (1897), где решительно опровергается мнение о «безучастном» отношении социал-демократов к крестьянству и повторяются общие взгляды социал-демократии, затем газету «Искра». В 3-м номере её, вышедшем **весной** (март и апрель) **1901** года, т. е. *за год* до первого крупного крестьянского восстания в России, была помещена редакционная статья «Рабочая партия и крестьянство», подчёркивавшая ещё раз важность крестьянского вопроса и выдвигавшая, между прочим, в числе других требований и требование возвращения отрезков.

Эта статья может быть рассматриваема, как первый набросок той аграрной программы РСДРП, которая от имени редакции «Искры» и «Зари» была опубликована летом 1902 года и на II съезде нашей партии (август 1903 г.) стала официальной программой партии.

В этой программе *вся* борьба с самодержавием рассматривается, как борьба буржуазного строя против крепостничества, и принципиальная точка зрения марксизма запечатлена самым отчётливым образом в основном положении аграрной части: «в целях устранения остатков крепостного порядка, которые тяжёлым гнётом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия требует...»

Критики социал-демократической программы почти все *обходят* молчанием это основное положение: они не замечают слона.

Отдельные пункты аграрной программы, принятой на II съезде, кроме бесспорных требований (отмена сословных податей, понижение аренды, свобода распоряжения землёй), содержали ещё требование возврата выкупных платежей и учреждения крестьянских комитетов для возвращения отрезков и устранения остатков крепостных отношений.

Последний пункт, об отрезках, вызывал всего больше критики в рядах социал-демократов. Этот пункт критиковала и социал-демократическая группа «Борьба», предлагавшая (если память мне не изменяет) экспроприацию всей помещичьей земли, критиковал и т. Икс (его критика вместе с моим ответом вышла особой брошюрой в Женеве в 1903 году летом, перед самым II съездом, делегаты которого имели её перед собой). Тов. Икс предлагал

вместо отрезков и возвращения выкупных платежей: 1) конфискацию церковных, монастырских и удельных земель с передачей их «во владение демократического государства», 2) «обложение прогрессивным налогом земельной ренты крупных землевладельцев, чтобы эта форма дохода перешла в руки демократического государства на нужды народа», и 3) «переход части частновладельческих земель (крупного землевладения), а если возможно, и всех земель, во владение самоуправляющихся крупных общественных организаций (земств)».

Я критиковал эту программу, называя её «ухудшенной и противоречивой формулировкой требования национализации земли», и подчёркивал, что крестьянские комитеты имеют значение как боевой лозунг, поднимающий угнетённое сословие; — что социал-демократия не должна связывать себе рук, зарекаясь хотя бы от «распродажи» конфискованных земель; — что возвращение отрезков отнюдь *не ограничивает стремлений* социал-демократии, а ограничивает лишь возможность выставления общих задач и сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией. Я подчёркивал, что «если требование всей земли будет требованием национализации или передачи земли современному хозяйственному крестьянству, то мы оценим это требование с точки зрения интересов пролетариата, *приняв во внимание все обстоятельства дела* (курсив наш); мы не можем наперёд сказать, например, выступит ли наше хозяйственное крестьянство, когда революция пробудит его к политической жизни, в качестве демократически-революционной партии или в качестве партии порядка». Ту же самую мысль, что отрезки не ограничивают ни размаха крестьянского движения, ни нашей поддержки ему, если оно пойдёт дальше, развивал я и в «Деревенской бедноте» (вышла в 1903 г., перед II съездом), где «отрезки» называются не «загородкой», а «дверью», и мысль о переходе *всей земли* к крестьянству отнюдь не отвергается, а даже приветствуется при известной политической обстановке.

Относительно чёрного передела я писал в августе 1902-го года («Заря» № 4), защищая проект аграрной программы: «В требовании чёрного передела реакционна утопия обобщить и увековечить мелкое крестьянское производство, но в нём есть (кроме утопии, будто «крестьянство» может быть носителем *социалистического*

переворота) и революционная сторона, именно: желание смести посредством крестьянского восстания все остатки крепостного строя».

Итак, справки с литературой 1902–1903 гг. доказывают неопровержимо, что требование отрезков никогда не понималось авторами этого пункта в смысле ограничения размаха крестьянского движения и нашей поддержки ему. Но тем не менее ход событий показывал, что этот пункт программы неудовлетворителен, ибо движение крестьянства растёт вширь и вглубь с громадной быстротой, и наша программа в широких массах порождает недоумения, а партия рабочего класса должна считаться с широкими массами и не может ссылаться на одни комментарии, разъясняющие необязательными для партии доводами общеобязательную программу.

Необходимость пересмотра аграрной программы назревала. В начале 1905 года в одном из номеров «большевистской» социал-демократической газеты «Вперёд» был изложен проект изменения аграрной программы с удалением пункта об отрезках и с заменой его «поддержкой крестьянских требований вплоть до конфискации всей помещичьей земли».

Смотри работу «Пролетариат и крестьянство» в 9 томе серии «Основное в Ленинизме». *Ред.*

Но на III съезде РСДРП (май 1905 г.) и на одновременной «конференции» «меньшинства» вопрос о пересмотре самой программы не был поставлен. Дело ограничилось выработкой *тактической* резолюции. Обе половины партии сошлись при этом на поддержке крестьянского движения *вплоть до конфискации всей помещичьей земли*.

Собственно говоря, эти резолюции предрешили вопрос о пересмотре аграрной программы РСДРП. На последней конференции «большинства» (декабрь 1905 года) было принято моё предложение выразить пожелание об удалении пунктов об отрезках и о возвращении выкупных платежей и о замене их указанием на поддержку крестьянского движения *вплоть до конфискации всей помещичьей земли*.

Этим мы и закончим беглый очерк исторического развития взглядов РСДРП на аграрный вопрос.

II. ЧЕТЫРЕ ТЕЧЕНИЯ ВНУТРИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ПО ВОПРОСУ ОБ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЕ

В настоящее время мы имеем по данному вопросу, кроме указанной резолюции «большевистской» конференции, два готовых проекта аграрной программы — тт. Маслова и Рожкова и незаконченные, т. е. не дающие готового проекта программы, замечания и соображения тт. Финна, Плеханова и Каутского.

Изложим вкратце взгляды этих писателей.

Т. Маслов предлагает несколько видоизменённый проект т. Икса. Именно, из проекта Икса он удаляет обложение прогрессивным налогом земельной ренты и исправляет требование передачи частновладельческих земель в руки земства. Исправление Маслова состоит, во-первых, в том, что он выкидывает слова Икса: «если возможно и все земли» (т. е. чтобы все земли перешли во владение земств); во-вторых, Маслов совершенно выкидывает имеющееся у Икса упоминание «земств», говоря вместо «крупных общественных организаций — земств» — «крупных областных организаций». Весь соответствующий пункт гласит у Маслова так:

«Передача частновладельческих земель (крупное землевладение) во владение самоуправляющихся крупных областных организаций. Минимальный размер подлежащих отчуждению земельных участков определяется областным народным представительством». Следовательно, Маслов решительно отказывается от условно допускаемой Иксом полной национализации и требует «муниципализации» или, точнее, «провинциализации». Против национализации Маслов выдвигает три довода: 1) национализация была бы посягательством на самоопределение национальностей; 2) на национализацию своих земель не согласятся крестьяне, особенно крестьяне-подворники; 3) национализация усилит бюрократию, неизбежную в классовом, буржуазно-демократическом государстве.

Раздел помещичьих земель («делёж») Маслов критикует лишь как псевдосоциалистическую утопию социалистов-революционеров, не оценивая этой меры по сравнению с «национализацией». Что касается до Рожкова, то он не хочет ни раздела,

ни национализации, требуя лишь замены пункта об отрезках пунктом такого рода: «Передача крестьянам без выкупа всех тех земель, которые служат орудием для их хозяйственного закабаления». Конфискации церковных и других земель т. Рожков требует без указания на «передачу их во владение демократического государства» (как этого хочет тов. Маслов).

Далее, т. Финн в своей неоконченной статье отвергает национализацию и склоняется, видимо, к разделу помещичьих земель в частную собственность крестьян.

Тов. Плеханов в № 5 «Дневника» тоже не касается ни единым словом вопроса об определённых изменениях в нашей аграрной программе. Критикуя Маслова, он защищает лишь «гибкую тактику» вообще, отвергает «национализацию» (ссылаясь на старые доводы «Зари») и склоняется, как будто, к разделу помещичьих земель между крестьянами.

Наконец, К. Каутский в своей превосходной работе «Аграрный вопрос в России» излагает общие основы социал-демократических взглядов на вопрос, выражая своё полное сочувствие разделу помещичьих земель, допуская, как будто, при известных условиях и национализацию, но вообще не касаясь совершенно ни единым словом ни старой аграрной программы РСДРП, ни проектов её изменения.

Сводя вместе наметившиеся в нашей партии мнения по вопросу об аграрной программе РСДРП, мы получаем следующие четыре основных типа этих мнений:

1) аграрная программа РСДРП не должна требовать ни национализации, ни конфискации помещичьих земель (сюда относятся защитники теперешней программы или небольших исправлений её, вроде предлагаемых тов. Н. Рожковым;

2) аграрная программа РСДРП должна требовать конфискации помещичьих земель, не требуя национализации земли ни в какой форме (сюда относятся, по-видимому, тов. Финн и, может быть, тов. Плеханов, хотя мнение его неясно);

3) отчуждение помещичьих земель наряду с своеобразной и ограниченной национализацией («земствозилизация» и «провинциализация» Икса, Маслова, Громана и других);

4) конфискация помещичьих земель и, *при определённых политических условиях*, национализация земли (программа,

предлагаемая большинством комиссии, назначенной Объединённым Центральным Комитетом нашей партии; эта программа, которую защищает пишущий эти строки, напечатана ниже, в конце брошюры).

Рассмотрим все эти мнения.

Сторонники теперешней программы или программы, вроде предлагаемой тов. Рожковым, исходят либо из того взгляда, что конфискация крупных имений, ведущая к разделу их на мелкие, вообще не может быть защищаема с социал-демократической точки зрения, либо из того взгляда, что в программе никак не может быть места конфискации, место же ей лишь в тактической резолюции.

Начнём с первого взгляда. Нам говорят, что крупные имения это — передовой капиталистический тип. Конфискация их, раздел их есть реакционная мера, шаг назад к мелкому хозяйству. Социал-демократы не могут быть за такую меру.

Такой взгляд нам кажется неправильным.

Мы должны учитывать общий и конечный результат современного крестьянского движения, а не топить его в отдельных случаях и частностях. В общем и целом современное помещичье хозяйство в России больше держится крепостнически-кабальной, чем капиталистической системой хозяйства. Кто отрицает это, тот не сможет объяснить теперешнего широкого и революционного крестьянского движения в России.

Наша ошибка при выставлении требования вернуть отрезки состояла в недостаточной оценке ширины и глубины демократического, именно буржуазно-демократического движения в крестьянстве. На этой ошибке неразумно настаивать теперь, когда нас многому научила революция. Для развития капитализма конфискация всей помещичьей земли даст несравненно больший плюс, чем тот минус, который получился бы от раздела крупного капиталистического хозяйства. Раздел не уничтожит капитализма и не оттянет его назад, а в громадной степени очистит, обобщит, расширит и укрепит почву для его (капитализма) нового развития. Мы всегда говорили, что ограничивать размах крестьянского движения отнюдь не дело социал-демократов, а в настоящее время отказ от требования конфискации всей помещичьей земли был бы явным ограничением размаха определившегося общественного движения.

Поэтому те товарищи, которые в настоящее время борются против требования конфискации всех помещичьих земель, так же ошибаются, как ошибаются английские углекопы, имеющие менее, чем 8-часовой рабочий день, и воюющие против законодательного введения 8-часового рабочего дня во всей стране.

Другие товарищи делают уступку «духу времени». В программе — отрезки или отчуждение земель, служащих для закабаления, — говорят они. В тактической резолюции — конфискация. Не надо, дескать, смешивать программу с тактикой.

Мы ответим на это, что попытка проведения абсолютной грани между программой и тактикой ведёт только к схоластике и педантизму. Программа определяет общие, основные отношения рабочего класса к другим классам. Тактика — частные и временные отношения. Это, конечно, справедливо. Но нельзя забывать, что вся наша борьба с остатками крепостничества в деревне есть частная и временная задача по сравнению с общесоциалистическими задачами пролетариата. Если «конституционный режим» в шиповском вкусе продержится в России 10–15 лет, то эти остатки исчезнут, причинив неисчислимые страдания населению, но всё же исчезнут, вымрут сами собой. Сколько-нибудь сильное демократическое крестьянское движение станет тогда невозможным; никакой аграрной программы «в целях устранения остатков крепостного порядка» нельзя будет защищать. Значит, различие между программой и тактикой лишь относительное. А невыгода для массовой партии, выступающей именно теперь более открыто, чем прежде, весьма велика, если в программе стоит частное, ограниченное и узкое, а в тактической резолюции — общее, широкое и всеобъемлющее требование. Аграрную программу нашей партии всё равно придётся довольно скоро опять пересматривать заново: и в том случае, если упрочится дубасовско-шиповская «конституция», и в том случае, если победит крестьянское и рабочее восстание. Значит, особенно уже гоняться за тем, чтобы строить дом на вечные времена, не доводится.

Переходим ко второму типу взглядов. Конфискация помещичьих земель, раздел их — да, но никак не национализация, говорят нам. Ссылаются на Каутского в защиту раздела, повторяют прежние доводы всех социал-демократов против национализации. Мы вполне и безусловно согласны с тем, что раздел помещичьих

земель был бы в настоящее время, в общем и целом, решительно прогрессивной мерой и в экономическом, и в политическом смысле. Мы согласны, далее, и с тем, что в буржуазном обществе класс мелких собственников, *при известных условиях*, является «более прочным оплотом демократии, чем класс арендаторов, зависящих от полицейски-классового, хотя бы и конституционного, государства» (Смотри работу «Ответ на критику нашего проекта программы» в 7 томе сборника «Основное в Ленинизме»).

Но мы думаем, что ограничиваться этими соображениями в настоящий момент демократической революции в России, ограничиваться отстаиванием старой позиции 1902 г. — значило бы безусловно не учитывать существенно изменившейся социально-классовой и политической конъюнктуры. «Заря» указывала в августе 1902 года, что у нас «Московские Ведомости» защищают национализацию, и проводила ту бесспорно правильную мысль, что требование национализации земли далеко не везде и вовсе не всегда революционно. Это последнее, конечно, справедливо, но в той же статье Плеханова указывается, что «*в революционную эпоху*» (курсив Плеханова) экспроприация крупных землевладельцев может явиться у нас необходимостью и что при известных обстоятельствах вопрос о ней необходимо будет поставить.

Несомненно, что теперь положение дел существенно изменилось сравнительно с 1902 годом. Революция поднялась высоко в 1905 г. и готовит теперь силы к новому подъёму. О защите национализации земли (в сколько-нибудь серьёзном смысле) «Московскими Ведомостями» не может быть и речи. Напротив, отстаивание неприкосновенности частной собственности на землю сделалось основным мотивом и речей Николая II и воплей Грингмута и К^о. Крестьянское восстание уже встряхнуло крепостническую Русь, и все надежды умирающего самодержавия покоятся теперь исключительно на сделке с помещичьим классом, досмерти напуганным крестьянским движением. Не только «Московские Ведомости», но и «Слово», орган шиповцев, травит Витте и «социалистический» проект Кутлера, предлагавший не национализацию, а лишь обязательный *выкуп* части земель. Бешеные расправы правительства с «Крестьянским союзом» и бешеные «драгонады» против волнующихся крестьян показывают яснее

ясного, что революционно-демократический характер крестьянского движения обрисовался уже вполне.

Это движение, как всякое глубокое народное движение, вызвало уже и продолжает вызывать громадный революционный энтузиазм и революционную энергию крестьянства. В своей борьбе против помещичьей собственности на землю, против помещичьего землевладения, крестьяне с необходимостью доходят и дошли уже, в лице передовых своих представителей, до требования отмены всей частной собственности на землю вообще.

Что идея общенародной собственности на землю чрезвычайно широко бродит теперь в крестьянстве, это не может подлежать ни малейшему сомнению. И несомненно также, что, несмотря на всю темноту крестьянства, несмотря на все реакционно-утопические элементы его пожеланий, эта идея, в общем и целом, носит революционно-демократический характер.

Социал-демократы должны очищать эту идею от реакционных и мешански-социалистических извращений её, — об этом нет спора. Но социал-демократы поступили бы глубоко ошибочно, если бы выкинули за борт всё это требование, не сумев выделить его революционно-демократической стороны. Мы должны со всей откровенностью и решительностью сказать крестьянину, что национализация земли есть мера буржуазная, что она полезна *лишь* при определённых политических условиях, но выступать с *голым* отрицанием этой меры вообще нам, социалистам, перед крестьянской массой было бы близорукой политикой. И не только близорукой политикой, но и теоретическим искажением марксизма, который установил с полнейшей определённойностью, что национализация земли возможна, мыслима и в буржуазном обществе, что она не задержит, а усилит развитие капитализма, что она есть *максимум* буржуазно-демократических реформ в области аграрных отношений.

А неужели может кто-либо отрицать, что *в настоящее время* мы должны выступить перед крестьянством именно с максимумом буржуазно-демократических преобразований? Неужели можно ещё до сих пор не видеть связи между радикализмом аграрных требований крестьянина (отмена частной собственности на землю) и радикализмом его политических требований (республика и т. д.)?

Нет, позиция социал-демократов в аграрном вопросе может быть в настоящее время, когда дело идёт о доведении демократического переворота до конца, лишь следующая: против помещичьей собственности за крестьянскую собственность при существовании частной собственности на землю вообще. Против частной собственности на землю за национализацию земли *при определённых политических условиях*.

Тут мы подходим к 3-му типу взглядов: к «земстволизации» или «провинциализации» Икса, Маслова и других. Против Маслова приходится здесь повторить отчасти то же, что говорил я в 1903 г. против Икса, именно: что он даёт «ухудшенную и противоречивую формулировку требования национализации земли». «Передача земли, — писал я там же, — (вообще говоря) желательна в руки демократического государства, а не *мелких* общественных организаций (вроде современного или будущего земства)».

Что предлагает Маслов? Он предлагает мешанину из национализации *плюс* земстволизация, *плюс* частная собственность на землю *без всякого указания* на различные политические условия, при которых пролетариату выгодна (сравнительно) та или иная система земельного устройства. В самом деле, в п. 3-м своего проекта Маслов требует «конфискации» церковных и других земель с «передачей их во владение демократического государства». Это чистая форма национализации. Спрашивается, почему не оговорены политические условия, обезвреживающие национализацию в буржуазном обществе? Почему *здесь* вместо национализации не предложена земстволизация? Почему выбрана такая формулировка, которая *исключает* распродажу конфискованных земель? На все эти вопросы у Маслова нет ответа.

Предлагая национализацию церковных, монастырских и удельных земель и в то же время споря против национализации вообще, Маслов побивает сам себя. Его доводы против национализации частью неполны и неточны, частью совсем слабы. Первый довод: национализация посягает на самоопределение национальностей. Нельзя из Питера распоряжаться территорией Закавказья. — Это не довод, а сплошное недоразумение. Во-первых, право национальностей на самоопределение признано нашей программой, и, следовательно, Закавказье «вправе» самоопределиться, отделившись от Питера. Не возражает же Маслов

против 4-хвостки на том основании, что «Закавказье» может не согласиться!

Четырёххвостка — сокращённое название демократической избирательной системы, включающей четыре требования: всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. *Ред.*

Во-вторых, и местное и областное *широкое* самоуправление признаны *вообще* нашей программой, и, следовательно, говорить о том, чтобы «петербургская бюрократия распоряжалась землёй горцев», прямо смешно! В-третьих, закон о «земстволизации» *закавказских* земель всё равно придётся издать *питерскому* учредительному собранию, потому что Маслов не хочет ведь предоставлять любой окраине свободу сохранять помещичье землевладение! Значит, весь довод Маслова падает.

Второй довод: «Национализация земли предполагает передачу *всех* земель в руки государства. Но разве крестьяне согласятся передать свои земли кому-либо добровольно, особенно крестьяне-подворники?».

Во-первых, Маслов играет словами или путает понятия. Национализация означает передачу права собственности на землю, — права получать ренту, а вовсе не самой земли. Национализация ничуть не означает недобровольной передачи всеми крестьянами земель кому бы то ни было. Поясним это Маслову примером. Социалистический переворот означает передачу не только собственности на землю, но и самой земли, как объекта хозяйства, в руки всего общества. Значит ли это, что социалисты хотят отнять у мелких крестьян их земли против их воли? Нет, ни один разумный социалист никогда не предлагал такой глупости.

Считает ли кто-либо необходимым оговаривать это особо в социалистической программе, где говорится о замене частной собственности на землю общественной? Нет, ни одна партия социал-демократов не делает такой оговорки. Тем менее есть у нас основания сочинять вымышленные ужасы на счёт национализации. Национализация есть передача ренты государству. Крестьяне в большинстве случаев никакой ренты с земли не получают. Значит, при национализации им платить ничего не придётся, а крестьянски-демократическое государство (молчаливо предполагаемое Масловым с его земстволизацией и не определяемое

им точно) введёт ещё прогрессивно-подоходный налог и убавит платежи мелких хозяев. Национализация облегчит мобилизацию земель, но никакого отобрания земли у мелких крестьян против их воли она ничуть не означает.

Во-вторых, если аргументировать против национализации с точки зрения «добровольного согласия» крестьян-подворников, то мы спросим Маслова: «согласятся ли добровольно» мужики-собственники на то, чтобы лучшие, именно помещичьи, церковные и удельные земли давало им *только в аренду* то «демократическое государство», в котором крестьяне будут силой? Ведь это что значит: плохие, надельные земли — на тебе в собственность, а хорошие, помещичьи — арендуй. Чёрный хлеб возьми даром, а за белый заплати денежки. Никогда на это крестьяне не согласятся. Одно из двух, тов. Маслов: либо экономические отношения вызывают необходимость в частной собственности и таковая выгодна, — тогда надо говорить о разделе помещичьих земель или о конфискации вообще. Либо возможна и выгодна национализация всей земли, — и тогда нет надобности делать непременно особое изъятие для крестьян. Соединение национализации с провинциализацией, а провинциализации с частной собственностью есть просто путаница. Можно ручаться за то, что *при самой полной победе демократической революции* такая мера никогда не могла бы быть осуществлена.

III. ГЛАВНАЯ ОШИБКА ТОВ. МАСЛОВА

Здесь необходимо остановиться ещё на одном соображении, вытекающем из предыдущего, но требующем более подробного рассмотрения. Мы сказали сейчас, что можно ручаться за неосуществимость масловской программы даже при самой полной победе демократической революции. Вообще говоря, «неосуществимость» известных требований программы в смысле не вероятности их выполнения при данном положении дел или в ближайшем будущем не может считаться аргументом против этих требований. К. Каутский чрезвычайно рельефно отметил это в своей статье против Розы Люксембург по вопросу о независимости Польши.

Выписка из этой статьи приведена в № 4 «Зари», в моей статье о проекте аграрной программы (Смотри статью «Аграрная программа русской социал-демократии» в 6 томе серии «Основное в Ленинизме». *Ред.*).

Р. Люксембург говорила о «неосуществимости» этой независимости, а К. Каутский возражал, что дело не в «осуществимости» в указанном смысле, а в соответствии известного требования общему направлению развития общества или общей экономической и политической ситуации во всем цивилизованном мире. Возьмите, например, требование германской социал-демократической программы о выборе всех чиновников народом, говорил Каутский. Конечно, это требование «неосуществимо» с точки зрения теперешнего положения дел в Германии. Но тем не менее это требование вполне правильное и необходимое, ибо оно является неразрывной составной частью последовательного демократического переворота, к которому идёт всё общественное развитие и которого добивается социал-демократия, как условия социализма и как необходимого составного элемента политической надстройки социализма.

Поэтому, говоря о неосуществимости масловской программы, мы и подчёркиваем слова: при самой полной победе демократической революции. Мы говорим совсем не о том, что масловская программа неосуществима с точки зрения теперешних политических отношений и условий. Нет. Мы утверждаем, что именно при полном и последовательном до конца демократическом перевороте, т. е. именно при таких политических условиях, которые будут наиболее далеки от настоящих и которые будут наиболее благоприятны коренным аграрным реформам, именно при таких условиях программа Маслова является неосуществимой не потому, чтобы она была слишком, так сказать, велика, а потому, что она слишком мала с точки зрения этих условий. Иными словами: если дело не дойдёт до полной победы демократической революции, то ни о каком разрушении помещичьего землевладения, ни о какой конфискации удельных и т. п. земель, ни о какой муниципализации и т. п. нельзя будет и говорить серьёзно. Наоборот, если дело дойдёт до полной победы демократической революции, то переворот *не может* ограничиться одной муниципализацией части земель. Переворот, сметающий всё помещичье землевладение (а именно такой переворот предполагается и Масловым

и всеми, стоящими за раздел или за конфискацию помещичьих имений), — такой переворот требует революционной энергии и революционного размаха, достигающего степени, невиданной ещё в истории. Предположить возможность такого переворота без конфискации помещичьего землевладения (Маслов говорит в своём проекте программы только об «отчуждении», а не о конфискации), без самого широкого распространения в «народе» идеи национализации всей земли, без создания политически наиболее передовых форм демократизма, значит предположить бессмыслицу. Все стороны общественной жизни тесно связаны между собой и всецело подчинены в последнем счёте отношениям производства. Коренная мера уничтожения помещичьего землевладения немыслима без коренного изменения государственных форм (а изменение это при данной экономической реформе возможно лишь в направлении демократизма), немыслима без того, чтобы «народная» и крестьянская мысль, требующая уничтожения крупнейшей разновидности частной поземельной собственности, не восставала против частной собственности на землю вообще. Другими словами: такой решительный переворот, как уничтожение помещичьего землевладения, сам по себе неминуемо даёт самый могучий толчок вперёд всему общественному, экономическому и политическому развитию. Социалист, выдвигающий вопрос о таком перевороте на очередь дня, необходимо должен обдумать и новые, вытекающие из него вопросы, должен рассмотреть этот переворот не только с точки зрения его прошлого, но и с точки зрения его будущего.

Вот именно с этой стороны и является особенно неудовлетворительным проект тов. Маслова. Этот проект неправильно формулирует, во-первых, те лозунги, которые теперь, сейчас и немедленно должны разжечь, усилить, распространить и «организовать» аграрную революцию: такими лозунгами могут быть только *конфискация* всех помещичьих земель и учреждение для этой цели непременно *крестьянских комитетов*, как единственно целесообразной формы органов местной, близкой народу и сильной революционной власти. Этот проект, во-вторых, неправилен тем, что не указывает точно тех политических условий, без которых «муниципализация» является мерой не только не обязательно полезной, но даже наверное вредной для пролетариата

и крестьянства, именно не даёт никакого точного и недвусмысленного определения понятия: «демократическое государство». Этот проект, в-третьих, — и это один из самых существенных и наиболее редко замечаемых недостатков его, — не рассматривает теперешнего аграрного переворота с точки зрения его будущего, не указывает задач, непосредственно вытекающих из этого переворота, страдает несоответствием между экономическими и политическими предпосылками, на которых этот проект построен.

В самом деле, всмотритесь внимательнее в самый сильный (третий) довод, которым можно защищать масловский проект. Этот довод гласит: национализация усилит власть буржуазного государства, тогда как муниципальные и вообще местные органы такого государства бывают более демократичны, не обременены расходами на армию, не выполняют непосредственно задач полицейского угнетения пролетариата и проч. и т. п. Легко видеть, что этот довод предполагает *не вполне демократическое* государство, именно такое, где как раз самый важный пункт, центральная власть, сохраняет наибольшую близость к старым военно-бюрократическим порядкам, где местные учреждения, будучи второстепенными и подчинёнными, лучше, демократичнее центральных учреждений, т. е. этот довод, предполагает *не доведённый до конца демократический переворот*. Этот довод *молчаливо* предполагает нечто среднее между Россией эпохи Александра III, когда земства были лучше центральных учреждений, и Францией эпохи «республики без республиканцев», когда *реакционная* буржуазия, напуганная усилением пролетариата, создала антидемократическую «монархическую республику», с центральными учреждениями, которые гораздо хуже местных, менее демократичны, более пропитаны духом военщины, бюрократизма, полицейщины. Проект Маслова, в сущности, молчаливо предполагает то, что требования нашей политической программы-минимум не осуществлены полностью, что самодержавие народа не обеспечено, постоянная армия не уничтожена, выборность чиновников не введена и т. д., — другими словами: что наша демократическая революция также не дошла до своего конца, как большая часть европейских демократических революций, так же урезана, извращена, «возвращена вспять», как все эти последние. Проект Маслова специально

приспособлен к половинчатому, непоследовательному, неполному или урезанному и «обезвреженному» реакцией демократическому перевороту.

Именно это обстоятельство и делает проект Маслова совершенно искусственным, механическим, неосуществимым в указанном выше значении этого слова, внутренне-противоречивым и шатким, наконец, односторонним (ибо переход от демократического переворота мыслится только к антидемократической буржуазной реакции, а не к обострённой борьбе пролетариата за социализм).

Совершенно непозволительно *молчаливо* предполагать, что не доведён до конца демократический переворот, что не осуществлены коренные требования нашей политической программы-минимум. Такую вещь обязательно не замалчивать, а указать со всей точностью. Если бы Маслов хотел быть верным себе, если бы он хотел устранить всякий элемент недоговорённости, внутренней фальши в своём проекте, тогда он должен бы был сказать: так как государство, которое выйдет у нас из теперешнего переворота, будет, «вероятно», очень мало демократическим, то лучше не усиливать его власти национализацией, а ограничиться земствотизацией, ибо земства будут, «*надо думать*», лучше и демократичнее, чем центральные государственные учреждения. Такова и только такова молчаливая предпосылка проекта Маслова. Поэтому, когда он употребляет в своём проекте выражение «демократическое государство» (п. 3-ий) и притом без всяких оговорок, то он говорит величайшую неправду, вводит себя самого и пролетариат и весь народ в заблуждение, ибо на самом деле он «пригоняет» свой проект именно к *не*демократическому государству, к реакционному государству, которое возникло из не доведённого до конца или «отобранного» реакцией демократизма.

Раз это так, — а это несомненно так, — то ясна становится вся искусственность и «сочинённость» проекта Маслова. В самом деле, если предположить государство с центральной властью, более реакционною, чем местные власти, государство вроде третьей французской республики без республиканцев, то прямо смешным становится допущение мысли о возможности уничтожить помещичье землевладение при таком государстве или хотя бы удержать при нём осуществлённое революционным натиском

уничтожение помещичьего землевладения. Всякое *такое* государство в части света, которая называется Европою, в столетие, которое именуется XX, неминуемо должно было бы, в силу объективной логики классовой борьбы, *начать с охраны* помещичьего землевладения или с *восстановления* его, ежели оно частью уже разрушено. Ведь весь смысл, объективный смысл, всякого такого полудемократического, а на деле реакционного, государства состоит в том, чтобы отстоять *коренные* устои буржуазно-помещичьей и чиновничьей власти, пожертвовав лишь наименее существенными прерогативами. Ведь сосуществование в таких государствах реакционной центральной власти и сравнительно «демократических» местных учреждений, земств, муниципальных правлений и т. п. объясняется единственно, исключительно тем, что эти местные учреждения занимаются *безвредным для буржуазного государства* «лужением умывальников», водоснабжением, электрическими трамваями и т. п. мероприятиями, не способными подорвать *основ* того, что называется «существующим общественным порядком». Было бы ребяческой наивностью распространять наблюдения, произведённые над деятельностью земств по водоснабжению и освещению, на возможную «деятельность» их по уничтожению помещичьего землевладения. Это было бы всё равно, как если бы выбранная сплошь из социал-демократов городская дума какого-нибудь французского пошехонья вознамерилась «муниципализировать» по всей Франции частную собственность на застроенную частными зданиями землю.

Пошехонье – синоним глухого провинциального захолустья с дикими патриархальными нравами и обычаями, вошло в диалект благодаря произведению М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина». *Ред.*

В том-то и дело, что мера, уничтожающая помещичье землевладение, отличается немножечко по характеру своему от мер по улучшению водоснабжения, освещения, ассенизации и т. п. В том-то и дело, что первая *«мера»* «затрагивает» самым дерзким образом коренные основы *всего* «существующего общественного порядка», колеблет и подрывает эти основы с гигантской силой, облегчает натиск пролетариату на весь буржуазный строй в невиданных в истории размерах. Да, тут всякое буржуазное государство прежде всего и больше всего должно будет позаботиться о сохранении основ буржуазного господства: все права и привилегии

по части автономного лужения умывальников будут в один миг уничтожены, вся муниципализация полетит сразу к чёрту, всякая тень демократизма в местных учреждениях будет вытравлена «карательными экспедициями», раз затронуты будут коренные интересы буржуазно-помещичьего государства. Предполагать с невинным видом муниципально-демократическую автономию при реакционной центральной власти и распространять эту «автономию» на уничтожение помещичьего землевладения — значит давать неподражаемые образчики наглядных несообразностей или бесконечной политической наивности.

IV. ЗАДАЧИ НАШЕЙ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ

Вопрос об аграрной программе РСДРП значительно выяснился бы, если бы мы попробовали изложить эту программу в виде простых и ясных советов, которые должна дать социал-демократия пролетариату и крестьянству в эпоху демократической революции.

Первый совет неизбежно будет такой: направить все усилия к полной победе крестьянского восстания. Без такой победы ни об «отобрании земли» у помещиков, ни о создании действительно демократического государства нельзя даже и говорить серьёзно. А лозунг, зовущий крестьян к восстанию, может быть лишь один: конфискация всех помещичьих земель (отноуд не отчуждение вообще или экспроприация вообще, оставляющие в тени вопрос о выкупе) и непременно конфискация крестьянскими комитетами впредь до учредительного собрания.

Всякий другой совет (в том числе и лозунг «отчуждения», выдвигаемый Масловым, и вся его муниципализация) есть призыв к решению вопроса не восстанием, а сделкой с помещиками, сделкой с реакционной центральной властью, есть призыв к решению вопроса не путём революционным, а путём бюрократическим, ибо самые демократические областные и земские организации не могут не быть бюрократическими по сравнению с революционными крестьянскими комитетами, которые тут же, на месте, сейчас должны расправиться с помещиками и захватить права, подлежащие санкции всенародного учредительного собрания.

Второй совет неизбежно будет такой: без полностью проведённой демократизации политического строя, без республики и обеспечения на деле самодержавия народа нечего и думать ни об удержании завоеваний крестьянского восстания, ни о том, чтобы делать хоть какой-нибудь шаг дальше. Этот наш совет рабочим и крестьянам мы должны особенно отчётливо и точно формулировать, чтобы невозможны были никакие сомнения, никакие двусмысленности, никакие кривотолкования, никакие молчаливые допущения такой бессмыслицы, как возможность уничтожить помещичье землевладение при реакционной центральной власти. И потому, выдвигая усиленно вперёд наши политические советы, мы должны сказать крестьянину: взявши землю, ты должен идти вперёд, иначе ты неминуемо будешь разбит и отброшен назад помещиками и крупной буржуазией. Нельзя взять землю и удержать её за собой без новых политических завоеваний, без нанесения нового и ещё более решительного удара всей частной собственности на землю вообще. В политике, как и во всей общественной жизни, не идти вперёд — значит быть отброшенным назад. Либо буржуазия, окрепнув после демократического переворота (который естественно укрепляет буржуазию), отнимет все завоевания и рабочих и крестьянской массы, — либо пролетариат и крестьянская масса пробьют себе путь вперёд. А это значит — республика и полное самодержавие народа. Это значит: при условии завоевания республики национализация всей земли, как возможный максимум буржуазно-демократического переворота, как естественный и необходимый шаг вперёд от победы буржуазного демократизма к началу настоящей борьбы за социализм.

Третий и последний совет: организуйтесь особо, пролетарии и полупролетарии города и деревни. Не доверяйте никаким хозяйчикам, хотя бы и мелким, хотя бы и «трудовым». Не обольщайтесь мелким хозяйством при сохранении товарного производства. Чем ближе подходит дело к победе крестьянского восстания, тем ближе поворот крестьян-хозяев против пролетариата, тем нужнее самостоятельная пролетарская организация, тем энергичнее, настойчивее, решительнее и громче должны мы звать к полному социалистическому перевороту. Мы поддерживаем крестьянское движение до конца, но мы должны помнить, что это движение другого класса, *не того*, который может совершить и совершит

социалистический переворот. Поэтому мы оставляем в стороне вопрос, что делать с землёй в смысле её распределения, как объекта хозяйства, — этот вопрос могут решать в буржуазном обществе и будут решать только хозяева и хозяйчики. Нас же интересует всецело (а после победы крестьянского восстания почти исключительно) вопрос: что делать сельскому пролетариату? Мы занимаемся и займёмся, главным образом, этим вопросом, предоставив идеологам мелкого буржуа сочинять уравнильность землепользования и всё тому подобное. Мы ответим на этот вопрос, коренной вопрос новой, буржуазно-демократической России: пролетариат сельский должен самостоятельно организовать вместе с городским для борьбы за полный социалистический переворот.

Следовательно, наша аграрная программа должна состоять из трёх основных частей: во-первых, из формулировки самого решительного призыва к революционному крестьянскому натиску на помещичье землевладение; во-вторых, из точного указания дальнейшего шага, который может и должно сделать движение для закрепления крестьянских завоеваний и для перехода от победы демократии к пролетарской непосредственной борьбе за социализм; в-третьих, из указания классовых пролетарских задач партии, которые тем настоятельнее надвигаются на нас и тем настойчивее требуют ясной постановки их, чем ближе победа крестьянского восстания.

Программа Маслова не решает ни одной из тех основных задач, которые должны быть разрешены теперь РСДР партией: эта программа не даёт такого лозунга, который теперь же, немедленно, в эпоху самого антидемократичного государства направляет крестьянское движение к победе, — эта программа не даёт точного определения политических преобразований, необходимых для завершения и закрепления преобразований аграрных, — она не даёт указания на меры, необходимые в области земельной реформы при условии самого полного и последовательного демократизма, — она не даёт характеристики пролетарской позиции нашей партии по отношению ко всем буржуазно-демократическим преобразованиям. Эта программа не определяет ни условий «первого шага», ни задач «второго шага», а смешивает всё в одну кучу, начиная с передачи удельных земель в руки

несуществующего «демократического государства» и продолжая передачей помещичьих земель в руки демократических муниципалитетов из опасения недемократического характера центральной власти! Нереволюционная по своему практическому значению, в данный момент, построенная на предположении совершенно искусственной и совершенно невероятной сделки с полуреакционной центральной властью, эта программа не может дать руководства рабочей партии ни при одном из возможных и мыслимых путей развития демократического переворота в России.

Резюмируем: единственной правильной программой при условии демократического переворота будет такая: конфискации помещичьих земель и учреждения крестьянских комитетов мы должны немедленно требовать и не обставлять этого требования никакими ограничительными оговорками. Такое требование революционно и выгодно с точки зрения и пролетариата, и крестьянства при всяких, даже наихудших, условиях. Такое требование неизбежно влечёт за собой крах полицейского государства и усиление демократизма.

Но ограничиться конфискацией нельзя. В эпоху демократической революции и крестьянского восстания мы ни в каком случае не можем отвергать национализацию земли. Необходимо лишь это требование обусловить вполне точным указанием на известные политические порядки, без которых национализация могла бы повредить пролетариату и крестьянству.

Такая программа будет полна и цельна. Она даст безусловный максимум того, что вообще мыслимо при всяком буржуазно-демократическом перевороте. Она не свяжет рук социал-демократии, допуская и раздел, и национализацию при различных политических конъюнктурах. Она не внесёт ни в каком случае розни между крестьянством и пролетариатом, как борцами за демократизм.

Она выдвинет теперь и тотчас, при полицейски-самодержавных политических порядках, безусловно революционные и революционизирующие эти порядки лозунги, выставляя также и дальнейшие требования при условии полной победы демократической революции, т. е. при условии такого положения дел, когда завершение демократического переворота откроет новые перспективы и новые задачи.

Точное указание особой пролетарской позиции нашей во всем демократическом аграрном перевороте безусловно необходимо в программе. Нечего стесняться тем, что такому указанию место в тактической резолюции, или тем, что это — повторение общей части программы.

Ради ясности нашей позиции и выяснения её перед массой стоит пожертвовать стройной схемой деления тем на программные и тактические.

Соответствующий проект аграрной программы, выработанный большинством «аграрной комиссии» («аграрная комиссия» была назначена Объединённым Центральным Комитетом РСДРП для составления проекта новой аграрной программы), мы и предлагаем.

У. ПРОЕКТ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ

В целях устранения остатков крепостного порядка, которые тяжёлым гнѐтом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия требует:

- 1) конфискации всех церковных, монастырских, удельных, государственных, кабинетских и помещичьих земель;
- 2) учреждения крестьянских комитетов для немедленного уничтожения всех следов помещичьей власти и помещичьих привилегий и для фактического распоряжения конфискованными землями впредь до установления всенародным учредительным собранием нового земельного устройства;
- 3) отмены всех податей и повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие;
- 4) отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель;
- 5) предоставления выборным народным судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Если же решительная победа современной революции в России обеспечит полностью самодержавие народа, т. е. создаст республику и вполне демократический государственный строй,

то партия будет* добиваться отмены частной собственности на землю и передачи всех земель в общую собственность всего народа.

* Вариант А. ... то партия будет поддерживать стремление революционного крестьянства к отмене частной собственности на землю и добиваться передачи всех земель в собственность государства.

При этом Российская социал-демократическая рабочая партия во всех случаях и при всяком положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, предостерегать его от обольщения системой мелкого хозяйства, которая никогда, при существовании товарного производства, не в состоянии уничтожить нищеты масс, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию.

Написано во второй половине марта 1906 г.

Напечатано в начале апреля 1906 г.

в С.-Петербурге отдельной брошюрой в изд. «Наша Мысль»

*Вычитал: Хорошко Павел Алексеевич, диспетчер
Проверил: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь*

ПОБЕДА КАДЕТОВ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

I

КАКОЕ ОБЪЕКТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЛО НАШЕ УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ В ДУМУ?

Победы кадетов вскружили голову нашей либеральной печати. Кадеты объединили в выборной кампании всех или почти всех либералов вокруг себя. Газеты, не принадлежавшие дотоле к кадетской партии, фактически сделались органами этой партии. Либеральная печать ликует. Со всех сторон несутся победные клики и угрозы по адресу правительства. К этим кликам — обстоятельство, в высокой степени характерное, — постоянно примешиваются то злорадные, то снисходительные выходки по адресу социал-демократов. — Смотрите, какую ошибку вы сделали, отказавшись от участия в выборах! Вы видите теперь? Вы признаете ошибку? Вы оцениваете теперь советы мудрого и дальновидного Плеханова? — Такие и подобные им речи слышатся со страниц захлёбывающейся от восторга либеральной печати. Про Плеханова замечательно верно сказал тов. Степанов, что с ним приключилось нечто подобное Бернштейну. И как Бернштейна в своё время на руках носили немецкие либералы и превозносили до небес все «прогрессивные» буржуазные газеты, так нет теперь в России либеральной газеты, даже либеральной газетной статьи (вплоть до «Слова», да, да, вплоть до октябристского «Слова»!), которые бы не обнимали, не целовали, не миловали мудрого и дальновидного, рассудительного и трезвого Плеханова, имевшего мужество восстать против бойкота.

Посмотрим же, что доказали кадетские победы. Чью ошибку вскрыли они? Какую тактику изобличили в её бесплодности?

Плеханов, Струве и К^о твердят нам, что бойкот был ошибкой. Почему кадеты так думают, это совершенно ясно. Их предложение провести в Думу одного рабочего от Москвы показывает, что кадеты умеют ценить помощь рабочих, что они ищут сделки

с соц.-дем. в интересах довершения и закрепления своей победы, что они заключают такую сделку с рабочими беспартийными всё равно, как заключили бы они её и с с.-д. партией. Что кадеты ненавидят бойкот, как отказ от поддержки их, кадетов, отказ от сделки «левых» с ними, кадетами, — это вполне естественно.

Но чего хочет Плеханов и тяготеющие к нему (частью сознательно, частью бессознательно) меньшевики или русские наши с.-д. антибойкотисты? Увы, увы! Плеханов всех смелее из них, всех последовательнее, всех свободнее и яснее излагает свои взгляды, — и своим пятым «Дневником» («Дневник Социал-Демократа» № 5) он показывает паки и паки, *что он сам не знает, чего он хочет*. Надо участвовать в выборах, — вопиет он. Для чего? Для устройства революционного самоуправления, которое проповедуется меньшевиками? или для того, чтобы идти в Думу?

Плеханов вертится, лавирует, виляет, отделяется софизмами от этих простых, прямых и очевидных вопросов. Молчавший в течение месяцев и месяцев, когда меньшевики ещё на страницах «Искры» проповедовали революционное самоуправление (*и когда он, не обинуясь, заявлял о своём сочувствии меньшевистской тактике*), Плеханов вдруг теперь бросает самую презрительную фразу против этого «знаменитого революционного самоуправления» меньшевиков. Знаменитого почему и чем, товарищ Плеханов? Не способствовали ли его «знаменитости» те самые большевики, с которыми Плеханов хочет теперь вести войну и которые давно показывали недостаточность, неопределённость и половинчатость этого лозунга?

Ответа нет. Плеханов ничего не поясняет. Он бросает лишь изречение оракула и проходит мимо. Разница между оракулом и Плехановым при этом та, что оракул предсказывает события, а Плеханов изрекает свои вердикты после миновавших событий, преподносит горчицу после ужина. Когда меньшевики до октябрьской революции, до декабрьского восстания говорили о «революционном самоуправлении», говорили до наступления революционного подъёма, тогда Плеханов молчал, одобряя однако меньшевистскую тактику вообще, молчал, как будто выжидая, как будто недоумевая, не решаясь составить себе сколько-нибудь определённое мнение. Когда спала революционная волна, когда

миновали «дни свободы» и дни восстания, когда сошли со сцены разные Советы рабочих, солдатских, железнодорожных и др. депутатов (Советы, казавшиеся меньшевикам органами революционного самоуправления и относимые большевиками к зачаточным, разрозненным, стихийным, а потому бессильным органам революционной власти), — одним словом, когда вопрос потерял остроту, когда ужин был съеден, тогда Плеханов является с горчицей, тогда он проявляет свою, любезную гг. Струве и К^о, мудрость и дальновидность... насчёт вчерашнего дня.

Почему не доволен тов. Плеханов революционным самоуправлением, это так и остаётся неизвестным. Плеханов сходится теперь с большевиками насчёт того, что революционное самоуправление многих «сбивает с толку», но по всему видно, что Плеханову подобный лозунг кажется слишком большим, а большевикам он кажется слишком малым. Плеханову кажется, что этот лозунг идёт слишком далеко, а нам кажется, что он идёт недостаточно далеко. Плеханов клонит к тому, чтобы отозвать меньшевиков от «революционного самоуправления» назад, к трезвой и деловой работе в Думе. Мы клоним к тому, — и не только клоним, а сознательно и отчётливо зовём к тому, — чтобы от революционного самоуправления сделать шаг вперёд, к признанию необходимости цельных, планомерных, наступательно действующих органов восстания, органов революционной власти. Плеханов снимает практически с очереди лозунг восстания (хотя и не решается сказать это прямо и определённо); — вполне естественно, что он отвергает и лозунг революционного самоуправления, которое без восстания и вне обстановки восстания было бы смешной и вредной игрой. Плеханов немножко последовательнее своих единомышленников — меньшевиков.

Итак, для чего же участвовать в выборах и как участвовать в выборах, товарищ Плеханов? Не для революционного самоуправления, которое только «сбивает с толку». Значит, для участия в Думе? — Но тут на Плеханова нападает сугубая робость. Он не хочет отвечать, а так как $n + 1$ товарищей из России, желающих не только «почитывать» дневники «пописывающего» писателя, но и действовать как-нибудь определённо среди рабочей массы, так как эти $n + 1$ назойливых корреспондентов требуют от него точного ответа, то Плеханов начинает сердиться. Трудно

себе представить что-либо более беспомощное и более курьёзное, чем его сердитое заявление, что было бы педантизмом, схематизмом и т. п. требовать от выбирающих знания того, куда и зачем они выбирают. Помилосердствуйте, тов. Плеханов! Да ведь вас просто осмеют и ваши друзья кадеты, и наши рабочие, если вы всерьёз, перед массой, станете защищать эту великолепную программу: участвуйте в выборах, выбирайте, но не спрашивайте, куда вы выбираете, зачем вы выбираете. Выбирайте на основании закона о выборах в Думу, но не смейте думать (это было бы педантизм и схематизм), что вы выбираете в Думу.

Почему запутался так очевидно тов. Плеханов, который некогда умел писать ясно и давать точные ответы? Потому, что, неверно оценив декабрьское восстание, он составил себе в корне ошибочное представление о настоящем политическом моменте. Он попал в такое положение, которое заставляет его бояться додумать до конца свои думы, бояться взглянуть прямо в лицо действительности.

Теперь же неподкрашенная действительность «думской кампании» обрисовалась уже вполне ясно. Теперь уже факты ответили на вопрос, какое объективное значение имеют выборы и участие в них, независимо от воли, сознания, речей и обещаний самих участвующих. Самый решительный из меньшевиков, тов. Плеханов, потому и боится высказаться прямо за участие в Думе, что это участие определило уже свой характер. *Участвовать в выборах, значит либо поддерживать кадетов и войти в сделку с ними, либо играть в выборы.* Справедливость этого положения доказала теперь сама жизнь. Плеханов вынужден был в № 5 «Дневника» признать правильность второй половины этого рассуждения, признать бестолковость лозунга: «революционное самоуправление». В №6 «Дневника» Плеханов, если не уклонится от разбора дела по существу, вынужден будет признать и первую половину.

Политическая действительность окончательно провалила тактику меньшевиков, ту тактику, которую они защищали в своей «платформе» (гектографированный листок, упоминающий имена Мартова и Дана, изданный в С.-Петербурге в конце 1905 или начале 1906 г.) и в своих печатных заявлениях (листок ОЦК с изложением обеих тактик, статья Дана в известной брошюре). Это была тактика участия в выборах не для выборов в Думу.

Об участии в Думе, повторяем, ни один меньшевик из скольконибудь видных не решился и заикнуться в печати. И вот эта-то «чистая» меньшевистская тактика провалена жизнью окончательно. Об участии в выборах для «революционного самоуправления», для ухода с губернских избирательных собраний и т. п. вряд ли даже можно теперь и говорить серьёзно. События показали самым наглядным образом, что такая игра в выборы, игра в парламентаризм ничего, кроме компрометирования социал-демократии, кроме позора и скандала, для неё дать не может.

Если нужны ещё подтверждения сказанному, то одно из самых ярких дал Московский окружной комитет нашей партии. Это — слитная организация, объединившая фракции большинства и меньшинства. Тактика была принята тоже «слитная», т. е. наполовину, по крайней мере, меньшевистская: участвовать в выборах уполномоченных, чтобы закрепить влияние с.-д. в рабочей курии, и сорвать затем выборы, отказавшись от выбора выборщиков. Это был опыт повторения тактики, принятой относительно комиссии Шидловского. Это был «первый шаг» как раз в духе рекомендуемых тов. Плехановым мер: участвовать будем, а там дальше разберём в своё время поподробнее.

Меньшевистски-плехановская тактика Московского окружного комитета провалилась, как и следовало ожидать, с треском. Уполномоченные были выбраны. Прошли социал-демократы и частью даже члены организации. Подоспел закон против бойкота. Уполномоченные попали в тиски: либо пойти в тюрьму за агитацию в пользу бойкота, либо выбрать выборщиков. Агитация Окружного комитета, подпольная, как и агитация всех организаций нашей партии, оказалась бессильной сладить с двинутыми ею силами. *Уполномоченные нарушили данное обещание*, порвали свои императивные мандаты и... *выбрали выборщиков*. Среди выборщиков тоже оказались частью с.-д. и даже члены организации.

Пишущий эти строки присутствовал при крайне тяжёлой сцене в заседании Московского окружного комитета, когда руководящая с.-д. организация обсуждала вопрос: что делать и как быть теперь с этой провалившейся (плехановской) тактикой. Провал тактики был до того очевиден, что из меньшевиков, членов комитета, не нашлось *ни одного*, который бы высказался за участие выборщиков в губернском избирательном собрании, или за революционное

самоуправление, или за что-нибудь подобное. С другой стороны, трудно было решиться и на меры взыскания против нарушивших свои императивные мандаты уполномоченных-рабочих. Комитету пришлось умыть руки, молча признать свою ошибку.

Таков был результат плехановской тактики: выбирать, не обдумав хорошенечко (не желая даже обдумать хорошенечко, не желая вовсе обдумывать: см. № 5 «Дневника»), к чему и зачем выбирать. При первом соприкосновении с действительностью меньшевистская «тактика» разлетелась в пух и прах, — это и не удивительно, ибо состояла эта «тактика» (участия в выборах не для выборов) в одних хороших словах и хороших намерениях. Намерения остались намерениями, слова остались словами, а на деле вышло то, что диктовалось неумолимой логикой объективной политической ситуации: либо выбирать для поддержки кадетов, либо играть в выборы. События буквально подтвердили, следовательно, то, что я писал в своей статейке: «Государственная дума и с.-д. тактика»: «Мы можем заявить о полной и полнейшей самостоятельности наших с.-д. кандидатур, о чистой и чистейшей партийности нашего участия, но политическая обстановка сильнее всех заявлений. На деле не выйдет, не сможет выйти сообразно этим заявлениям. На деле получится неизбежно, вопреки нашей воле, не социал-демократическая и не партийная рабочая политика при теперешнем участии в теперешней Думе».

Пусть попробуют меньшевики или плехановцы опровергнуть этот вывод, — только не словами, а делами, фактами. У нас ведь теперь в партии каждая местная организация автономна в своей тактике. Отчего же не вышло нигде в России путной и толковой меньшевистской тактики? Отчего московская группа РСДРП, меньшевистская и не слитая с большевистским комитетом, не подготовила «плехановской» или своей собственной выборной кампании к тем выборам, которые произойдут в Москве послезавтра, в воскресенье, 26 марта? Конечно, не от нежелания. Я уверен, что и не от неумения. Оттого, что объективная политическая ситуация предписывала либо бойкот, либо поддержку кадетов. Теперь среди выборщиков Московской губернии есть с.-д. Выборы обрисовались вполне. Губернское избирательное собрание ещё не скоро. Время есть, товарищ Плеханов. Время есть, товарищи меньшевики! Посоветуйте же этим выборщикам, что делать.

Эти строки были уже написаны, когда я прочёл № 30 «Речи» от 24 марта, где говорится в корреспонденции из Москвы: «Насколько можно сейчас определить, шансы в предстоящей борьбе на губернских выборах между кадетами и правыми партиями приблизительно одинаковы: как у октябристов (11) с торгово-промышленниками (26) и представителями крайних правых партий (13) насчитывается всего 50 достаточно определившихся голосов, так точно и у кадетов (22), если причислить к ним беспартийных прогрессистов (11) и рабочих (17), получится тоже 50 голосов. Успех будет находиться таким образом в зависимости от того, к какой партии примкнут 9 выборщиков, направление которых остаётся неизвестным».

Допустим, что эти 9 — либералы, а 17 рабочих — уполномоченные с.-д. партии (как то желали видеть Плеханов и меньшевики). Итоги тогда: кадеты 42, правые 50, с.-д. 17. Что остаётся делать социал-демократам кроме избирательного соглашения с кадетами о дележе мест в Думу?

Покажите им хоть раз не задним числом, что у вас есть тактика. Должны ли эти выборщики просто уйти с губернского избирательного собрания? Или уйти и образовать революционное самоуправление? Или подать белые листики? Или, наконец, выбирать в Думу, и если так, то кого? своего с.-д. для пустой и безнадежной, закулисной демонстрации? Наконец, главный вопрос, на который должны ответить вы, товарищи меньшевики и товарищ Плеханов: как быть этим выборщикам, если их голоса будут решать выбор кадетов или октябристов? если, например, кадетов будет А — 1, октябристов А, а выборщиков — социал-демократов двое? воздержаться* значило бы помочь октябристам побить кадетов! остаётся подать за кадетов и *попросить у них за услугу местечко в Думе?*

*Вряд ли нужно добавлять, что, выбирая своего с.-д., эти двое *на деле помогли бы черносотенцам*. Социал-демократический выбор равнялся бы воздержанию, то есть равнялся бы пассивному отстранению от боя, в котором черносотенцы бьют кадетов.

Р. С. В тексте ошибочно было сказано, что губернное избирательное собрание ещё не скоро. Оно уже теперь состоялось. Черносотенцы победили, ибо крестьяне не сталкивались с кадетами. Кстати, в том же номере «Нашей Жизни», откуда мы почерпаем это известие (№ 405 от 28 марта), сообщается: «Газета «Путь» из достоверного источника передаёт, что многие социал-демократы меньшевики приняли вчера (в Москве) деятельное участие в выборах, подавая свои голоса по спискам «народной свободы». Правда ли это?

Это вовсе не выдуманный нами вывод. Это вовсе не полемическая выходка против меньшевиков. Этот вывод — сама действительность. Участие рабочих в выборах, участие социал-демократии в выборах *на деле* приводит к этому и только к этому. Кадеты правильно учли петербургский опыт, когда непартийные рабочие-квартиронаниматели голосовали за них, чтобы не дать победить октябристам. Сделав учёт этого опыта, кадеты выступили с прямым предложением к московским рабочим: поддержите нас, и мы проведём одного из ваших выборных в Думу. Кадеты правильнее поняли действительное значение плехановской тактики, чем сам Плеханов. Своим предложением они предвосхитили неминуемый политический результат выборов. Будь вместо непартийных рабочих выборщиков партийные рабочие социал-демократы, они стояли бы перед той же дилеммой: либо отстраниться, пособив этим черносотенцам, либо войти в прямую или косвенную, молчаливую, или оформленную договором, сделку с кадетами.

Да, да, недаром, совсем *не даром* лобзают теперь кадеты Плеханова! Цена этим лобзаниям очевидная. *Do ut des*, как говорит латинская пословица: я даю тебе, чтобы ты дал мне. Я даю тебе лобзание за то, что ты своими советами даёшь *мне* лишние голоса. Правда, ты, может быть, вовсе не хотел этого; ты стыдился даже признаться публично в получении наших лобзаний. Ты увёртывался всеми правдами и неправдами (особенно неправдами!) от ответа на вопросы, которые слишком бесцеремонно, слишком вплотную подходили к самой сути нашей любовной сделки. Но ведь дело вовсе не в твоих желаниях, не в твоих умыслах, не в твоих благих (с социал-демократической точки зрения благих) намерениях. Дело *в результатах*, а таковые нам выгодны.

Кадетское понимание плехановской тактики соответствует действительности. Поэтому для них получается и желаемый ими результат: приобретение рабочих голосов, заключение сделки с рабочими, *вовлечение рабочих в круговую* (вместе с кадетами) *ответственность за кадетскую Думу*, за кадетскую политику.

Плехановское понимание предлагаемой им тактики не соответствует действительности. Поэтому благие намерения Плеханова служат лишь к мощению ада. Социал-демократическая агитация по поводу выборов перед *массами*, организация *масс*, мобилизация *масс* вокруг социал-демократии и т. п. и проч. (смотри

декламацию плехановского единомышленника Дана в его брошюре), всё это остаётся на бумаге. Как бы кто из нас ни желал этого, — объективные условия препятствуют осуществлению желаний. Социал-демократического знамени развернуть перед массой не удаётся (вспомните пример Московского окружного комитета), нелегальной организации нет возможности превратиться в легальную, парус вырывается у бессильного кормчего, бросившегося в quasi-парламентский поток без всякого серьёзного снаряжения. *На деле получается не социал-демократическая и не партийная рабочая политика, а кадетская рабочая политика.*

Но ведь ваш бойкот оказался совсем бесполезной и бессильной вещью! кричат нам со всех сторон кадеты. Рабочие, которые хотели посрамить Думу и нас, кадетов, своим примером бойкота, — рабочие, которые выбрали чучело в Думу, ошиблись самым явным образом! Дума будет не чучельная, а кадетская!

Полноте, господа! Вы наивны или прикидываетесь наивными. Если Дума будет кадетская, ситуация получится иная, но всё же Дума будет чучелом. Рабочими руководил замечательно чуткий классовый инстинкт, когда они своей бесподобной демонстрацией с выборами чучела символизировали будущую Думу, предостерегали доверчивый народ, снимали с себя ответственность за игру в чучела.

Вы не понимаете этого? Позвольте, мы поясним вам.

II

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВЫХ ВЫБОРОВ

Первые политические выборы в России имеют очень крупное политическое и социальное значение. Но кадеты, упоенные своей победой и погрязшие целиком в конституционных иллюзиях, совершенно не способны понять действительное значение этих выборов.

Прежде всего, рассмотрим, какие классовые элементы группируются вокруг кадетов. Выборы дают по этому вопросу

чрезвычайно поучительный и ценный материал, который ещё далеко-далеко не полон. Кое-что, однако, уже намечается и заслуживает особенного внимания. Вот итоги данных о выборщиках по 18 марта (т. е. до петербургских выборов), заимствуемые нами из «Русских Ведомостей»:

Число выборщиков, избранных съездами

Политические направления*	городских избирателей	землевладельцев	Итого
Левые	268	128	396
Правые	118	172	290
Беспартийные	101	178	279
Итого	487	478	965

* К левым мы отнесли — с.-д. (2), кадетов (304), партию демократических реформ (4), прогресс. напр. (59), умеренных либералов (17), союз равноправия евр. (3) и польск. нац. (7). К правым — октябристов (124), торг.-пром. партию (51), конст.-монарх. (7), партию прав. порядка (5), правых (49), монархистов (54).

Как ни скудны ещё эти данные, из них видно, однако (и петербургские выборы лишь усиливают такой вывод), что русское освободительное движение вообще, партия кадетов в частности, переживает некоторый социальный сдвиг. Центр тяжести этого движения более перемещается к городам. Движение демократизируется. Выдвигается городской обыватель из «мелкоты».

Среди землевладельцев преобладают правые (если допустить, что беспартийные делятся пополам между левыми и правыми, — предположение, которое грешит скорее, вероятно, излишним пессимизмом, чем оптимизмом). Среди городских избирателей — несравненно более сильное преобладание левых.

Помещик ушёл от кадетов в Союз 17 октября и т. п. партии. Зато мелкая буржуазия, по крайней мере городская (о сельской данных ещё нет, да и труднее будет до Думы добыть такие данные), выступает явно на политическую арену, поворачивает явно к демократизму. Если в буржуазно-освободительном (и «освобожденском») движении земских съездов преобладали помещики, то теперь крестьянские восстания и октябрьская революция

отбросили большую часть их решительно на сторону контрреволюции. Партия кадетов остаётся двойственной — в ней мы видим и городскую мелкую буржуазию, и либеральных помещиков, — но последние, по-видимому, составляют уже меньшинство в партии. Мелкобуржуазная демократия преобладает.

С большой вероятностью, почти с достоверностью, мы можем, следовательно, сделать два следующие вывода: во-1-х, мелкая буржуазия формируется политически и выступает определённо против правительства; во-2-х, партия к.-д. становится «парламентской» партией мелкобуржуазной демократии.

Эти выводы не совпадают один с другим, как могло бы показаться на первый взгляд. Второй вывод гораздо уже первого, ибо к.-д. охватывают не все мелкобуржуазные демократические элементы, будучи кроме того только «парламентской» (т. е., *разумеется, квази-парламентской, игрушечно-парламентской*) партией. Насчёт значения, напр., петербургских выборов поразительно сходятся все свидетельства, — начиная от бойкой и радикальничающей «Руси», продолжая г. Набоковым, членом ЦК кадетов и кандидатом в Думу, и кончая «Новым Временем», — сходятся в том, что это были, собственно, не столько голосования за кадетов, сколько голосования *против правительства*. Кадетам победа досталась в значительной степени лишь *потому, что они оказались* (благодаря Дурново и К^о) *самой левой партией*. Действительно левые партии были устранены насилием, арестами, бойнями, избирательным законом и т. д. Все недовольные, раздражённые, озлобленные, неопределённо-революционные элементы силой вещей, логикой выборной борьбы, вынуждены были сплотиться вокруг кадетов. То соединение всех прогрессивных выборщиков заодно с кадетами, которое мы произвели в вышеприведённой табличке, произошло и на самом деле. Боролись, в сущности, две крупные силы: за правительство (контрреволюционный помещик, капиталист и озверелый чиновник) и против правительства (либеральный помещик, мелкая буржуазия и всякие неопределённые элементы революционной демократии). Что элементы, стоящие левее кадетов, отдавали им свои голоса, это несомненно из общей картины петербургских выборов, это подтверждают и прямые показания многочисленных свидетелей (подача голоса «простонародьем» за «свободу» и пр., и т. п.), это видно

косвенным образом и из повального перехода в кадетский лагерь демократической печати, немножечко более левой, чем печать кадетская. Следовательно, если ядро теперешней кадетской партии составляют, несомненно, люди, наверное не годные ни на что путное, кроме игрушечно-парламентского краснбайства, то этого никак нельзя сказать про всю массу мелкобуржуазных избирателей, голосовавших за кадетов. «С нами, в сущности, произошло то же, что происходит в Германии на выборах с социал-демократами, — сказал один кадет репортёру кадетской (или полукadetской) «Нашей Жизни», — за них многие голосуют за то, что они самая оппозиционная партия по отношению к правительству».

Это очень верно сказано. Не хватает только маленького-маленького добавления: немецкие с.-д., как боевая и в полном смысле слова передовая социалистическая партия, группируют вокруг себя многие сравнительно отсталые элементы. Русские кадеты, как в полном смысле слова отсталая и не боевая демократическая партия, увлекли за собой многие передовые и способные на борьбу демократические элементы, благодаря насильственному удалению с поля битвы действительно демократических партий. Другими словами: немецкие с.-д. увлекают за собой тех, кто идёт позади них; русские к.-д. сами идут позади демократической революции и увлекают за собой многих передовых лишь тогда, когда идущие впереди их населяют по преимуществу места тюремного заключения и вечного успокоения... Это мимоходом, чтобы наши кадеты не слишком возмечтали о себе по поводу сравнения их с немецкими с.-д.

Благодаря удалению со сцены игрушечно-парламентской борьбы передовых демократических элементов и на время такого удаления кадеты естественно имеют шансы овладеть тем игрушечным парламентом, который зовётся российской Государственной думой. Если взять вышеприведённые цифры, принять во внимание петербургскую и другие позднейшие победы кадетов, прикинуть примерно громадное преобладание деревенских выборщиков над городскими, присоединить к землевладельческим выборным крестьянских выборных, то в общем и целом надо признать вполне возможным и даже вероятным предположение, что Дума будет кадетской.

III

**ЧТО ТАКОЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИЗ СЕБЯ
ПАРТИЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ?**

Какую же роль может сыграть и должна будет сыграть кадетская Дума? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала остановиться на более подробной характеристике самой кадетской партии.

Мы уже отметили основную черту классовой структуры этой партии. Не связанная с каким-либо одним определённым классом буржуазного общества, но вполне буржуазная по своему составу, по своему характеру, по своим идеалам, эта партия колеблется между демократической мелкой буржуазией и контрреволюционными элементами крупной буржуазии. Социальной опорой этой партии является, с одной стороны, массовый городской обыватель, — тот самый городской обыватель, который усердно строил баррикады в Москве в знаменитые декабрьские дни, — а с другой стороны, либеральный помещик, тяготеющий чрез посредство либеральничающего чиновника к сделке с самодержавием, к «безобидному» дележу власти между народом и всякими угнетателями народа божью милостью. Эта чрезвычайно широкая, неопределённая и внутренне противоречивая классовая опора партии (заметно проявляющая себя, как отмечено уже выше, в статистике кадетских выборщиков) отражается с замечательной рельефностью в программе и тактике к.-д. Их программа целиком буржуазна, кадеты не могут даже представить иного общественного строя, кроме капиталистического, за пределы которого не выходят самые смелые пожелания их. В области политики их программа соединяет вместе демократизм, «народную свободу», и контрреволюцию, свободу угнетения народа самодержавием, соединяет с чисто мелкобуржуазной и профессорски-педантской скрупулёзностью. Власть в государстве делится приблизительно на три части, — таков идеал кадета. Одна часть — самодержавию. Монархия остаётся. Монарх сохраняет равные права с народным представительством, которое «соглашается» с ним насчёт издаваемых законов, которое предлагает ему на *утверждение* свои *законопроекты*. Другая часть власти — помещику и крупному

капиталисту. Они получают верхнюю палату, от которой двухстепенные выборы и ценз по осёдлости должны отгонять «просто-народные» элементы. Наконец, третья часть власти — народу, получающему нижнюю палату на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. К чему борьба, зачем междоусобицы? говорит Иудушка-кадет, вознося очи горе и укоризненно поглядывая и на революционный народ, и на контрреволюционное правительство. Братия! Возлюбим друг друга! Пусть будут и волки сыты и овцы целы, и монархия с верхней палатой неприкосновенны и «народная свобода» обеспечена.

Лицемерие этой кадетской принципиальной позиции бьёт в глаза, фальшь «научных» (профессорски-научных) доводов, которыми она защищается, поразительна. Но было бы в корне ошибочно, разумеется, объяснить это лицемерие и эту фальшь личными качествами кадетских вождей или отдельных кадетов. Марксизму совершенно чуждо подобное вульгарное объяснение, нередко приписываемое нам нашими противниками. Нет, среди кадетов несомненно есть преискренние люди, верящие в то, что их партия есть партия «народной свободы». Но двойственная и колеблющаяся классовая основа их партии неминуемо порождает их двуличную политику, их фальшь и их лицемерие.

Эти милые черты ещё яснее, пожалуй, чем на кадетской программе, сказываются и на кадетской тактике. «Полярная Звезда», в которой г. Струве так усердно и так успешно приближал кадетство к нововременству, дала превосходную, великолепную, неподражаемую обрисовку кадетской тактики. В то самое время, когда замирали выстрелы в Москве, когда военно-полицейская диктатура праздновала свои бешеные оргии, когда экзекуции и массовые истязания шли по всей России, — в «Полярной Звезде» раздавались речи против насилия слева, против забастовочных комитетов революционных партий. Торгующие наукой за счёт Дубасовых кадетские профессора доходили до того (г. Кизеветтер, член ЦК кадетов и кандидат в Думу), что переводили слово диктатура словом усиленная охрана! «Люди науки» даже свою гимназическую латынь извращали, чтобы принизить революционную борьбу. Диктатура означает — примите это раз навсегда к сведению, господа Кизеветтеры, Струве, Изгоевы и К^о — неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время

гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой. Но дело в том, что бывает диктатура меньшинства над большинством, полицейской кучки над народом, и бывает диктатура гигантского большинства народа над кучкой насильников, грабителей и узурпаторов народной власти. Своим вульгарным извращением научного понятия диктатура, своими воплями против насилия слева, в эпоху разгула самого незаконного, самого подлого насилия справа, господа кадеты воочию показали, какова позиция «соглашателей» в обострённой революционной борьбе. «Соглашатель» трусливо прячется, когда борьба разгорается. Когда победил революционный народ (17 октября), «соглашатель» вылезает из норы, хвастливо охорашивается, языкоблудствует во всю и кричит до иступления: то была «славная» политическая забастовка. Когда побеждает контрреволюция — соглашатель начинает осыпать побеждённых лицемерными увещаниями и назиданиями. Победившая забастовка была «славная». Побеждённые забастовки были преступные, дикие, бессмысленные, анархические. Побеждённое восстание было безумием, разгулом стихии, варварством, нелепостью. Одним словом, политическая совесть и политический ум «соглашателя» состоит в том, чтобы пресмыкаться пред тем, кто сейчас сильнее, чтобы путаться в ногах у борющихся, мешать то одной, то другой стороне, притуплять борьбу и отуплять революционное сознание народа, ведущего отчаянную борьбу за свободу.

Крестьяне борются против помещичьего землевладения. Борьба доходит теперь до своего кульминационного пункта. Она обострилась настолько, что вопрос встал уже ребром: помещики хотят пулемётов в ответ на малейшие поползновения крестьян захватить награбленную дворянами в течение веков землю. Крестьяне хотят взять всю землю. Тогда «Полярная Звезда» с кисло-сладкой оговорочкой пошлёт в бой господ Кауфманов, которые будут доказывать, что у помещиков земли немного и что дело собственно не в земле и что можно всё окончить полюбовно.

Тактическая резолюция последнего кадетского съезда хорошо суммирует политиканство кадетов. После декабрьского восстания, когда мирная стачка самым очевидным для всех образом изжила себя, исчерпала все свои силы, оказалась уже негодной, как самостоятельное средство борьбы, — выплыла на поверхность

резолуция кадетского съезда (предложенная, кажется, г. Винавером), признающая *мирную* политическую забастовку, как средство борьбы!

Великолепно, бесподобно, господа кадеты! Вы усвоили себе с неподражаемой ловкостью дух и смысл буржуазного политиканства. Надо стараться опереться на народ. Без этого буржуазия не достигнет власти и никогда не достигала власти. Но надо в то же время сдерживать революционный натиск народа, чтобы рабочие и крестьяне не завоевали, боже упаси, полной и решительной демократии, настоящей, а не монархической, не «двухпалатной» народной свободы. Для этого надо бросать палки под колеса революции всякий раз, когда она побеждает, — и делать это следует всеми средствами, всеми мерами, начиная от «научного» искажения латыни «профессорами» для посрамления самой идеи решительной победы народа и кончая хотя бы признанием только таких средств революционной борьбы, которые *уже* отжили своё время в тот момент, когда вы их признаете! Это и безвредно, и выгодно. Безвредно, ибо притупившееся оружие заведомо не даст народу победы, не поставит к власти пролетариат и крестьянство, в лучшем случае только расшатает немного самодержавие и поможет кадетам выторговать для буржуазии лишний кусочек «прав». Это выгодно, ибо даёт внешний вид «революционности», вид сочувствия народной борьбе, привлекает на сторону кадетов симпатии массы таких элементов, которые искренне и серьёзно хотят победы революции.

Самая сущность экономического положения мелкой буржуазии, колеблющейся между капиталом и трудом, неизбежно порождает политическую шаткость и двуличность партии кадетов, ведёт к их пресловутой теории соглашения («народ имеет права, но утверждать эти права есть право монарха»), делает из их партии партию конституционных иллюзий. Идеолог мелкой буржуазии не может понять «сущности конституции». Мелкий буржуа всегда склонен принимать бумажку за сущность дела. Он мало способен к самостоятельной, не примыкающей к боевому классу, организации для борьбы непосредственно-революционной. Наиболее отстранённый от самой резкой экономической борьбы нашей эпохи, он и в политике предпочитает уступать первое место другим классам, когда речь идёт о настоящем завоевании

конституции, об обеспечении на деле настоящей конституции. Пусть за конституционную почву борется пролетариат, а на конституционной почве, поскольку она держится хотя бы на трупах перебитых в восстании рабочих, пусть играют в парламентаризм игрушечного дела людишки, — такова имманентная тенденция буржуазии, и партия кадетов, эта очищенная, облагороженная, сублимированная, надушенная, идеализированная, подслащённая персонификация общепролетарских стремлений, действует в указанном направлении с замечательной неуклонностью.

Вы зовёте себя партией народной свободы? Подите вы! Вы — партия мещанского обмана народной свободы, партия мещанских иллюзий насчёт народной свободы. Вы — партия свободы, ибо вы хотите подчинить свободу монарху и верхней, помещичьей, палате. Вы — партия народа, ибо вы боитесь победы народа, т. е. полной победы крестьянского восстания, полной свободы рабочей борьбы за рабочее дело. Вы — партия борьбы, ибо вы прячетесь за кисло-сладкие профессорские отговорки всякий раз, когда разгорается настоящая, прямая, непосредственная революционная борьба против самодержавия. Вы — партия слов, а не дела, обещаний, а не исполнений, конституционных иллюзий, а не серьёзной борьбы за настоящую (не бумажную только) конституцию.

Когда наступает затишье после отчаянной борьбы, когда наверху «отдыхает уставший от победы», обожравшийся зверь, а внизу «точат мечи», собирая новые силы, когда начинает снова понемногу бродить и кипеть в народной глубине, когда только ещё готовится новый политический кризис и новый великий бой, — тогда партия мещанских иллюзий о народной свободе переживает кульминационный пункт своего развития, упивается своими победами. Обожравшемуся зверю лень подниматься снова, чтобы нападать на либеральных говорунов вплотную (успеет ещё! над нами не каплет!). А для борцов рабочего класса и крестьянства не настала ещё пора нового подъёма. Тут-то и ловить момент, тут-то и собирать голоса всех недовольных (а кто нынче доволен?), тут-то и заливать соловьём наших кадетов.

Кадеты — могильные черви революции. Революцию похоронили. Её гложут черви. Но революция обладает свойством быстро воскресать и пышно развиваться на хорошо подготовленной почве. А почва подготовлена замечательно, великолепно, октябрьскими

днями свободы и декабрьским восстанием. И мы далеки от мысли отрицать полезную работу червей в эпоху похорон революции. Ведь эти жирные черви так хорошо удобряют почву...

Крестьянин в Думе будет кадетом! воскликнул как-то г. Струве в «Полярной Звезде». Это очень правдоподобно. Крестьянин в массе своей стоит, конечно, за народную свободу. Он услышит эти хорошие, великие слова, он увидит пред собой переряженных в разные «октябристские» костюмы урядников, скулодробительных становых, крепостников-помещиков. Он встанет, наверное, на сторону народной свободы, он потянется за красиво намалёванной вывеской, он не разгадает сразу мещанского обмана, он станет кадетом... он будет кадетом до тех пор, пока ход событий не укажет ему, что народная свобода *ещё* должна быть завоёвана, что настоящая борьба за народную свободу предстоит *вне* Думы. А тогда... тогда и крестьянин, и масса городской мелкой буржуазии расколется: небольшое, но экономически-сильное, кулацкое меньшинство может встать уже решительно на сторону контрреволюции, часть встанет на сторону «соглашения», «примирения», полюбовной сделки с монархией и с помещиками, часть уйдёт на сторону революции.

Обыватель строил баррикады в декабре, во время великой борьбы. Обыватель протестовал против правительства, выбирая кадета, после подавления восстания, в марте. Обыватель отойдёт ещё от кадета к революции, когда потерпят крах теперешние конституционные иллюзии. Какая часть обывателей отойдёт от кадетской болтовни к революционной борьбе, какая часть крестьянства присоединится к ним, насколько энергично, организованно и успешно выступит в новом натиске пролетариат, — это решит исход революции.

Партия кадетов — эфемерная, безжизненная партия. Это утверждение может показаться парадоксом в такой момент, когда кадеты одерживают блестящие победы на выборах, когда им предстоят, вероятно, ещё более блестящие «парламентские» победы в Думе. Но марксизм учит нас рассматривать всякое явление в его развитии и не довольствоваться одним поверхностным очертанием, не верить в красивые вывески, исследовать экономические, классовые основы партий, изучать ту объективную политическую обстановку, которая предпрешит значение и исход их

политической деятельности. Примените этот метод рассмотрения к кадетам, — и вы увидите правильность нашего утверждения. Кадеты не партия, а симптом. Это не политическая сила, а пена, которая получается от столкновения более или менее уравнивающих друг друга борющихся сил. Они соединяют в себе, поистине, лебедя, рака и щуку — болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую буржуазную интеллигенцию, контрреволюционного помещика, желающего за сходную цену откупиться от революции, и, наконец, твёрдого, хозяйственного, экономного и прижимистого мелкого буржуа. Эта партия не хочет и не может сколько-нибудь прочно властвовать в буржуазном обществе вообще, не хочет и не может вести по какому-нибудь определённом пути буржуазно-демократическую революцию. Кадеты не хотят властвовать, предпочитая «состоять» при монархии и верхней палате. Они не могут властвовать, ибо настоящие хозяева буржуазного общества, разные Шиповы и Гучковы, представители крупного капитала и крупной собственности, стоят в стороне от этой партии. Кадеты — партия мечтаний о беленьком, чистеньком, упорядоченном, «идеальном» буржуазном обществе. Гучковы и Шиповы — партия чёрненького, настоящего, реального капитала в современном буржуазном обществе. Кадеты не могут вести революцию вперёд, ибо нет за ними сплочённого и действительно революционного класса. Они боятся революции. Они сплывают вокруг себя всех, весь «народ» лишь на почве конституционных иллюзий, объединяют лишь отрицательной связью: ненавистью к обожравшемуся зверю, — к самодержавному правительству, против которого *всех левее* на данной «легальной» почве стоят сейчас кадеты.

Историческая роль кадетов — переходная, минутная роль. Они падут вместе с неизбежным и быстрым падением конституционных иллюзий, как пали очень похожие на наших кадетов и такие же мелкобуржуазные французские социал-демократы конца 40-х годов. Кадеты падут, удоблив почву... либо для продолжительного торжества Шиповых и Гучковых, для длительных похорон революции, для «серьёзного» буржуазного конституционализма; — либо для революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

IV

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КАДЕТСКОЙ ДУМЫ

Итак, Государственная дума, говорят нам либеральные газеты, будет кадетской. Мы указали уже, что это предположение вполне вероятное. Добавим только, что если кадеты окажутся, несмотря на свои теперешние победы, в меньшинстве в Думе, то это обстоятельство вряд ли особенно существенно изменит ход того политического кризиса, который вновь назревает теперь в России. Элементы этого революционного кризиса коренятся слишком глубоко, чтобы тот или иной состав Думы мог оказать серьёзное влияние. Отношение широких масс населения к правительству вполне ясное. Отношение правительства к назревшим нуждам всего общественного развития более чем ясное. Революция, естественно, будет идти вперёд при таком положении дел. Одно только вероятное замедление в известных сторонах политического развития России будет связано с преобладанием черносотенцев в первой Думе. Именно: замедлится крах кадетской партии и кадетского обаяния в народе, если кадеты будут теперь в меньшинстве. Быть в меньшинстве, оставаться в оппозиции для них теперь очень удобно. Перевес черносотенцев сваливался бы в глазах публики на правительственные репрессии при выборах. Оппозиционные речи кадетов, сознающих «безвредность» своей оппозиции, были бы особенно горячи. Перед широкими массами политически не развитого населения престиж кадетов мог бы подниматься при таких условиях, когда кадетские «слова» звучали бы ещё громче, чем теперь, а кадетские «дела» оставались бы ещё неясными вследствие майоризирования кадетов октябристами. Рост недовольства против правительства, подготовка нового революционного подъёма шли бы и тогда своим чередом, но разоблачение кадетской пустоты могло бы несколько замедлиться.

Возьмём теперь другое предположение, более вероятное, если верить теперешним уверениям кадетских газет. Допустим, что кадеты будут в Думе в большинстве, — разумеется, при таком же соединении с кадетами разных непартийных, «мелкопартийных» и прочих либералов, которое наблюдается и теперь при выборах. Каковы будут значение и роль кадетской Думы?

Сами кадеты дают очень определённые ответы на этот вопрос. Их заявления, их обещания, их громкие фразы дышат твёрдостью и решимостью. И нам, членам рабочей партии, в высшей степени важно тщательно собрать все эти заявления, хорошенечко запомнить их, шире распространить их в народе, добиться непременно того, чтобы уроки политического воспитания (преподаваемые кадетами народу) не пропали даром, чтобы рабочие и крестьяне доподлинно знали, *что обещают кадеты и как они выполняют свои обещания.*

В настоящей брошюре, — которая представляет из себя не более, как беглые заметки странствующего с.-д. публициста, отставленного, волею Дурново и КО, от газетной работы, — в этой брошюре мы не можем и думать о том, чтобы собрать все или хотя бы даже наиболее существенные заявления и обещания кадетов, шедших в Думу. Мы можем отметить лишь кое-что на основании литературы, которая случайно находится у нас под руками.

Вот газета «Народная Свобода», вышедшая в декабре и быстро закрытая правительством. Это — прямой, официальный орган кадетской партии. Такие столпы этой партии, как гг. Милюков и Гессен, редактировали эту газету. Что вся партия к.-д. отвечает за её содержание, в этом не может быть ни малейшего сомнения.

В номере от 20 декабря «Народная Свобода» принимается уверять читателя, что необходимо идти в Думу. Как же аргументирует при этом орган кадетов? «Народная Свобода» и не думает спорить против того, что очередная политическая задача для России состоит в созыве учредительного собрания. Орган кадетов принимает это положение за доказанное. Вопрос только в том, видите ли, кто созовёт это учредительное собрание. Возможен тройкий ответ: 1) теперешнее, т. е. на деле самодержавное, правительство; 2) временное революционное правительство и 3) Государственная дума, как *«власть, конкурирующая с властью»*. И вот, кадеты отвергают оба первые исхода — на самодержавное правительство они не надеются, а в успех восстания не верят. Зато третий исход кадеты принимают. Они именно потому и зовут в Думу, что это лучший, вернейший и пр., и пр. способ созыва всенародного учредительного собрания.

Запомните хорошенечко этот вывод, господа! Кадетская партия, партия «народной свободы», *обещала народу* воспользоваться

«властью, конкурирующей с властью», воспользоваться преобладанием своим в Государственной думе (если народ поможет ей добиться такого преобладания) *для созыва всенародного учредительного собрания.*

Это — исторический факт. Это — важное обещание. Это первая проверка того, как будет служить народной свободе без кавычек партия «народной свободы» в кавычках.

В теперешних газетах кадетской партии (а к этой партии, повторяем, *фактически* примкнули почти все либеральные органы, в том числе «Русь», «Наша Жизнь» и т. п.) вы уже не встретите такого обещания. Говорят разве об «учредительных функциях» Думы, но уже не о созыве Думой всенародного учредительного собрания. По мере приближения того времени, когда обещания должны подкрепляться выполнением их, *делается уже шаг назад*, готовится уже *лазейка*.

Или, может быть, всё дело в том, что свирепые законы мешают теперь говорить прямо об учредительном собрании? Не так ли, господа? Ведь в Думе, где ваши депутаты будут пользоваться, *по закону*, свободой слова, вы заговорите снова полным голосом, вы потребуете созыва... что я говорю?.. вы *созовёте* всенародное учредительное собрание?

Поживём — увидим. И не забудем обещания кадетов созвать чрез посредство Думы всенародное учредительное собрание. Кадетские газеты так и пестрят теперь заявлениями о том, что они, кадеты, будут «правительством», что у них будет «власть» и пр., и т. п. В час добрый, господа! Чем скорее у вас будет большинство в Думе, тем скорее наступит время, когда ваши векселя будут предъявлены к уплате. Вот кадетская газета «Русь», приветствуя питерскую победу партии «народной свободы», помещает в номере от 22 марта горячую статью: «С народом или против него?». О созыве всенародного учредительного собрания Думой здесь прямо не говорится. Но, несмотря на этот шаг назад от данных кадетами обещаний, остаётся всё же не мало хороших кадетских перспектив:

«Главное назначение собирающейся теперь Думы и партии народной свободы в ней — быть бичом народного гнева.

Изгнав и отдав под суд преступных членов правительства, ей придётся заняться лишь неотложными мерами, а затем созвать настоящую

Думу — на более широких основаниях, представительницу всего народа» (т. е. созвать учредительное собрание?).

«В этом несомненная задача Думы, т. е. та задача, которую возлагает на неё теперь сам народ».

Так. Так. Изгнать правительство. Отдать под суд правительство. Создать настоящую Думу.

Хорошо пишет газета «Русь». Хорошо говорят кадеты. Удивительно красиво говорят кадеты. Нехорошо только, что закрывают их газеты за эти хорошие слова...

Запомним же, господа, это новое обещание, данное на другой день после питерских выборов, запомним его хорошенько. Кадеты идут в Думу, чтобы прогнать правительство, чтобы отдать под суд правительство, чтобы создать настоящую Думу.

От кадетских обещаний насчёт Думы перейдём теперь к правительственным «видам» насчёт кадетской Думы. Конечно, знать в точности этих «видов» никому не дано, но некоторый материал для суждения об этом имеется, даже у тех же самых оптимистских кадетских газет. Вот, напр., относительно займа во Франции* получаются всё более уверенные сообщения, что этот заём дело решённое, что состоится он до Думы. Правительство будет, конечно, ещё менее зависимо от Думы.

* Для подавления революции в России в апреле 1906 года царским правительством был заключён с Францией договор о займе на сумму 843 миллиона рублей.

Ред.

Далее, относительно перспектив министерства Витте-Дурново та же газета «Русь» (или «Молва») в цитированной выше статье предлагает правительству «идти вместе с народом, т. е. с Думой». Как видите, «изгнание преступных членов правительства» понимается собственно лишь в смысле известной перемены лиц. Какой перемены, видно из следующих слов газеты:

«Теперь даже для самой реакции было бы самым выгодным министерство такого деятеля, как Д. Н. Шипов. Оно одно могло бы предотвратить конечное столкновение правительства и общества в Думе». Но мы идём «худшим шансом», замечает газета, ожидая образования чисто чиновничьего министерства. «Тут доказывать нечего, — говорит «Молва», — ясно до очевидности всем, что если правительство не собирается лишить значения Думу, то оно

должно, оно обязано немедленно дать отставку Дурново, Витте и Акимову. И так же ясно, что если это не делается, если это не будет сделано, то это лишь означает, что жандармская политика «обуздания и пресечения» собирается быть применённой и по отношению народных представителей, и против Государственной думы. А для этого, конечно, годнее всего уже и без того по локоть запачканные в народной крови руки. Совершенно ясно: если г. Дурново остаётся при оппозиционной Думе, то только для того, чтобы разгонять её. Другого смысла нет и быть не может. Это понимают все. Понимает и биржа, и заграница». «Противодействовать» Думе значит «пустить государственный корабль в такую бурную пучину» и т. д., и т. д. Наконец, для полноты картины приведём ещё следующее сообщение кадетской «Нашей Жизни» от 21 марта насчёт «бюрократических сфер», относительно которых эта газета старается в особенности тщательно осведомлять читателя:

«Всё возрастающий успех к.-д. партии обратил на себя внимание сфер. Вначале этот успех произвёл было некоторое смущение, но в настоящее время к этому относятся вполне спокойно. В воскресенье по этому вопросу состоялось частное совещание высших представителей правительства, на котором выяснялось это отношение и, кроме того, намечена была, так сказать, тактика. Между прочим были высказаны весьма характерные соображения. По мнению некоторых, успех к.-д. правительству прямо выгоден: ибо, если в Думу пройдут правые элементы, то это только сыграло бы в руку крайним группам, которые получили бы возможность, ссылаясь на состав, пропагандировать против Думы и указывать, что она искусственно подобрана в реакционном составе; общество в массах отнесётся с тем большим уважением к Думе, чем больше там будет представителей к.-д. партии. Что же касается тактики по отношению к Думе, то большинство придерживается того мнения, что опасаться каких-нибудь «сюрпризов» нет оснований, «при тех рамках, в которые поставлена Дума», как откровенно заметил один из присутствовавших. Ввиду этого большинство полагает отнюдь не препятствовать будущим членам Думы, «даже если б они стали критиковать отдельных правительственных лиц». Этого ожидают очень многие, и общее мнение бюрократов в данном отношении сводится к тому, что «пусть поговорят»; «потребуют привлечения к суду; быть

может, дадут делу ход и т. д., а потом им самим надоест; что из этих дел выйдет, — ещё видно будет, а пока что члены должны же будут заниматься вопросами страны — и всё войдёт в норму. Если же члены вздумают выражать недоверие правительству, то это тоже не имеет значения; в конце концов ведь министры назначаются не Думой». Эти аргументы, как говорят, успокоительно подействовали даже на Дурново и Витте, которые в первое время смутились успехами к.-д. партии».

Итак, вот перед вами мнения, взгляды и намерения заинтересованных непосредственных участников «дела». С одной стороны, перспективы борьбы. Кадеты обещают прогнать правительство и созвать новую Думу. Правительство собирается разогнать Думу, — и тогда «бурная пучина». Вопрос, значит, в том, кто кого прогонит или кто кого разгонит. С другой стороны, перспективы сделки. Кадеты полагают, что министерство Шипова могло бы предотвратить столкновения правительства и общества. Правительство полагает: пусть поговорят, даже и к суду кое-кого можно потянуть, а министров ведь назначает не Дума. Мы нарочно приводили исключительно мнения самих участников гешефта и притом исключительно в их собственных выражениях. Мы ничего не добавляли от себя. Прибавлять — значило бы ослаблять впечатление свидетельских показаний. Из этих показаний сущность кадетской Думы обрисовывается с великолепной наглядностью.

Либо борьба, и тогда бороться будет не Дума, а революционный народ. Дума надеется пожать плоды победы. Либо сделка, и тогда обманутым окажется, во всяком случае, народ, т. е. пролетариат и крестьянство. Об условиях сделки люди, в настоящем смысле слова деловые, не говорят раньше времени, и только горячие «радикалы» иногда пробалтываются: ну, вот, например, замена чиновничьего министерства министерством «честного буржуа» Шипова, тогда можно бы торговаться безобидно для обеих сторон... Тогда очень, очень близко было бы к осуществлению кадетского идеала: первое место монархии; второе — помещичьей и фабрикантской верхней палате с соответствующим её направлению министерством Шипова; третье место «народной» Думе.

Само собою разумеется, что эта альтернатива, как всякие предположения относительно социального и политического будущего,

намечает только и основные линии развития. В действительной жизни часто наблюдаются решения смешанные, линии переплетающиеся, — борьба перемежается со сделкой, сделка дополняется борьбой. Вот г. Милюков в «Речи» (от пятницы 24 марта) так, именно так, и рассуждает насчёт перспектив определившейся уже кадетской победы: напрасно, дескать, нас считают и объявляют революционерами. Всё зависит от обстоятельств, господа, — поучает власть имущих наш «диалектик обаятельный», — ведь и Шипов был до 17 октября «революционером». Захотите вы идти с нами на сделку по-божески, по-хорошему, ну тогда реформа, а не революция. Не захотите, ну тогда придётся, вероятно, оказать на вас некоторое давление снизу, немножечко подпустить революции, припугнуть вас, ослабить вас каким-нибудь ударом революционного народа, вы станете тогда податливее, — ан, глядишь, сделка будет для нас выгоднее.

Элементы задачи, следовательно, таковы. У власти стоит правительство, которому заведомо не доверяет широкая масса буржуазии, которое ненавидят рабочие и сознательные крестьяне. У правительства громадные орудия силы в руках. Слабый пункт один — деньги. Да и то неизвестно: может быть, ещё удастся раздобыть заём до Думы. Против правительства стоит, согласно нашему предположению, кадетская Дума. Чего она хочет? Её цена «с запросом» известна: это кадетская программа, монархия и верхняя палата с демократической нижней палатой. Её цена без запроса? — неизвестна. Ну, что-нибудь вроде министерства Шипова, что ли... Он, правда, против прямого избирательного права, ну как-нибудь, всё же честный человек... сошлись бы, вероятно. Её средства борьбы: отказ давать деньги. Средство ненадёжное, ибо, во-1-х, деньги, пожалуй, будут и без Думы, а, во-2-х, по закону права Думы насчёт финансового контроля самые убогие. Другое средство: «чтобы они стреляли» — помните, как Катков изображал отношение либералов к правительству: уступи, а не то «они» будут стрелять. Но во времена Каткова «они» были кучкой героев, которые не могли ничего сделать, кроме убийства отдельных лиц. Теперь «они» — это вся масса пролетариата, показавшего в октябре способность к поразительно единодушному всероссийскому выступлению, показавшего в декабре способность к вооружённой упорной борьбе. «Они» теперь уже и крестьянская

масса, которая показала способность к революционной борьбе в разрозненной, несознательной, неединодушной форме, но в этой массе растёт число сознательных, которые способны, при подходящих условиях, при малейшем дуновении свободного ветерка (нынче от сквозняков так трудно уберечься!) повести за собой миллионы. «Они» могут уже не то, что министров убить. «Они» могут смести дочиста и монархию, и всякие намёки на верхнюю палату, и всё помещичье землевладение, и даже постоянную армию. «Они» не только могут сделать это, «они» неминуемо сделают это, если ослабнет гнёт военной диктатуры — последнее прибежище старого порядка, последнее не на основании теоретического расчёта, а на основании приобретённого уже практического опыта.

Таковы элементы задачи. Как она будет решена, этого невозможно предсказать с абсолютной точностью. Как *хотим* её решать мы, социал-демократы, как *будут* её решать все сознательные рабочие и сознательные крестьяне, это не подлежит сомнению: стремиться к полной победе крестьянского восстания и к завоеванию действительно демократической республики. Какова *будет* тактика кадетов при таком положении задачи, какова *должна быть* эта тактика, независимо от воли и сознания отдельных лиц, в силу объективных условий существования мелкой буржуазии в капиталистическом, борющемся за своё освобождение, обществе?

Тактика кадетов неминуемо и неизбежно сведётся к тому, чтобы лавировать между самодержавием и победой революционного народа, не давая ни одному противнику решительно и окончательно раздавить другого. Если самодержавие решительно и окончательно раздавит революцию, то кадеты станут бессильными, ибо их сила есть сила производная от революции. Если революционный народ, т. е. пролетариат и восстающее против всего помещичьего землевладения крестьянство, раздавят решительно и окончательно самодержавие, следовательно, сметут и монархию и все её привески, то кадеты тоже будут бессильны, ибо всё жизнеспособное тотчас же уйдёт от них на сторону революции или контрреволюции, в партии же останется парочка Кизеветтеров, вздыхающих о «диктатуре» и подыскивающих в латинских словарях значения подходящих латинских слов. Коротко говоря,

тактику кадетов можно выразить так: *обеспечить поддержку кадетской партии революционным народом*. Слово: «поддержка» должно выражать именно такие действия революционного народа, которые, во-первых, всецело подчинялись бы интересам кадетской партии, её указаниям и т. д., и которые, во-вторых, не были бы слишком решительными, наступательными, главное, не были бы слишком сильными действиями. Революционный народ должен быть несамостоятелен, это раз, и не должен побеждать окончательно, разгромлять своего врага, это два. Эту тактику неизбежно будет проводить, в общем и целом, вся кадетская партия и всякая кадетская Дума, причём, разумеется, эта тактика будет обосновываться, защищаться, оправдываться всем богатым идеологическим багажом «научных» исследований, «философских» туманностей, политических (или политиканских) пошлостей, «литературно-критических» взвизгиваний (à la Бердяев) и т. д., и т. д.

Наоборот, революционная социал-демократия не может в настоящее время определять свою тактику положением: поддержка кадетской партии и кадетской Думы. Такая тактика была бы не верна и никуда не годна.

Нам возразят, разумеется: как? вы отрицаете то, что признано и вашей программой, и всей международной социал-демократией? Поддержку социал-демократическим пролетариатом революционной и оппозиционной буржуазной демократии? Да ведь это анархизм, утопизм, бунтарство, бессмысленный революционизм.

Позвольте, господа. Позвольте прежде всего напомнить вам, что перед нами не общий, не абстрактный вопрос о поддержке буржуазной демократии вообще, а конкретный вопрос о поддержке именно кадетской партии и именно кадетской Думы. Мы не отрицаем общего положения, но требуем особого анализа условий конкретного приложения этих общих принципов. Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Это забывает, например, Плеханов, когда выдвигает уже не в первый раз и особенно подчёркивает тактику: «Реакция стремится изолировать нас. Мы должны стремиться изолировать реакцию». Это верное положение, но оно до смешного обще: оно относится одинаково и к России 1870 г., и к России 1906 года, и к России вообще, и к Африке, Америке, Китаю и Индии. Оно ничего не говорит и ничего не даёт, ибо вся задача в определении того, что такое

реакция, и с кем именно, как именно надо объединиться (или если не объединиться, то согласовать свои действия), чтобы изолировать реакцию. Плеханов боится дать конкретное указание, а на деле, на практике его тактика сводится, как мы уже показали, к избирательным картелям между с.-д. и к.-д., к поддержке кадетов социал-демократией.

Кадеты против реакции? Я беру цитированный уже мной № 18-ый «Молвы» от 22 марта. Кадеты хотят прогнать правительство. Это великолепно, это против реакции. Кадеты хотят помириться с самодержавным правительством на министерстве Шипова. Это скверно. Это один из худших видов реакции. Вы видите, господа: с абстрактным положением, с голой фразой о реакции вы ещё не делаете ни шага вперёд.

Кадеты — буржуазная демократия? Справедливо. Но, ведь, крестьянская масса, которая добивается конфискации всех помещичьих земель, т. е. того, чего не хотят кадеты, есть тоже буржуазная демократия. И формы, и содержание политической деятельности той и другой части буржуазной демократии различны. Которую же из них нам важнее именно сейчас поддерживать? Можем ли мы, *вообще говоря*, в эпоху демократической революции поддерживать первую? Не будет ли это означать измену второй? Или, может быть, вы станете отрицать, что кадеты, готовые помириться в политике на Шипове, способны помириться в аграрном вопросе на Кауфмане? Вы видите, господа: с абстрактным положением, с голой фразой о буржуазной демократии вы не делаете ещё ни шага вперёд. — Но кадеты единая, сильная, жизнеспособная, парламентская партия!

Неправда. Кадеты не единая, не сильная, не жизнеспособная и не парламентская партия.

Они не едины, ибо за них голосовало много людей, способных на борьбу до конца, а не только на сделку. Они не едины, ибо их социальная опора внутренне противоречива: от демократической мелкой буржуазии до контрреволюционного помещика. Они не сильны, ибо в качестве партии они не хотят и не могут участвовать в той обострённой, открытой гражданской войне, которая разгорелась в России в конце 1905 года и которая имеет все шансы вспыхнуть с новой энергией в недалёком будущем. Они не жизнеспособны, ибо в случае даже осуществления их

идеала главенствующей силой в созданном по этому идеалу обществе будут не они, а «сурьёзно» буржуазные Шиповы, Гучковы. Они не парламентская партия, ибо у нас нет парламента. У нас нет конституции, а есть только конституционное самодержавие, есть только конституционные иллюзии, особенно вредные в эпоху обострённой гражданской войны и особенно усердно распространяемые кадетами.

И здесь мы подошли к центральному пункту вопроса. Особенности современного момента русской революции именно таковы, что объективные условия выдвигают на авансцену решительную, внепарламентскую борьбу за парламентаризм, а потому нет ничего вреднее и опаснее в такой момент, как конституционные иллюзии и игра в парламентаризм. Партии «парламентской» оппозиции в такой момент могут быть опаснее и вреднее, чем партии откровенно и вполне реакционные: это положение может показаться парадоксом только тому, кто совершенно не способен к диалектическому мышлению. В самом деле: если в самых широких массах народа вполне созрело требование парламентаризма, если это требование опирается также на всю общественно-экономическую вековую эволюцию страны, если политическое развитие подвело вплотную к осуществлению этого требования, то что может быть опаснее и вреднее притворного осуществления его? Откровенный антипарламентаризм безопасен. Он осуждён на смерть. Он умер. Попытки воскресить его оказывают лишь самое лучшее воздействие в смысле революционизирования наиболее отсталых слоёв населения. Единственным возможным способом удержать самодержавие становится «конституционное самодержавие», становится создание и распространение конституционных иллюзий. Это — единственно правильная, единственно разумная политика самодержавия.

И я утверждаю, что кадеты в настоящее время больше содействуют этой разумной самодержавной политике, чем «Московские Ведомости». Возьмите, напр., спор между этими последними и либеральной печатью по вопросу о том, есть ли Россия конституционная монархия. Нет, говорят «Московские Ведомости». Да, говорят хором кадетские газеты. В этом споре «Московские Ведомости» прогрессивны, а кадетские газеты реакционны, ибо «Московские Ведомости» говорят правду, разоблачают иллюзию,

aussprechen was ist (— высказывают то, что есть. *Ред.*), а кадеты говорят ложь, — благонамеренную, благожелательную, искренне-добросовестную, красивую, стройную, научно-прилизанную, кизеветтерски-подкрашенную, салонно-приличную, а всё же таки ложь. И нет ничего опаснее, нет ничего вреднее в данный момент борьбы, — по объективным условиям этого момента, — как подобная ложь.

Маленькое отступление. Мне пришлось недавно выступить с политическим рефератом в квартире одного очень просвещённого и чрезвычайно любезного кадета. Пospорили. Представьте себе, говорил хозяин, что перед нами дикий зверь, лев, а мы двое, отданных на растерзание, рабов. Уместны ли споры между нами? Не обязаны ли мы объединиться для борьбы с этим общим врагом, «изолировать реакцию», как превосходно выражается самый мудрый и самый дальновидный социал-демократ, Г. В. Плеханов? — Пример хороший, и я его принимаю — ответил я. Но как быть, если один из рабов советует запастись оружием и напасть на льва, а другой как раз во время борьбы рассматривает повешенный у льва нагрудничек с надписью «конституция», и кричит: «Я против насилия и справа и слева», «я — член парламентской партии, я стою на конституционной почве». Не могло ли бы оказаться так, что львёнок, выбалтывающий истинные цели льва, оказался при таких условиях более полезным просветителем масс и развивателем политического и классового сознания, чем терзаемый львом раб, распространяющий веру в нагрудничек?

В том-то вся и суть, что при ходячих рассуждениях о поддержке социал-демократией буржуазной демократии слишком часто забывают из-за общих, абстрактных положений особенно конкретного момента, когда назревает решительная борьба за парламентаризм и когда одним из орудий борьбы против парламентаризма является со стороны самодержавного правительства игра в парламентаризм. При таких условиях, когда ещё предстоит окончательная внепарламентская битва, ставить задачей рабочей партии поддержку партии парламентских соглашателей, партии конституционных иллюзий, было бы прямо роковой ошибкой, если не преступлением перед пролетариатом.

Представим себе, что мы имеем в России установившийся парламентский строй. Это значило бы, что парламент стал уже

главной формой господства правящих классов и сил, стал уже главной ареной борьбы социально-политических интересов. Революционного движения в непосредственном значении этого слова нет налицо, условия экономические и прочие не порождают революционных взрывов в данный, т. е. предполагаемый нами, момент. Никакие революционные декламации при таких условиях, конечно, не в силах были бы «вызвать» революции. Отказ от парламентской борьбы был бы при таких условиях совершенно непозволителен для социал-демократии. Рабочая партия должна бы была самым серьезным образом взяться за парламентаризм, участвовать в выборах в «Думу» и в самой «Думе», подчинить всю свою тактику условиям образования и успешного функционирования парламентской социал-демократической партии. Тогда поддержка партии кадетов в парламенте против всех правее стоящих партий была бы безусловной нашей обязанностью. Тогда бы и против избирательных соглашений с этой партией при совместных выборах, скажем в губернских избирательных собраниях (при непрямых выборах), нельзя было бы возражать безусловно. Мало того. Тогда даже поддержка шиповцев социал-демократами в парламенте против настоящих и беспардонных реакционеров была бы нашей обязанностью: реакция стремится изолировать нас, — сказали бы тогда, — мы должны стремиться изолировать реакцию.

Теперь же в России и речи быть не может о наличии установленного, общепризнанного, действительного парламентского режима. Теперь в России главной формой господства правящих классов и социальных сил заведомо является непарламентская форма, главной ареной борьбы социально-политических интересов заведомо является не парламент. При таких условиях поддержка партии парламентских соглашателей была бы самоубийством рабочей партии — и, наоборот, поддержка буржуазной демократии, действующей не парламентарно, хотя бы стихийно, разрозненно, несознательно (вроде крестьянских вспышек) выдвигается на первый план, становится серьезным настоящим делом, которому должно быть подчинено всё остальное... Восстание при таких социально-политических условиях есть реальность; парламентаризм есть игрушка, несущественное поприще борьбы, — приманка гораздо более, чем действительная уступка. Дело, значит, совсем не в том, чтобы мы отрицали или недооценивали

парламентаризм, и общими фразами насчёт парламентаризма наша позиция ничуть не затрагивается. Дело в конкретной обстановке именно данного момента демократической революции, когда соглашатели буржуазии, когда либеральные монархисты, не отрицая сами возможности того, что Дурново просто разгонит Думу или что закон окончательно сведёт эту Думу к нулю, объявляют тем не менее парламентаризм серьёзным делом, а восстание — утопией, анархизмом, бунтарством, бессильным революционеризмом и как там говорят все эти Кизеветтеры, Милюковы, Струве, Изгоевы и прочие герои мещанства.

Представьте себе, что социал-демократическая партия приняла участие в выборах в Думу. Проведено известное число соц.-дем. выборщиков. Чтобы не дать победить черносотенцам, приходится (раз уже влез в эту нелепую комедию выборов) поддерживать кадетов. Партия с.-д. заключает избирательное соглашение с к.-д. Известное число с.-д. проходит при помощи к.-д. в Думу. Спрашивается, стоила ли бы овчинка выделки? выиграли ли бы мы или проиграли при этом? Во-первых, широко осведомить массы об условиях и характере наших избирательных соглашений с к.-д. с социал-демократической точки зрения мы не могли бы. Кадетские газеты в сотнях тысяч и миллионах экземпляров разнесли бы буржуазную ложь и буржуазное извращение классовых задач пролетариата. Наши листочки, наши оговорочки в отдельных заявлениях были бы каплей в море. Мы оказались бы *на деле* именно безгласным придатком кадетов. Во-вторых, вступая в соглашение, мы, несомненно, молчаливо или открыто и формально, — это всё равно, — взяли бы на себя перед пролетариатом известную ответственность за кадетов, за то, что они лучше всех остальных, за то, что их кадетская Дума поможет народу, за всю их кадетскую политику. Сумели ли бы мы последующими «заявлениями» снять с себя ответственность за те или иные кадетские шаги, это ещё вопрос, да и заявления остались бы заявлениями, а *факт* избирательного соглашения был бы уже налицо. А разве мы имеем основание хоть сколько-нибудь, хоть косвенно поручиться перед пролетариатом и перед крестьянской массой за кадетов? Разве не дали нам кадеты тысячи доказательств своего сходства именно с теми немецкими кадетскими профессорами, именно с теми «франкфуртскими фразёрами», которые не то что Думу, а даже

Национальное учредительное собрание сумели превратить из орудия развития революции в орудие притупления революции, придушения (морального) революции? Поддержка кадетской партии была бы ошибкой со стороны социал-демократии, и наша партия хорошо сделала, что бойкотировала выборы в Думу.

Поддержка кадетской партии и теперь не может быть задачей социал-демократии. Поддерживать кадетскую Думу мы не можем. Соглашатели и перебежчики во время войны могут быть даже опаснее неприятеля. Шипов, по крайней мере, не называет себя «демократом», и за ним не пойдёт «мужичок», желающий «народной свободы». А если партия «народной свободы», заключив тот или иной договор о взаимной поддержке к.- д. и с.-д., заключила бы затем сделку с самодержавием о замене учредительного собрания министерством того же Шипова, — или свела бы свою «деятельность» к звонким речам и велеречивым резолюциям, то мы оказались бы в самом фальшивом положении.

Ставить задачей рабочей партии в настоящий момент поддержку кадетов — это было бы всё равно, как если бы задачей пара объявили не двигать паровозную машину, а поддерживать возможность давать паровозные свистки. Будет пар в котлах, — будут свистеть и свистки. Будет сила у революции, — будут и кадеты. Свистки подделать можно, и в истории борьбы *за* парламентаризм много раз буржуазные предатели народной свободы подделывали свистки и водили за нос простодушных людей, доверявшихся всяким «первым представительным собраниям».

Наша задача — не поддержка кадетской Думы, а использование конфликтов внутри этой Думы и связанных с этой Думой для выбора наилучшего момента нападения на врага, восстания против самодержавия. Сообразоваться с тем, как растёт политический кризис в Думе и около Думы, мы должны. Для учёта общественного настроения, для более правильного и точного определения «момента кипения» вся эта думская кампания должна иметь для нас огромное значение, но значение симптома, а не реального поля борьбы. Не кадетскую Думу будем мы поддерживать, не с кадетской партией должны мы считаться, а с теми элементами городской мелкой буржуазии и особенно крестьянства, которые, подав голоса за кадетов, неизбежно начнут разочаровываться в них и настраиваться на боевой лад, — и это

тем скорее, чем решительнее победят кадеты в Думе. Наша задача — использовать в интересах организации рабочих, в интересах разоблачения конституционных иллюзий, в интересах подготовки военного наступления всю ту отсрочку, которую даёт нам оппозиционная Дума (нам очень выгодна отсрочка ввиду того, что пролетариат должен хорошенько собраться с силами). Наша задача — быть на своём посту в тот момент, когда думская комедия разразится в новый великий политический кризис, и своей целью мы поставим тогда не поддержку кадетов (в лучшем случае они будут только слабым рупором революционного народа), а свержение самодержавного правительства и переход власти в руки революционного народа. Если пролетариат и крестьянство победят в восстании, тогда кадетская Дума в несколько минут подмахнёт бумажку о присоединении её к манифесту революционного правительства, созывающего всенародное учредительное собрание. Если восстание будет подавлено, — истощённый борьбой победитель, может быть, окажется вынужденным поделиться доброй половиной власти с кадетской Думой, которая усядется за пирог и примет резолюцию сожаления по поводу «безумства» вооружённого восстания в такой момент, когда действительное конституционное устройство было, дескать, так возможно, так близко... Были бы трупы, а черви всегда найдутся.

V

ОБРАЗЧИК КАДЕТСКОГО САМОДОВОЛЬСТВА

Для оценки побед кадетов и задач рабочей партии в настоящий момент громадную важность представляет анализ предыдущего периода русской революции в его взаимоотношении к периоду настоящему. Опубликованные проекты тактических резолюций большинства и меньшинства определяют две линии, два направления мысли, связанные с различными способами этой оценки. Отсылая читателя к этим резолюциям, мы намерены остановиться здесь на одной статье в кадетской газете «Наша Жизнь». Эта статья, написанная по поводу первой меньшевистской резолюции, даёт чрезвычайно много материала для

проверки, дополнения и разъяснения сказанного нами выше о кадетской Думе. Мы приведём поэтому целиком эту статью (Р. Бланк. «К злобам дня русской социал-демократии», «Наша Жизнь», 1906 года, № 401 от 23-го марта):

«Резолюция «меньшевицкой» фракции Российской социал-демократической рабочей партии о партийной тактике, опубликованная на днях, представляет весьма ценный документ. Она свидетельствует, что тяжёлые уроки первого периода русской революции не прошли бесследно *для наиболее чуткой* к требованиям действительности и наиболее проникнутой принципами научного социализма части русской социал-демократии. *Новая тактика*, сформулированная в этой резолюции, *стремится направить* русское социал-демократическое движение *на тот путь, по которому движется вся интернациональная социал-демократия* во главе с великой социал-демократической партией Германии. Я говорю «*новая тактика*»; это не совсем точно, потому что эта тактика во многих отношениях представляет собою возврат к старым принципам, положенным при самом основании русской социал-демократии её учредителями и много раз развивавшимся после того её теоретиками и публицистами, признававшимися почти всеми русскими социал-демократами до самого начала русской революции. Но они были забыты. Революционный вихрь поднял всю нашу социал-демократию, как лёгкое пёрышко, и понёс её с собою с головокружительной быстротой; моментально исчезли из виду все социал-демократические и марксистские принципы и идеи, с таким усердием и преданностью разрабатывавшиеся в течение четверти века, как будто бы это была лишь лёгкая пыль, лежавшая тонким слоем на поверхности; самые устои социал-демократического мирозерцания были потрясены до самого основания и, казалось, даже были вырваны с корнем.

Но вихрь покружился и успокоился на том же месте, и социал-демократия вернулась к своему исходному пункту. О силе вихря можно судить по тому, что он даже Парвуса, как он сам признает, увлёк за собою; кто знает Парвуса и как трудно его поднять, поймёт, что это значит... «Революционный поток нас неудержимо рвал вперёд», — говорит Парвус в своей известной брошюре. «Мы были только те струны арфы, на которых играл ураган революции», — замечает он в другом месте той же брошюры; это также совершенно верно и вполне объясняет, почему социал-демократическая музыка в это время так мало напоминала

симфонии Бетховена, Баха, или — Маркса. Все теории и принципы и даже сама мысль и простой разум отступают на задний план, почти исчезают за кулисами, когда на сцену выходит сама стихия во всемогуществе элементарных сил.

Но теперь снова наступила очередь мысли и разума, и можно *вернуться* к сознательной, планомерной, систематической деятельности. Первым делом при этом, очевидно, должно быть принятие предупредительных мер против повторения того, что произошло в первый период русской революции, в её «Sturm-und-Drang-Zeit», т. е. против разрушительных действий революционных потоков и ураганов. Единственным действительным средством для этого может быть только расширение и укрепление организации; вполне естественно поэтому, что фракция «меньшевиков» выдвигает эту задачу на первый план и даёт ей широкую формулировку, включив в свою программу также и экономические организации и признав необходимость использовать все легальные возможности. Резолюция свободна от романтического презрения к «легальности» и аристократического пренебрежения к «экономике».

Столь же трезво резолюция относится к вопросу о взаимных отношениях между рабочей и буржуазной демократией, вполне признавая необходимость взаимной поддержки и опасность изолированного выступления пролетариата на решительную борьбу с вооружённой реакцией. Особенного внимания заслуживает отношение резолюции к вопросу о вооружённом восстании; она признаёт необходимым «избегать такого рода действий, которые втягивают пролетариат в вооружённые столкновения с правительством при таких условиях, когда он обречён остаться в этой борьбе изолированным».

Только таким образом можно избежать у нас повторения парижских июньских дней 1848 года и сделать возможной координированную, если не коалиционную, борьбу рабочей и буржуазной демократии, без которой успех движения невозможен. Буржуазная демократия, имеющая, по свидетельству Карла Маркса, «самое высокое значение во всякой передовой революции», имеет не меньшее значение и в российской революции. Если Российская социал-демократическая партия не может, или не хочет сделать из неё своего открытого союзника, то она во всяком случае не должна толкать её в противоположный лагерь, в реакцию, в контрреволюцию. Этого революционная социал-демократия не должна, не вправе делать, *обязана* избегать всеми средствами, ради дела освобождения и ради самой социал-демократии. И если буржуазная

демократия в настоящий момент против вооружённого восстания, то о нём не может и не должно быть речи. С этим необходимо считаться, даже если бы буржуазия подчинялась при этом единственно только свойственной ей дряблости, слабости и трусости, — с такими фактами также необходимо считаться; но не говорил ли сам вождь германской революционной социал-демократии:

«In der Gewalt sind sie uns stets über!», — «В отношении грубой силы они, т. е. реакционеры, всегда нас превосходят!»

Может быть, утверждение «всегда» и неверно, но относительно «теперь» во всяком случае можно быть мнения Либкнехта и единодушной с ним германской социал-демократии, не будучи трусом или даже только «дряблым»... Резолюция «меньшевиков» стоит, по-видимому, на этой же точке зрения, по меньшей мере — близко к ней подходит; точно так же она и в других отношениях проникнута тем духом политического реализма, который составляет отличительную черту германской социал-демократии и которому последняя обязана своими беспримерными успехами.

Присоединится ли вся Российская социал-демократическая партия к резолюции «меньшевиков»? От этого многое зависит в нашем революционном движении, и ещё больше в нашем социал-демократическом движении, — может быть, вся судьба этого движения на много лет. Социал-демократия и в России, точно так же как это было в других странах, только тогда может укорениться и укрепиться, когда она проникнет в глубь демократической массы. Если же она ограничится культурой одного верхнего, хотя бы и самого плодородного, слоя демократии, то новый ураган легко может вырвать её с корнями из русской почвы, как это случилось с французской социал-демократией 1848-го года, или с английским социал-демократическим движением сороковых годов, известным под именем «чартистского движения».

Такова статья господина Бланка. Типичнейшие суждения «кадета», знакомые во всех исходных своих пунктах каждому, кто внимательно читал «Освобождение» г-на Струве и позднейшую легальную кадетскую печать, скомбинированы здесь так, что оценка теперешней политической тактики основывается на оценке пережитого периода русской революции. На этой *оценке прошлого*, на её правильности или неправильности, мы прежде всего и остановимся.

Господин Бланк сопоставляет два периода русской революции: первый обнимает, примерно, октябрь — декабрь 1905 года. Это период революционного вихря. Второй — теперешний период, который мы, конечно, вправе назвать периодом кадетских побед на выборах в Думу, или, пожалуй, если рискнуть забежать вперёд, периодом кадетской Думы.

Про этот период господин Бланк говорит, что наступила снова очередь мысли и разума, и можно вернуться к сознательной, планомерной, систематической деятельности. Первый же период господин Бланк характеризует, наоборот, как период расхождения теории и практики. Исчезли все социал-демократические принципы и идеи, была забыта тактика, всегда проповедовавшаяся учредителями русской социал-демократии, были даже вырваны с корнем самые устои социал-демократического мирозерцания.

Это основное утверждение г-на Бланка — чисто фактического характера. Вся теория марксизма разошлась с «практикой» периода революционного вихря.

Так ли это? Каков первый и главный «устой» марксистской теории? Тот, что единственным до конца революционным классом современного общества и потому передовым во всякой революции является пролетариат. Спрашивается, не вырвал ли с корнем революционный вихрь этого «устоя» с.-д. мирозерцания? Наоборот, вихрь подтвердил его самым блистательным образом. Именно пролетариат и был главным, почти единственным вначале *борцом* этого периода. Чуть ли не впервые в мировой истории буржуазная революция ознаменовалась крупнейшим, невиданным даже в более развитых капиталистических странах, применением чисто пролетарского орудия борьбы: массовой политической стачки. Пролетариат пошёл на борьбу, непосредственно революционную, в такое время, когда господа Струве и господа Бланки звали идти в булыгинскую Думу, когда кадетские профессора звали студентов учиться. Пролетариат своим пролетарским орудием борьбы завоевал России всю ту, с позволения сказать, «конституцию», которую с тех пор только портили, урезывали и обкарнывали. Пролетариат применил в октябре 1905 года тот тактический приём борьбы, о котором *за полгода* говорила революция *большевистского* 3-го съезда РСДРП, обращавшая усиленное внимание на важность сочетания массовой политической

стачки с восстанием; — именно этим сочетанием и характеризуется *весь* период «революционного вихря», вся последняя четверть 1905 года. Таким образом, наш идеолог мелкой буржуазии извратил действительность самым беззастенчивым, самым вопиющим образом. Он не указал ни единого *факта*, свидетельствующего о расхождении марксистской теории и практического опыта «революционного вихря»; он попытался затушевать основную черту этого вихря, давшую блистательнейшее подтверждение «всех социал-демократических принципов и идей», «всех устоев социал-демократического мирозерцания».

ОТСТУПЛЕНИЕ

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БЕСЕДА С КАДЕТСКИМИ ПУБЛИЦИСТАМИ И УЧЁНЫМИ ПРОФЕССОРАМИ

Какова, однако, действительная причина, побудившая г-на Бланка прийти к этому чудовищно-неверному мнению, будто в период «вихря» исчезли все марксистские принципы и идеи? Рассмотрение этого обстоятельства очень интересно: оно разоблачает перед нами ещё и ещё раз истинную природу мещанства в политике.

В чём состояло главное отличие периода «революционного вихря» от теперешнего, «кадетского», периода с точки зрения различных приёмов политической деятельности? с точки зрения разных методов исторического творчества народа? Прежде всего и главным в том, что в период «вихря» применялись некоторые особые методы этого творчества, чуждые иным периодам политической жизни. Вот наиболее существенные из этих методов: 1) «*захват*» *народом политической свободы*, — осуществление её без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, съездов и т. д.); 2) создание новых органов *революционной власти*, — Советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и пр., и т. п. Эти органы создавались исключительно *революционными* слоями населения, они создавались вне всяких законов

и норм всецело революционным путём, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы *власти*, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании. Они действовали, как власть, захватывая, напр., типографии (Петербург), арестуя чинов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге, где соответствующий орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна). Они действовали, как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на юге) и обращали их на нужды нового, народного правительства, — да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства. По своему социально-политическому характеру это была, в зачатке, диктатура революционных элементов народа, — вы удивляетесь, г. Бланк и г. Кизеветтер? вы не видите здесь «усиленной охраны», равнозначщей для буржуа с диктатурой? Мы уже говорили вам, что вы не имеете никакого представления о научном понятии: диктатура. Мы сейчас объясним вам его, но сначала укажем *третий* «метод» действия эпохи «революционного вихря»: *применение народом насилия по отношению к насильникам над народом.*

Описанные нами органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала *никакой* другой власти и *никакого* закона, *никакой* нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, незаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть — это и есть диктатура. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких бы то ни было прежних, установившихся учреждений. Ничего подобного. Ни оружия, ни денег, ни старых учреждений у новых органов новой власти не было. Их сила — можете себе представить, г. Бланк и г. Кизеветтер? — ничего не имела общего со старыми орудиями силы, ничего общего с «усиленной охраной», если не иметь

в виду усиленной охраны народа от угнетения его полицейскими и другими органами старой власти.

На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот *основное* отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти. Те были органами власти меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян. Это были органы власти народа, рабочих и крестьян, над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников. Таково отличие диктатуры *над* народом от диктатуры революционного *народа*, запомните это хорошенько, г. Бланк и г. Кизеветтер! Старая власть, как диктатура меньшинства, могла держаться исключительно при помощи полицейских ухищрений, исключительно при помощи удаления, отстранения народной массы от участия во власти, от наблюдения за властью. Старая власть систематически не доверяла массе, боялась света, держалась обманом. Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытого, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты — рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты — наш товарищ. Выбирай своего депутата. Сейчас же, немедленно выбирай, как считаешь удобным, — мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего Совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, Совета солдатских депутатов и пр., и т. п. Это — власть, открытая для всех, делающая всё на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и её воли. — Такова была новая власть, или, вернее, её зачатки, ибо победа старой власти затоптала побеги молодого растения очень рано.

Вы спросите, может быть, г. Бланк или г. Кизеветтер, зачем же тут «диктатура», зачем «насилие»? разве же огромная масса нуждается в насилии против горстки, разве десятки и сотни миллионов могут быть диктаторами над тысячей, над десятком тысяч?

Этот вопрос обычно задают люди, первый раз увидавшие применение термина диктатура в новом для них значении. Люди

привыкли видеть только полицейскую власть и только полицейскую диктатуру. Им странным кажется, что может быть власть без всякой полиции, может быть диктатура не полицейская. Вы говорите, что миллионам не нужно насилия против тысяч? Вы ошибаетесь, и ошибаетесь оттого, что рассматриваете явление не в его развитии. Вы забываете, что новая власть не с неба сваливается, а вырастает, возникает наряду со старой, против старой власти, в борьбе против неё. Без насилий по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников.

Вот вам простенький примерчик, г. Бланк и г. Кизеветтер, чтобы вы могли усвоить эту, недоступную кадетскому разуму, «головокружительную» для кадетской мысли, премудрость. Представьте себе, что Аврамов увечит и истязает Спиридонову. На стороне Спиридоновой, допустим, есть десятки и сотни невооружённых людей. На стороне Аврамова горстка казаков. Что сделал бы народ, если бы истязания Спиридоновой происходили не в застенке? Он применил бы насилие по отношению к Аврамову и его свите. Он пожертвовал бы, может быть, несколькими борцами, застреленными Аврамовым, но силой всё-таки обезоружил бы Аврамова и казаков, причём, очень вероятно, убил бы на месте некоторых из этих, с позволения сказать, людей, а остальных засадил бы в какую-нибудь тюрьму, чтобы помешать им безобразничать дальше и чтобы отдать их на народный суд.

Вот видите, г. Бланк и г. Кизеветтер: когда Аврамов с казаками истязает Спиридонову, это есть военно-полицейская диктатура над народом. Когда революционный (способный на борьбу с насильниками, а не только на увещания, назидания, сожаления, осуждения, хныканье и нытье, не мещански-ограниченный, а революционный) народ применяет насилие к Аврамову и Аврамовым, это есть диктатура революционного народа. Это есть *диктатура*, ибо это есть власть народа над Аврамовым, власть, не ограниченная никакими законами (мещанин, пожалуй, был бы против того, чтобы силой отбить Спиридонову от Аврамова: дескать, не по «закону» это? есть ли у нас такой «закон», чтобы убивать Аврамова? не создали ли некоторые идеологи мещанства теории непротивления злу насилием?). Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими

законами, никакими абсолютно правилами не стеснённую, непосредственно на насилие опирающуюся власть. *Не что иное, как это*, означает понятие: «диктатура», — запомните хорошенько, гг. кадеты. Далее, во взятом нами примере мы видим диктатуру именно *народа*, ибо народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право. Наконец, это есть диктатура именно *революционного* народа. Почему только революционного, а не всего народа? Потому, что во всём народе, страдающем постоянно и самым жестоким образом от подвигов Аврамовых, есть люди, забитые физически, запуганные, люди забитые нравственно, например, теорией о непротавлении злу насилием, или просто забитые не теорией, а предрассудком, обычаем, рутинной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!). Вот почему диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ, нисколько не боящийся, однако, всего народа, открывающий всему народу причины своих действий и все подробности их, привлекающий охотно *весь* народ к участию не только в «управлении» государством, но и во власти, и к участию в самом устройстве государства.

Таким образом, взятый нами простой пример содержит в себе *все элементы* научного понятия: «диктатура революционного народа», а также понятия: «военнополицейская диктатура». От этого простого примера, доступного даже учёному кадетскому профессору, мы можем перейти к более сложным явлениям общественной жизни.

Революция, в узком, непосредственном значении этого слова, есть именно такой период народной жизни, когда веками накопившаяся злоба на подвиги Аврамовых прорывается наружу *в действиях*, а не словах, и в действиях *миллионных народных масс*, а не отдельных лиц. Народ просыпается и поднимается для освобождения себя от Аврамовых. Народ избавляет бесчисленных Спиридоновых русской жизни от Аврамовых, применяет насилие к Аврамовым, берет власть над Аврамовыми. Это происходит, конечно, не так просто и не так «сразу», как в примере, упрощённом

нами для г. профессора Кизеветтера, — эта борьба народа с Аврамовыми, борьба в узком, непосредственном смысле, это сбрасывание с народа Аврамовых растягивается на месяцы и годы «революционного вихря». Это сбрасывание народом с себя Аврамовых и есть реальное содержание того, что называется великой российской революцией. Это сбрасывание, если рассмотреть его со стороны методов исторического творчества, происходит в тех формах, которые мы сейчас только описывали, говоря о революционном вихре, именно: захват народом свободы политической, то есть такой свободы, осуществлению которой препятствовали Аврамовы; — создание народом новой, революционной, власти, власти над Аврамовыми, власти над насильниками старого полицейского уклада; — применение народом насилия по отношению к Аврамовым для устранения, обезоружения и обезвреживания этих диких собак, всех Аврамовых, Дурново, Дубасовых, Минов и прочее и тому подобное.

Хорошо ли это, что народ применяет такие незаконные, неупорядоченные, непланомерные и несистематические приёмы борьбы, как захват свободы, создание новой, формально никем не признанной и революционной, власти, применяет насилие над угнетателями народа? Да, это очень хорошо. Это — высшее проявление народной борьбы за свободу. Это — та великая пора, когда мечты лучших людей России о свободе претворяются в *дело*, дело самих народных масс, а не одиночек героев. Это так же хорошо, как хорошо освобождение толпой (в нашем примере) Спиридоновой от Аврамова, насильственное разоружение и обезвреживание Аврамова.

Но вот тут-то мы и подходим к центральному пункту кадетских скрытых мыслей и опасений. Кадет потому и является идеологом мещанства, что он на политику, на освобождение всего народа, на революцию переносит точку зрения того обывателя, который в нашем примере истязания Аврамовым Спиридоновой удерживал бы толпу, советовал бы не нарушать закона, не торопиться с освобождением жертв из рук палача, действующего от имени законной власти. Конечно, в нашем примере такой обыватель был бы прямо нравственным уродом, а в применении ко всей общественной жизни нравственное уродство мещанина есть качество, повторяем, совсем не личное, а социальное, обусловленное, может

быть, крепко засевшими в голову предрассудками буржуазно-филистерской науки права.

Почему г. Бланк считает даже не требующим доказательства, что в период «вихря» были забыты все марксистские принципы? Потому, что он извращает марксизм в брентанизм, считая не марксистскими такие «принципы», как захват свободы, как создание революционной власти, как применение насилия народом. Такой взгляд сквозит во всей статье г. Бланка, да и не одного Бланка, а всех кадетов, всех расхваливающих ныне за любовь к кадетам Плеханова писателей либерального и радикального лагеря вплоть до бернштейнианцев из «Без Заглавия», гг. Прокоповича, Кусковой и tutti quanti (— им подобных. *Ped.*).

Рассмотрим, как возник этот взгляд и почему он должен был возникнуть.

Возник он непосредственно из бернштейнианского или, шире, оппортунистического понимания западноевропейской социал-демократии. Те ошибки этого понимания, которые систематически и по всей линии разоблачили «ортодоксы» на Западе, переносятся теперь «под шумок», под другим соусом и по другому поводу, в Россию. Бернштейнианцы принимали и принимают марксизм *за исключением* его непосредственно-революционной стороны. Парламентскую борьбу они рассматривают не как одно из средств борьбы, пригодное особенно в определённые исторические периоды, а как главную и почти исключительную форму борьбы, делающую ненужным «насилие», «захваты», «диктатуру». Вот это пошлое мещанское извращение марксизма и переносят теперь в Россию гг. Бланки и прочие либеральные хвалители Плеханова. Они так сжились с этим извращением, что не считают даже нужным доказывать забвение марксистских принципов и идей в период революционного вихря.

Почему должен был возникнуть такой взгляд? Потому, что он самым глубоким образом соответствует классовому положению и интересам мелкой буржуазии. Идеолог «очищенного» буржуазного общества допускает все методы борьбы социал-демократии, *кроме именно тех, которые применяет революционный народ в эпохи «вихря»* и которые одобряет и помогает применять революционная социал-демократия. Интересы буржуазии требуют участия пролетариата в борьбе с самодержавием, но только такого

участия, которое бы не переходило в главенство пролетариата и крестьянства, только такого участия, которое бы не устранило совершенно старых, самодержавно-крепостнических и полицейских органов власти. Буржуазия хочет сохранить эти органы, лишь подчинив их своему непосредственному контролю, — они нужны ей *против пролетариата*, которому слишком облегчило бы его пролетарскую борьбу полное уничтожение этих органов. Вот почему интересы буржуазии, как класса, требуют и монархии и верхней палаты, требуют недопущения диктатуры революционного народа. Борись с самодержавием, говорит буржуазия пролетариату, но не трогай старых органов власти, — они мне нужны. Борись «парламентски», т. е. в тех пределах, которые предпишу тебе я по соглашению с монархией, борись посредством организаций, — только не таких, как всеобщие стачечные комитеты, Советы рабочих, солдатских депутатов и т. п., а посредством таких, которые признает и ограничивает, обезвреживает по отношению к капиталу закон, изданный мной по соглашению с монархией.

Понятно отсюда, почему о периоде «вихря» буржуазия говорит с пренебрежением, презрением, злобой, ненавистью, — а о периоде охраняемого Дубасовым конституционализма с восторгом, упоением, с бесконечной мещанской влюблённостью... в реакцию. Это — всё то же постоянное и неизменное качество кадетов: стремление опереться на народ и боязнь его революционной самодеятельности.

Понятно также, почему буржуазия боится пуще огня повторения вихря, почему она игнорирует и затушёвывает элементы нового революционного кризиса, почему поддерживает и распространяет в народе конституционные иллюзии.

Теперь мы вполне объяснили, почему г. Бланк и ему подобные объявляют, что в период «вихря» были забыты все марксистские принципы и идеи. Г. Бланк, как и все мещане, признает марксизм *за вычетом* его революционной стороны, — признает социал-демократические приёмы борьбы *за вычетом* самых революционных и непосредственно-революционных приёмов.

Отношение г-на Бланка к периоду «вихря» до последней степени характерно, как иллюстрация буржуазного непонимания пролетарских движений, буржуазной боязни перед острой и решительной борьбой, буржуазной ненависти ко всем проявлениям

крутого, ломающего старые учреждения, революционного в непосредственном смысле слова способа решения социально-исторических вопросов. Господин Бланк выдал себя, выдал сразу всю свою буржуазную ограниченность. Он слышал и читал, что социал-демократы в период вихря делали «ошибки», — он поспешил заключить и заявить с апломбом, безапелляционно, голословно, что все «принципы» марксизма (о которых он и понятия не имеет!) были забыты. Мы заметим по поводу этих «ошибок»: разве был такой период в развитии рабочего движения, в развитии социал-демократии, когда бы не было делаемо тех или иных ошибок? когда бы не наблюдались те или иные уклонения вправо или влево? разве история парламентского периода германской социал-демократической борьбы — того периода, который всем ограниченным буржуа на всем свете кажется пределом, его же не преи́дешь! — не полна таких ошибок? Если бы господин Бланк не был круглым невеждой в вопросах социализма, он легко вспомнил бы и Мюльбергера, и Дюринга, и вопрос о *Dampfersubvention* (— паровой субсидии. *Ред.*), и «молодых», и бернштейниаду, и многое-многое другое. Но господину Бланку важно не изучение действительного хода развития социал-демократии, ему нужно только принизить пролетарский размах борьбы, чтобы возвеличить буржуазную убогость своей кадетской партии.

На самом деле, если мы взглянем на дело с точки зрения уклонений социал-демократии с её обычного, «нормального», пути, то мы увидим, что и в этом отношении период «революционного вихря» показывает *большую*, а не меньшую, по сравнению с прежним, сплочённость и идейную цельность социал-демократии. Тактика эпохи «вихря» не отдалила, а сблизила оба крыла социал-демократии. Вместо былых разногласий получилось единство взглядов по вопросу о вооружённом восстании. Социал-демократы обеих фракций работали в Советах рабочих депутатов, этих своеобразных органах зачаточной революционной власти, привлекали солдат, крестьян к этим Советам, издавали революционные манифесты совместно с мелкобуржуазными революционными партиями. Былые споры эпохи дореволюционной сменились солидарностью по практическим вопросам. Подъем революционной волны отодвинул разногласия, заставив признать боевую тактику, устранив вопрос о Думе, поставив на очередь вопрос

о восстании, сблизив на непосредственной ближайшей работе социал-демократию и революционную буржуазную демократию. В «Северном Голосе» меньшевики вместе с большевиками звали к стачке и восстанию, звали рабочих не прекращать борьбы, пока власть не будет в их руках. Революционная обстановка подсказывала сама практические лозунги. Споры касались лишь деталей в оценке событий: «Начало», например, рассматривало Советы рабочих депутатов, как органы революционных самоуправлений, «Новая Жизнь», — как зачаточные органы революционной власти, соединявшие пролетариат и революционную демократию.

«Начало» склонялось к диктатуре пролетариата. «Новая Жизнь» стояла на точке зрения демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но разве таких и подобных разногласий внутри социал-демократии не показывает нам любой период в развитии любой европейской социалистической партии?

Нет, извращение дела господином Бланком, его вопиющее искажение истории вчерашнего дня объясняется тем и только тем, что перед нами образчик самодовольной буржуазной пошлости, которому периоды революционного вихря кажутся безумием («забыты все принципы», «сама мысль и простой разум почти исчезают»), а периоды подавления революции и мещанского «прогресса» (охраняемого Дубасовыми) кажутся эпохой разумной, сознательной и планомерной деятельности. Эта сравнительная оценка двух периодов (периода «вихря» и периода кадетского) красной нитью проходит через всю статью господина Бланка. Когда история человечества подвигается вперёд со скоростью локомотива, это — «вихрь», «поток», «исчезновение» всех «принципов и идей». Когда история движется с быстротой гужевого перевоза, это — сам разум и сама планомерность. Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью, начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории», — тогда буржуа чувствует страх и вопит, что «разум отступает на задний план» (не наоборот ли, о герои мещанства? не выступает ли в истории именно в такие моменты разум масс, а не разум отдельных личностей, не становится ли именно тогда массовый разум живой, действенной, а не кабинетной силой?). Когда непосредственное движение масс придавлено расстрелами, экзекуциями,

порками, безработицей и голодовкой, когда вылезают из щелей клопы содержимой на дубасовские деньги профессорской науки и начинают вершить дела *за* народ, *от имени масс*, продавая и предавая их интересы горсткам привилегированных, — тогда рыцарям мещанства кажется, что наступила эпоха успокоенного и спокойного прогресса, «наступила очередь мысли и разума». Буржуа всегда и везде верен себе: возьмёте ли вы «Полярную Звезду» или «Нашу Жизнь», прочтёте ли вы Струве или Бланка, везде одно и то же, везде эта ограниченная, профессорски-педантская, чиновнически-мертвенная оценка революционных и реформистских периодов. Первые — периоды безумия, *tolle Jahre*, исчезновение мысли и разума. Вторые — периоды «сознательной, систематической» деятельности.

Не перетолковывайте моих слов. Не говорите, что я веду речь о предпочтении господами Бланками тех или иных периодов. Дело вовсе не в предпочтении, — от нашего субъективного предпочтения не зависит смена исторических периодов. Дело в том, что *в анализе свойств* того или иного периода (совершенно независимо от нашего предпочтения или от наших симпатий) господа Бланки бессовестно *извращают правду*. Дело в том, что именно революционные периоды отличаются большей широтой, большим богатством, большей сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами мещанского, кадетского, реформистского прогресса. А господа Бланки изображают дело наыворот! Они убожество выдают за исторически-творческое богатство. Они бездеятельность задавленных или придавленных масс рассматривают, как торжество «систематичности» в деятельности чиновников, буржуев. Они кричат об исчезновении мысли и разума, когда вместо кромсания законопроектов всякими канцелярскими чинушами и либеральными *renny-a-liner*'ами (писакami, живущими с построчной платы) наступает период непосредственной политической деятельности «простонародья», которое попросту прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпается мысль и разум миллионов забытых людей, просыпается не для

чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества.

Посмотрите, как величественно рассуждает этот кадетский рыцарь: «Вихрь покружился и успокоился *на том же месте*». Да если живы ещё либеральные мещане, если не слопали их Дубасовы, то *именно благодаря этому вихрю*. «На том же месте» — говорите вы? Россия весной 1906 года на том же месте, что и в сентябре 1905 года?

Да в течение всего «кадетского» периода Дубасовы и Дурново тащат и *будут тащить Россию* «сознательно, планомерно и систематически» назад, чтобы вернуть её к сентябрю 1905 г., *но силы не хватает у них*, потому что во время вихря с быстротой локомотива двинул всю Россию вперёд пролетарий, железнодорожник, крестьянин, бунтующий солдат.

Если этот неразумный вихрь действительно успокоился, тогда кадетская Дума была бы осуждена на то, чтобы заниматься вопросами о лужении умывальников.

Но господин Бланк и не подозревает того, что вопрос о том, успокоился ли вихрь, есть самостоятельный и чисто научный вопрос, ответ на который предпринимает целый ряд вопросов тактики и без ответа на который, наоборот, нельзя сколько-нибудь осмысленно разобраться в вопросах современной тактики. Господин Бланк не на основании того или иного разбора данных и соображений пришёл к выводу об отсутствии теперь условий для движения в форме вихря (такой вывод, будь он обоснован, имел бы действительно коренное значение при определении тактики, ибо, повторяем, это определение непозволительно основывать на простом «предпочтении» того или иного пути), — нет, он прямо и просто выражает своё глубокое (и глубоко близорукое) убеждение, что иначе и быть не может. Господин Бланк смотрит на «вихрь» совершенно так же, собственно говоря, как смотрят на него господа Витте, Дурново, Бюловы и прочие чиновники-немцы, объявившие давно уже 1848 год «безумным годом». Не научное убеждение выражает господин Бланк словами об успокоении вихря, а филистерское недомыслие, для которого всякий вихрь и вихрь вообще есть «исчезновение мысли и разума».

«Социал-демократия вернулась к своему исходному пункту», — уверяет нас господин Бланк. Новая тактика меньшевиков

направляет русское социал-демократическое движение на тот путь, по которому движется вся международная социал-демократия.

Вы видите: парламентский путь господин Бланк объявляет почему-то «исходным пунктом» (хотя для России он не мог быть исходным пунктом социал-демократии). Парламентский путь господин Бланк считает, так сказать, нормальным, главным и даже исчерпывающим, единственным, исключительным путём международной социал-демократии. Господин Бланк и не подозревает, что в этом отношении он целиком повторяет буржуазное извращение социал-демократизма, преобладающее в немецкой либеральной печати и перенятое одно время бернштейниадой. Один из приёмов борьбы кажется либеральному буржуа единственным приёмом. Брентановское понимание рабочего движения и классовой борьбы сказывается здесь вполне. О том, что на парламентский путь европейская социал-демократия вступила и могла вступить лишь тогда, когда объективные условия сняли с исторического порядка дня вопрос о доведении до конца буржуазной революции, лишь тогда, когда парламентский строй стал действительно главной формой господства буржуазии и главной ареной социальной борьбы, господин Бланк и не подозревает. Он даже не задумывается над тем, есть ли в России парламент и парламентский строй, а уже решает безапелляционно: социал-демократия *вернулась* к своему исходному пункту. Буржуазный рассудок представляет себе *исключительно* неоконченные демократические революции (ибо в основе буржуазных *интересов* лежит недоедание революции до конца). Буржуазный рассудок чурается всяких непарламентских приёмов борьбы, всяких открытых выступлений масс, всякой революции в непосредственном значении слова. Буржуа инстинктивно спешит всякий поддельный парламентаризм объявить, провозгласить и принять за настоящий, чтобы положить конец «головокружительному вихрю» (опасному не только для головы многих слабоголовых буржуа, но и для их кармана). Вот почему научный и действительно важный вопрос о том, можно ли признать в России парламентский способ борьбы имеющим существенное значение и движение в форме «вихря» иссякшим, — этого вопроса господа кадеты даже и понять не в состоянии» И материальная, классовая подкладка этого непонимания вполне ясна: пусть поддержат кадетскую Думу мирной стачкой или иным выступлением, но только

бы не думали о серьёзной, решительной, истребительной борьбе, о восстании против самодержавия и монархии.

«Теперь снова наступила очередь мысли и разума», с восторгом говорит господин Бланк о периоде дубасовских побед. Знаете ли что, г. Бланк? Ведь в России не было эпохи, про которую бы до такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», как про эпоху Александра III! Право же так. Именно в эту эпоху старое русское народничество перестало быть одним мечтательным взглядом в будущее и дало обогатившие русскую общественную мысль исследования экономической действительности России. Именно в эту эпоху всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания. Да, мы, революционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов. Мы знаем, что форма общественного движения меняется, что периоды непосредственного политического творчества народных масс сменяются в истории периодами, когда царит внешнее спокойствие, когда молчат или спят (по-видимому, спят) забытые и задавленные каторжной работой и нуждой массы, когда революционируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования. Вот, ведь, и в Европе период после подавления революции 1848 года отличался небывалым экономическим прогрессом и работой мысли, которая создала хотя бы «Капитал» Маркса. Одним словом, «очередь мысли и разума» наступает иногда в исторические периоды человечества точно так же, как пребывание политического деятеля в тюрьме содействует его научным работам и занятиям.

Но в том-то и беда нашего буржуазного филистера, что он не сознает этого, так сказать, тюремного или дубасовского, характера своего замечания. Он не замечает коренного вопроса: подавлена ли русская революция или идёт к новому подъёму? изменилась ли форма общественного движения с революционной на приспособительную к дубасовщине? иссякли ли силы для «вихря» или нет? Буржуазный разум не ставит этих вопросов, потому что для него вообще революция есть неразумный вихрь, а реформа — очередь мысли и разума.

Посмотрите на его поучительнейшее рассуждение об организации. «Первым делом» мысли и разума, вещает он нам, «должно быть принятие предупредительных мер против повторения того, что произошло в первый период русской революции, в её Sturm-und-Drang-Zeit (период бури и натиска. *Ped.*), т. е. против разрушительных действий революционных потоков и ураганов. Единственным действительным средством для этого может быть только расширение и укрепление организации».

Вы видите: кадет мыслит дело так, что период урагана разрушал организации и организованность (смотри «Новое Время», то бишь, «Полярную Звезду» со статьями Струве против анархии, стихии, безвластности в революции и пр., и пр.), а период охраняемых Дубасовым мысли и разума есть период созидания организаций. Революция — худо, она разрушает, это — ураган, головокружительный вихрь. Реакция — добро, она созидает, это — попутный ветер и пора сознательной, планомерной, систематической деятельности.

И опять философ кадетской партии клеветает на революцию и выдаёт всю свою влюблённость в буржуазно-ограниченные формы и условия движения. Ураган разрушал организации! Какая вопиющая неправда! Назовите такой период в русской или всемирной истории, найдите такие шесть месяцев или шесть лет, когда бы для свободных самопроизвольных организаций народных масс было сделано столько, сколько в шесть недель русского революционного вихря, когда были забыты, по словам клеветников революции, все принципы и идеи, когда исчезли разум и мысль. Что такое была всеобщая всероссийская стачка? Это не организация, по-вашему? Она не зарегистрирована в полицейских книгах, она не постоянная организация, вы не хотите её считать. Возьмите политические организации. Знаете ли вы, что рабочий народ, серая масса, никогда не шла так охотно в политические организации, не увеличивала так гигантски состав политических союзов, не создавала самобытных полуполитических организаций вроде Советов рабочих депутатов? Но вы побаиваетесь политических организаций пролетариата. Вам, как истому брентанисту, кажутся более безопасными для буржуазии (и потому более солидными, более серьёзными) профессиональные организации. Возьмём профессиональные организации, и мы увидим, вопреки

всем филистерским сплетням об игнорировании их в революционный момент, что в России никогда не создавалось такой бездны профессиональных рабочих организаций, как в эти дни. Страницы социалистических, и именно социалистических газет, и «Новой Жизни», и «Начала» были переполнены сведениями о новых и новых профессиональных организациях. Такие отсталые слои пролетариата, которых в течение десятилетий едва удастся раскачать в периоде «планомерного и систематического» мещанского прогресса, вроде домашней прислуги, проявляли величайшую склонность и способность к организации. Возьмите Крестьянский союз. Теперь очень легко встретить кадета, который с величественным пренебрежением отзывается об этом союзе: что же, дескать, ведь это полуфиктивная организация! От неё теперь и следов не осталось! Да, господа, посмотрел бы я, много ли осталось бы от ваших кадетских организаций, если бы им пришлось бороться против карательных экспедиций, против бесчисленных деревенских Луженовских, Риманов, Филоновых, Аврамовых и Ждановых. Крестьянский союз рос со сказочной быстротой в период революционного вихря. Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предубеждений, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям крестьянина (как податливы к ним и наши социалисты-революционеры), но безусловно «почвенная», реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы, не суживавшая, а расширявшая размах политического творчества крестьянства, выдвигавшая на сцену самих крестьян с их ненавистью к чиновникам и помещикам, а не полуинтеллигентов, которые так часто бывают склонны сочинять всякие проекты сделок между революционным крестьянством и либеральными помещиками. Нет, входящем пренебрежении к Крестьянскому союзу сказывается больше всего филистерски-буржуазная ограниченность кадетов, не верящего в революционную самостоятельность народа и боящегося такой самостоятельности. Крестьянский союз в дни свободы был одной из самых могучих реальностей, и можно с уверенностью предсказать, что если Луженовские и Риманы не перебудут ещё десятков тысяч передовой крестьянской молодёжи, если повеет ещё сколько-нибудь свободным ветром, этот союз будет расти

не по дням, а по часам, он будет организацией, по сравнению с которой пылинкой покажутся нынешние кадетские комитеты.

Конечно, Крестьянский союз таит тоже в себе элементы распада, как организация не классовая. Чем ближе победа крестьянского восстания и чем полнее будет эта победа, тем ближе будет и распадение этого союза. Но до победы крестьянского восстания и для такой победы Крестьянский союз есть могучая и жизненная организация. Её роль будет исчерпана полной победой буржуазно-демократической революции, тогда как роль пролетарских организаций именно тогда будет особенно важна и особенно жизненна в борьбе за социализм, а роль кадетских организаций состоит в том, чтобы тормозить полную победу буржуазной революции, чтобы блистать в подготовительные периоды этой революции, периоды упадка, застоя, дубасовского господства. Другими словами: крестьянство победит в буржуазно-демократической революции и этим исчерпает свою революционность, как крестьянство, окончательно. Пролетариат победит в буржуазно-демократической революции и этим только и развернёт настоящим образом свою истинную, социалистическую революционность. А кадетская мелкая буржуазия исчерпает свою оппозиционность вместе с тем, как исчерпают себя завтра же конституционные иллюзии.

Резюмируем: организаторское творчество народа, особенно пролетариата, а затем и крестьянства, проявляется в периоды революционных вихрей в миллионы раз сильнее, богаче, продуктивнее, чем в периоды так называемого спокойного (гужевого) исторического прогресса. Обратное мнение господ Бланков есть буржуазно-чиновничье искажение истории. Доброму буржуа и честному чиновнику кажутся «настоящими» организациями только такие, которые хорошенечко зарегистрированы в полицейских книгах и сообразованы тщательно со всякими «временными правилами». Без временных правил он не может себе мыслить планомерности и систематичности. Не надо поэтому обманываться насчёт истинного значения звонких слов кадета, когда он говорит о романтическом презрении к легальности и аристократическом пренебрежении к экономике. Действительное значение этих слов одно: буржуазно-оппортунистическая боязнь перед революционной самодеятельностью народа.

Наконец, рассмотрим последний пункт в кадетской «теории» г. Бланка: отношение рабочей и буржуазной демократии. Рассуждения господина Бланка на эту тему заслуживают громадного внимания социал-демократии, ибо это — образчик того, как

при помощи ссылок на Маркса извращают Маркса. Точь-в-точь так, как Брентано, Зомбарты, Бернштейны и К^о подменяли марксизм брентанизмом, употребляя терминологию Маркса, ссылаясь на отдельные утверждения Маркса, подделываясь под марксизм, — точь-в-точь так и наши кадеты занимаются «тонкой работой» подделки Маркса в вопросе об отношении рабочей и буржуазной демократии.

Без координирования действий рабочей и буржуазной демократии невозможен успех буржуазной демократической революции. Святая истина. Безусловная истина. Вам кажется, господа Бланки, Изгоевы и К^о, что революционеры социал-демократы забывали это особенно в дни «вихря»? Вы ошибаетесь или сознательно подменяете понятие *революционной буржуазной* демократии понятием буржуазной демократии вообще, — в том числе и монархически-либеральной, — в том числе и оппортунистической, даже главным образом монархически-либеральной. Возьмите «Новую Жизнь» и вы увидите, что о совместном действии, о боевом соглашении рабочей демократии с революционно-буржуазной демократией там говорится *чуть не в каждом номере*. О значении Крестьянского союза и крестьянского движения там говорится в самых сильных выражениях. Вопреки кадетским сказкам о нетерпимости и узком доктринёрстве марксистов, там вполне признается значение *беспартийных* союзов и организаций, (см. статью «Социалистическая партия и беспартийная революционность» в этом же томе. *Ред.*) но только именно беспартийно-*революционных* организаций. Вот в чём гвоздь вопроса, искусно затушёвываемый нашими брентанистами в политике: *какие именно* элементы буржуазной демократии способны доводить буржуазно-демократическую революцию до конца, когда эта революция находится, так сказать, на половине своего пути. Те ли элементы, которые принимают монархически-либеральную программу, погрязают целиком в конституционных иллюзиях и обливают революционные периоды, революционные приёмы исторического творчества слюной своего филистерского негодования, осуждения, сожаления? Или те, которые принимают программу полной победы крестьянского восстания (вместо сделки крестьян с помещиками), полной победы демократии (вместо сделки демократической нижней палаты с верхней палатой

и монархией)? Думали ли вы когда-нибудь об этом вопросе, господ Бланки и Изгоевы? С буржуазно-демократическими *соглашателями* надо нам «бить вместе» в настоящее время, или с буржуазно-демократическими *революционерами*?

Не слышали ли вы о том, почтенные любители цитировать и извращать Маркса, как беспощадно бичевал он буржуазно-демократических соглашателей в Германии в 1848 году? А ведь эти соглашатели сидели не в мизерной Государственной думе, а в Национальном собрании, — они были демократами, гораздо более «решительными» (на словах), чем наши кадеты.

См. Ф. Энгельс. «Маркс и «Новая Рейнская Газета» (1848–1849)»; Ф. Энгельс. «Революция и контрреволюция в Германии. VII. Франкфуртское национальное собрание». К. Маркс и Ф. Энгельс. Статьи из «Neue Rheinische Zeitung» 1 июня — 7 ноября 1848. *Ред.*

И те же самые Маркс и Энгельс лет пятнадцать спустя, в эпоху прусского «конституционного конфликта», советовали рабочей партии поддерживать буржуазных демократов-прогрессистов, которые были ничуть не лучше, чем франкфуртские демократы. По-вашему, это противоречие и непоследовательность Маркса и Энгельса? По-вашему, это доказательство того, как у них во время «революционного вихря» тоже почти исчезли «мысль и разум» (такого взгляда держится большинство бернштейнианцев и кадетов)? На самом деле тут нет никакого противоречия: в период революционной борьбы Маркс бичевал всего сильнее конституционные иллюзии и конституционных соглашателей. Когда все силы революционного «вихря» были исчерпаны, когда не могло быть уже никаких сомнений в том, что немецкие кадеты окончательно предали революцию, когда восстания были безусловно и решительно подавлены и экономическое процветание делало повторение их безнадёжным, — тогда и *только тогда* (Маркс и Энгельс не отличались малодушием и упадком веры в восстание после первого же поражения!), только тогда они признали главной формой борьбы парламентскую. В парламенте, раз вы туда вошли, не только можно, но и должно, при известных условиях, поддерживать перебежчика Изгоева против Шипова, Шипова против Дурново. В борьбе *за* действительный парламентаризм нет иногда ничего опаснее кадетских «соглашателей».

Если вы хотите сослаться на Маркса, господа, попробуйте доказать, что наша Дума есть уже орган господства буржуазии в свободной России, а не фиговый листок самодержавия. Вы скажете, что второе может перерасти в первое рядом маленьких изменений, и что кадетские выборы есть именно такое, даже не маленькое, а большое «перерастание».

Хорошо. Но ведь этим вы только отодвигаете вопрос, а не решаете его. Ну, а сейчас, теперешняя Дума переросла уже настолько свои рамки, что может быть органом власти? Те из вас, кто думает так и старается заставить народ думать так, те из вас прямо распространяют вреднейшие конституционные иллюзии, те из вас прямо контрреволюционеры. Те же, кто допускает вероятность того, что «Дурново остаётся, чтобы разогнать Думу» («Русь» и «Молва»), или кто понимает, что без вне-«парламентского», революционного натиска ничто ещё не обеспечено (П. Миллюков), те сами обнаруживают шаткость своей позиции. Своими признаниями они показывают ясно, что политика кадетов есть *политика минуты*, а не политика серьёзной защиты *прочных* и основных интересов революции. Эти признания показывают, что от кадетов во время развязки назревающего теперь *нового революционного кризиса* отпадёт целая масса революционных буржуазно-демократических элементов, которых издевательство господ Дурново над Думой толкнёт на баррикады. Значит, вся разница только в том, что вы хотите этот неизбежный новый бой *ограничить*, связать, *сузить* задачей поддержки кадетской Думы, а мы хотим направить все помыслы, все усилия, всю нашу агитационную, пропагандистскую и организационную работу к тому, чтобы расширить размах этого боя за пределы кадетских программ, расширить его до полного свержения самодержавия, до полной победы крестьянского восстания, до созыва революционным путём всенародного учредительного собрания.

Вам кажется, что у нас нет никакой революционной буржуазной демократии в России, что кадеты единственная или, по крайней мере, главная сила буржуазной демократии в России. Но это вам кажется только потому, что вы близоруки, что вы удовлетворяетесь поверхностным наблюдением политических явлений, что вы не видите и не понимаете «сущности конституции». Политики сегодняшнего дня, вы являетесь типичнейшими оппортунистами,

ибо за минутными интересами демократии не видите более глубоких и коренных интересов её, за минутными задачами забываете завтрашние, и более серьёзные задачи, за вывеской не видите содержания. Революционная буржуазная демократия в России есть, её не может не быть, пока есть революционное крестьянство, миллиардами нитей связанное и с городской беднотой. Эта демократия притаилась *исключительно* благодаря работе Риманов и Луженевских. И завтрашний день неминуемо разоблачит кадетские иллюзии. Либо режим репрессий останется по-старому, Риманы и Луженевские будут «дело делать», кадетская Дума будет болтать, — тогда мизерность этой Думы и мизерность господствующей в ней партии станут ясны сразу громадным массам населения. Наступит острый взрыв, в котором будут участвовать, конечно, не кадеты, как партия, а именно такие элементы населения, которые составляют революционную демократию. Либо режим репрессий ослабнет, правительство сделает некоторые уступки, кадетская Дума, разумеется, начнёт таять от первых же уступок и примиряться не то, что на Шипове, а может быть и на чём-нибудь ещё похуже. Контрреволюционная натура кадетов (выступившая в дни «вихря» особенно ярко и сказывающаяся постоянно в их литературе) проявится всюду. Но *первое* же дуновение свободного ветерка, первое ослабление репрессий начнёт снова *неминуемо* вызывать к жизни сотни и тысячи организаций, союзов, групп, кружков, предприятий революционно-демократического характера. А это явление столь же неминуемо поведёт опять к «вихрю», к повторению октябрьско-декабрьской борьбы, только в неизмеримо более широком масштабе. Кадеты, блистающие ныне, опять ступают тогда. Почему? Потому что черви водятся около трупов, а не около живых людей.

Иными словами, кадеты могут, как сказал бы Дурново, «разлакомить» окончательно народ насчёт «народной свободы», но они ни в каком случае, безусловно не могут провести действительной борьбы за действительную народную свободу, без кавычек, без соглашения свободы с самодержавием. Эту борьбу неминуемо придётся ещё вести, а поведут её другие партии, другие социальные элементы, а не кадеты. Понятно отсюда, что революционная социал-демократия нисколько не завидует успехам кадетов и продолжает всё внимание направлять на эту предстоящую действительную, а не бутафорскую борьбу.

Господин Бланк цитирует слова Маркса о высоком значении буржуазной демократии. Чтобы выразить действительное мнение Маркса, следовало бы добавить: и *высокопредательское значение*. Маркс тысячи раз говорил об этом в разных местах разных своих произведений. Тов. Плеханов, склоняющийся к брентанизму в теперешней политике, забыл об этих указаниях Маркса. Тов. Плеханов не догадывается даже, чему может изменять либеральная демократия. Ответ очень прост, товарищ Плеханов: партия «народной свободы» изменяла и будет изменять народной свободе.

Господин Бланк поучает нас, что не нужно толкать буржуазную демократию «в реакцию, в контрреволюцию». Мы спросим этого мудрого кадета: хотите вы взять мир идей, теорий, программ, тактических линий? или мир материальных классовых интересов? Возьмём и то и другое. Кто толкнул в контрреволюцию вашего друга, г-на Струве, и когда? Господин Струве был контрреволюционером в 1894 году, когда делал брентановские оговорки к марксизму в своих «Критических заметках». И, несмотря на усилия некоторых из нас «толкнуть» его от брентанизма к марксизму, господин Струве ушёл окончательно к брентанизму. И *контрреволюционные* нотки *никогда* не исчезали со страниц «Освобождения», *нелегального* «Освобождения». Что же это, случайность? Случайность то, что как раз эпоха «вихря», эпоха революционной самостоятельности народа побудила господина Струве создать образцовый орган реакционного брюзжания: «Полярную Звезду»?

Кто толкает вообще мелкого производителя в товарном хозяйстве на сторону реакции и контрреволюции? Его положение между буржуазией и пролетариатом в капиталистическом обществе. Мелкий буржуа неминуемо и неизбежно, во всех странах и при всяких политических комбинациях, колеблется между революцией и контрреволюцией. Он хочет освободить себя от гнёта капитала и укрепить своё положение как мелкого собственника. Такая задача по существу неразрешима, и колебания мелкого буржуа по существу самого устройства современного общества неизбежны и неустранимы. Поэтому только идеологи мелкой буржуазии и могут воображать, что *мыслимы* такие проявления революционной самостоятельности рабочих или восстающих против помещичьего землевладения крестьян, которые бы *не толкали*

известной части буржуазной демократии в реакцию. Только рыцари мещанства могут жалеть об этом.

Неужели господа Бланки и Изгоевы (или товарищ Плеханов) воображают, например, что возможна *полная* победа крестьянского восстания, полное «*отобрание земли*» (плехановский лозунг) у помещиков без вознаграждения, которые бы не толкнули в контрреволюцию трёх пятых кадетской «буржуазной демократии»? Не начать ли нам поэтому торговаться с кадетами о «разумной» крестьянской программе, — как вы думаете, товарищ Плеханов? как вы полагаете, господа Бланки и Изгоевы?

И теперь финал политических рассуждений нашего кадета: *если буржуазная демократия в настоящий момент против вооружённого восстания, то о нём не может и не должно быть и речи.*

В этих словах выражены вся суть и весь смысл кадетской политики: подчинить пролетариат кадетам, взять его на буксир в основном вопросе его политического поведения и его политической борьбы. На это нечего закрывать себе глаз. Господин Бланк отводит глаза довольно умело: он говорит не о кадетам, а о буржуазной демократии вообще. Он говорит о «настоящем моменте», а не о восстании вообще. Но только ребёнок мог бы заблуждаться насчёт того, что это именно отвод глаз и что истинный смысл бланковского вывода есть именно указанный нами: мы показали уже на ряде примеров, что господин Бланк (как и все кадеты) систематически игнорирует более левую буржуазную демократию, чем кадетскую, что он сообразно всей своей позиции защитника конституционных иллюзий отождествляет кадетов с буржуазной демократией, игнорирует революционную буржуазную демократию. Нам остаётся только показать, что кадеты вообще против вооружённого восстания, а не только против неудачного выбора «момента» (то и другое удивительно часто смешивают, и кадетам особенно выгодно это смешивать, прикрывать своё отрицание восстания рассуждениями о моменте его). Показать это нет ничего легче: достаточно сослаться на *нелегальное* «Освобождение», где господин Струве весной и летом 1905 года, после 9-го января и до 9-го октября, ратовал против вооружённого восстания, доказывая, что проповедь его «*безумна и преступна*». События достаточно опровергли этого контрреволюционера. События показали,

что только предвиденное марксистами и выставленное ими, как лозунг, *сочетание всеобщей стачки с вооружённым восстанием* и завоевало России признание свободы и начатки конституционализма. Только совершенно единичные, не имеющие сторонников в России, социал-демократы (вроде Плеханова) малодушно говорили о декабрьском восстании: «не нужно было браться за оружие». Напротив, громадное большинство с.-д. согласны в том, что восстание было необходимым отпором отнятию свобод, что оно подняло всё движение на высшую ступень и доказало возможность борьбы с войском. Последнее обстоятельство признал и такой беспристрастный, не увлекающийся и осторожный свидетель, как Каутский.

Посмотрите же теперь, к чему сводится мораль господ Бланков: пролетариат не должен думать о восстании, если кадетская партия (которая никогда не была революционной) не сочувствует восстанию (хотя она и в данный и *во все иные* моменты против восстания). Нет, господин Бланк! Пролетариат непременно будет считаться с буржуазной демократией и в вопросе о восстании вообще и в вопросе о моменте восстания в особенности, — но только именно *не* с кадетской, *а* с революционной буржуазной демократией; — не с либерально-монархическими, а с революционно-республиканскими течениями и партиями; — не с удовлетворяющимися игрушечным парламентом говорунами, а с крестьянской массой (тоже буржуазная демократия), которая иным образом определяет своё отношение к восстанию, чем кадеты.

«Кадеты — против восстания». Да они никогда не были и никогда не могут быть за него. Они боятся его. Они наивно воображают, что от их желания — от желания промежуточных, стоящих в стороне от самой острой и непосредственной борьбы элементов — *зависит* решение вопроса о восстании. Какое заблуждение! Самодержавие готовится к гражданской войне и готовит её именно теперь особенно систематически. В связи с Думой зреет новый, гораздо более широкий и глубокий, политический кризис. И крестьянская масса и пролетариат сохраняют ещё в своих недрах массу боевых элементов, которые бесповоротно требуют народной свободы, а не сделок, урезающих народную свободу. Разве от воли той или иной партии зависит при таких условиях, будет или не будет восстание?

Подобно тому, как западноевропейский помещик накануне социалистической революции мечтает о притуплении классовых противоречий буржуазии и пролетариата, призывает последний не толкать в реакцию представителей первой, высказывается за социальный мир и с чувством глубокого нравственного негодования отвергает ненаучную, узкую, заговорщическую, анархическую и пр. идею катастрофы, — подобно этому русский помещик на полдороге нашей буржуазно-демократической революции мечтает о притуплении противоречия между самодержавием и народной свободой, призывает революционеров, т. е. всех решительных и последовательных сторонников этой последней, не толкать в реакцию либеральной буржуазии, высказывается за конституционный путь и с чувством истинного, философским идеализмом подкреплённого негодования отвергает ненаучную, узкую, заговорщическую, анархическую и пр. идею восстания. Западноевропейскому помещику сознательный рабочий говорит: катастрофа будет зависеть не от промежуточных элементов, а от обострения крайностей. Русскому помещику (а кадет есть идеальный помещик в политике) сознательный рабочий говорит: восстание зависит не от воли либералов, а от действий самодержавия и от роста сознания и негодования в революционном крестьянстве и пролетариате. Западные помещики говорят пролетариату: не отталкивай от себя мелкого крестьянина и вообще мелкой буржуазии, просвещённой, социал-либеральной, реформаторской, не изолируй себя, это только реакция хочет изолировать тебя. Пролетарий отвечает: от соглашателей буржуазии с пролетариатом я должен изолировать себя в интересах всего трудящегося человечества, ибо эти соглашатели советуют мне разоружиться, ибо они оказывают самое вредное, немедленно и практически вредное, влияние на сознание угнетённого класса своей проповедью соглашения, притупления и т. д. Но от всей той громадной массы мелких буржуа, трудящейся массы, которая способна встать на точку зрения пролетариата, не мечтать о соглашении, не увлекаться укреплением мелкого хозяйства в капиталистическом обществе, не отказываться от борьбы против самого капиталистического строя, от этой массы я себя не изолирую.

В другой обстановке, в иной исторический период, в канун (и даже не в канун, а посередине) буржуазно-демократической,

а не социалистической революции, аналогичное происходит и в России. Мещанин говорит пролетарию: реакция хочет изолировать тебя, ты должен изолировать реакцию, не отталкивай же от себя кадета, просвещённого, политически-либерального, желающего реформ кадета. Пролетарий отвечает: от соглашателей самодержавия с народным представительством я должен изолировать себя в интересах действительной борьбы за действительную свободу, ибо эти соглашатели советуют нам разоружиться, они затемняют гражданское сознание народа своей проповедью «политического мира» и конституционных иллюзий. Но эти соглашатели, все эти кадеты, вовсе не народ, вовсе не масса, вовсе не сила, как кажется поддающимся настроению минуты и впечатлениям минуты людям, кричащим ныне об опасности изолированности пролетариата. Действительная масса, это — революционное крестьянство, это настоящая беднота городского населения. И от этой массы я не изолирую себя, её я зову к освобождению себя от конституционных иллюзий, зову к настоящей борьбе, зову к восстанию. С настроением и ходом развития сознания *этой* массы (отнюдь не кадетских соглашателей) я буду считаться самым серьёзным образом при определении момента восстания, но ради успеха минуты, ради мишурного блеска кадетского парламентаризма (или дубасовского парламентаризма, вернее, пожалуй, будет сказать) я не забуду ни на минуту о назревающей очень быстро, о предстоящей, вероятно, в недалёком будущем революционной борьбе с самодержавием.

Было время недавно, — в Европе блистал, шумел, навязывал свои союзы и соглашения пролетариату социал-либерал, мелкий буржуа-соглашатель. Интеллигентское крыло социал-демократических партий поддалось на удочку, прельстилось политикой минуты, создало пресловутую бернштейниаду и т. п. Прошёл год-другой, туман «социального мира» рассеялся окончательно, и правильность позиции последовательно стоявшего на пролетарской точке зрения революционного крыла социал-демократии выяснилась вполне.

У нас теперь в России всем кружат головы кадетские победы и будущая кадетская Дума. Есть опасность, что интеллигентское крыло нашей партии увлечётся этим блеском, увлечётся

избирательными блоками с к.-д., идеей поддержки их, политикой «тактичного отношения» к кадетам, не захочет ясно и отчётливо определить с пролетарской точки зрения мелкобуржуазной классовой природы этой партии, вреда её конституционных иллюзий, злободневной опасности её тактики «соглашения». Пройдут — даже не годы, а может быть месяцы, и туман рассеется, взгляды революционной социал-демократии подтвердит действительность, страницы кадетских газет и журналов перестанут пестреть обидными для пролетариата, свидетельствующими о некоей болезни внутри социал-демократии, хвалами по адресу некоторых социал-демократов.

VI

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря о взглядах господина Бланка, этого типичнейшего выразителя кадетской политики, мы не касались почти совершенно взглядов товарищей меньшевиков. Но выводы относительно их позиции вытекают из сказанного сами собою. Усердные хвалы, расточаемые им кадетами, уже намекают на некоторую ошибку, которую они делают. Кадетская печать — чуть ли не девять десятых всей политической печати России в настоящее время, и если вся эта буржуазная печать начинает хвалить, систематически и постоянно, сегодня Плеханова, завтра Потресова («Наша Жизнь»), послезавтра резолюцию всех меньшевиков, — это уже верный, хотя, разумеется, косвенный признак того, что товарищи меньшевики делают или собираются сделать некоторую ошибку. Не может быть, чтобы общественное мнение всей буржуазной печати резко расходилось с классовым инстинктом буржуазии, которая очень чутка к тому, куда ветер дует.

Но, повторяем, это лишь косвенный признак. Предыдущее изложение приводит и к прямой формулировке тех ошибок, которые намечаются в проектах меньшевистских резолюций. Здесь не место разбирать подробно эти резолюции, — мы можем отметить лишь вкратце самое главное в связи с вопросом о «победах кадетов и задачах рабочей партии».

Ошибка меньшевиков — та, что они не формулируют вовсе, они, по-видимому, даже забывают вовсе такую существенную политическую задачу сознательного социал-демократического пролетариата в данный момент, как борьбу с конституционными иллюзиями. Социалистический пролетариат, строго соблюдающий классовую точку зрения, неуклонно применяющий материалистическое понимание истории к оценке современности, враждебный всяким мелкобуржуазным софизмам и обманам, не может в такое время, какое переживается теперь Россией, игнорировать этой задачи. Игнорируя её, он перестанет быть передовым борцом за всю народную свободу, борцом, стоящим выше буржуазно-демократической ограниченности. Игнорируя её, он будет беспомощно плестись в хвосте событий, которые делают теперь именно эти конституционные иллюзии таким же орудием буржуазного развращения пролетариата, как теория «социального мира» была недавно в Европе главным орудием буржуазного отвлечения рабочих от социализма.

Конституционные иллюзии, это — целый период русской революции, естественно наступивший после подавления *первого* вооружённого восстания (за ним последует ещё второе) и после выборных побед кадетов. Конституционные иллюзии, это политически-оппортунистический и буржуазный яд, который теперь миллионы экземпляров кадетской печати вливают в народные мозги, пользуясь вынужденным молчанием социалистических газет. Вот перед нами газета «Товарищ», орган кадетов, идущих в «народ» и специально в рабочий класс. В первом номере поётся дифирамб кадетам: «В программе своей она (партия к.-д.) обещает (... гм! гм! обе-ща-ет!)... защищать интересы крестьян (по-кауфмановски?) и рабочих (ну, конечно!) и политические права всех русских граждан без различия. Если она получит большинство голосов в Государственной думе, то нынешнее правительство, причинившее столько зла народу, должно будет уйти, и государством будут управлять новые люди (Муравьевы вместо Витте?), *которые будут слушаться голоса народа*». Да, да... Слушаться голоса народа!.. Красиво пишут кадеты!

Мы уверены, что не найдётся ни одного социалиста, который бы не был возмущён этой беспардонной буржуазной ложью, который бы не признавал всецело и безусловно необходимости самой

энергичной борьбы против этого буржуазного развращения рабочего класса, — развращения тем более опасного, что у кадетов бездна газет в руках, а у нас, несмотря на бесконечный ряд попыток наладить самую умеренную, самую воздержанную и самую скромную социалистическую газету, нет ни одной.

И далее. Нельзя не согласиться, что эта буржуазная ложь, это затемнение революционного сознания народа имеет характер совсем не случайных выходов, а целого похода. Более того. Кадетская Дума (если Дума будет кадетской) является, так сказать, живым воплощением конституционных иллюзий, очагом их, фокусом всех тех сторон политической жизни, которые наиболее бросаются в глаза (и которые поверхностному, идеалистическому взгляду мелкого буржуа кажутся сущностью или хотя бы главным явлением современной политической жизни). Перед нами не только систематический поход всей буржуазной прессы, всех буржуазных идеологов, стремящихся взять на буксир пролетариат, — перед нами всероссийское представительное учреждение, обладающее всем ореолом первого, извините за выражение, «парламента» и долженствующее закрепить это превращение рабочего класса в придаток партии кадетов. Вспомните вышеприведённое мнение «сфер»: хорошо-де было бы, если бы кадеты в Думе вызвали доверие общества к Думе и сосредоточили все общественные надежды на Думе. Дума должна быть оттяжным пластырем от революции, — в этом, в сущности, сходятся наши кадеты с Дурново и Дубасовыми. Это факт. «Полярная Звезда» особенно наглядно показала это. Лучше планомерные и систематические реформы, чем революционный вихрь, в котором исчезают мысль и разум, — говорят Бланки. Лучше торговаться в Думе с кадетами, чем драться с ненадёжным войском против рабочих и крестьян, говорят Дурново и Дубасовы. *Les beaux esprits se rencontrent*. Рыбак рыбака видит издалека.

Про нас все говорят, что мы клеветаем на либералов. Нас называли клеветниками, когда мы ещё в «Заре» и старой «Искре» встретили первые номера «Освобождения» «в штыхы». Клеветы оказались марксистским анализом буржуазной идеологии, который всецело подтверждён действительностью. Мы не удивимся поэтому и не опечалимся, если нас обвинят теперь в оклеветании партии «народной свободы».

Каждая политическая эпоха выдвигает перед социал-демократией, как представительницей единственного до конца революционного класса, особую специфическую задачу, которая становится на очередь дня и которая всегда затемняется, так или иначе отодвигается на задний план оппортунистическими слоями буржуазной демократии. В настоящее время такой специфической политической задачей момента, которую может выполнить только революционная социал-демократия и которую она обязана выполнить, если не хочет изменить прочным, коренным, существенным интересам пролетариата, — такой задачей является борьба с конституционными иллюзиями. Мелкобуржуазные оппортунисты всегда удовлетворяются минутой, блеском последней новинки, минутой «прогресса», — мы должны смотреть дальше и глубже, показывать в этом прогрессе сейчас же и немедленно те стороны его, которые являются основой и залогом *регресса*, которые выражают односторонность, узость, непрочность достигнутого и вызывают необходимость *дальнейшей борьбы в иных формах, при иных условиях*.

Чем решительнее победа кадетов и оппозиции вообще на выборах, чем вероятнее и ближе кадетская Дума, — тем опаснее становятся конституционные иллюзии, тем острее чувствуется противоречие между полным сохранением и даже усилением реакционной политики по-прежнему держащего всю власть в руках самодержавия и «народным» представительством. Противоречие это с громадной быстротой создаёт новый революционный кризис, неизмеримо более широкий и глубокий, более сознательный и острый, чем все предыдущие. Мы переживаем в 1906 году, поистине, *репродукцию* революции, по удачному выражению какого-то социал-демократа. История 1905 года как бы повторяется, начиная опять сначала, с полновластного самодержавия, продолжая общественным возбуждением и оппозиционным движением невиданной силы, охватывающим всю страну, кончая... кто знает чем?.. может быть, «репродукцией» летней (1905 года) депутации к царю либералов в виде адреса или резолюции кадетской Думы, — может быть, «репродукцией» осеннего подъёма 1905 г. Смешно было бы пытаться предугадать точные формы и даты будущих шагов революции. Важно иметь в виду несравненно больший размах движения, больший политический опыт

всего народа. Важно не забывать, что грядёт именно *революционный*, отнюдь не парламентский кризис. «Парламентская» борьба в Думе есть небольшой этап; это — действительно маленькая железнодорожная станция: «Кадетская платформа» по дороге от конституции к революции. Борьба в Думе *не может* решить судьбы народной свободы в силу основных особенностей теперешнего социально-политического момента, она не может быть *главной* формой борьбы, ибо этого «парламента» заведомо не признают *обе* воюющие стороны, ни Дурново, Дубасовы и К^о, ни пролетариат и крестьянство.

И социал-демократия должна поэтому, учитывая все конкретные особенности данного исторического момента, признать решительно и внедрить систематически в умы рабочих и сознательных крестьян, что главной формой общественного движения в современной России остаётся по-прежнему непосредственно-революционное движение широких народных масс, ломающих старые законы, уничтожающих органы угнетения народа, завоёвывающих политическую власть, творящих новое право. Дума, созванная Дубасовыми и Дурново и охраняемая сими почтенными мужами, сыграет огромную роль в движении, но ни в каком случае не изменит главной формы его. Обратное мнение, теперь уже выдвинутое и распространяемое кадетами, есть обман народа, есть мелкобуржуазная филистерская утопия.

А в связи с этим стоит вопрос о буржуазной демократии и её поддержке пролетариатом. И в этой области резолюции меньшевиков частью недостаточны, частью ошибочны. Кадеты из кожи лезут, стараясь отождествить свою партию с буржуазной демократией вообще, стараясь выставить свою партию главной представительницей буржуазной демократии. Это величайшая ложь. И всякая неясность в определении социал-демократами понятия «буржуазная демократия» играет на руку этой лжи. Конкретную политическую задачу поддержки буржуазной демократии мы обязаны решить на основании вполне определённого учёта конкретных направлений, течений, партий внутри буржуазной демократии. И основная задача момента в этом отношении состоит именно в том, чтобы отделить революционную буржуазную демократию, то есть такую, которая, хотя бы она и была не вполне сознательна политически, с рядом предрассудков и пр., способна

на решительную и бесповоротную борьбу против всех остатков крепостнической России, — отделить такую буржуазную демократию от либерально-монархической, оппортунистической буржуазной демократии, способной на всякие сделки с реакцией и выдвигающей в каждый критический момент свои контрреволюционные стремления. Наличие чрезвычайно широких слоёв революционной демократии в России не подлежит сомнению: её неорганизованность, её беспартийность, её придавленность теперешними репрессиями может вводить в заблуждение лишь самых невнимательных и невдумчивых наблюдателей. С этой и только этой демократией мы должны теперь «врозь идти, вместе бить» в целях доведения до конца демократической революции, разоблачая самым беспощадным образом ненадёжность «главенствующей» ныне кадетской партии.

И ставя себе целью доведение до конца демократической революции, партия социалистического пролетариата должна не только суметь разоблачить всегда всякие конституционные иллюзии, не только выделить из всей буржуазной демократии способные на борьбу элементы, но также и определить точно и прямо, выставить ясно перед массой условия этой решительной победы революции, показать массе и раскрыть во всей своей пропаганде и агитации, в чём именно должна состоять эта решительная победа революции. Если мы не сделаем этого (а этого не сделали товарищи-меньшевики в своих резолюциях), то наши слова о «доведении революции до конца» останутся пустыми и голыми словами.

Господин Бланк поминает в своей статье французскую «социал-демократию» 1848–1849 годов. Почтеннейший кадет не понимает, что пишет карикатуру на себя. Ведь именно кадеты повторяют теперь ошибки французских «социал-демократов», которые в сущности вовсе не были социал-демократами, т. е. марксистами. Они не были классовой партией рабочих, а настоящей мелкобуржуазной партией; они были насквозь пропитаны конституционными иллюзиями и верой в «парламентарные» способы борьбы при всяких, даже революционных условиях. Именно поэтому они и потерпели, несмотря на ряд ошеломляющих, чисто «кадетских» парламентских успехов, то позорное фиаско, которое так высмеивал Маркс.

И нашей партии, если бы она неосмотрительно пошла на всяческие избирательные блоки, соглашения, сделки с кадетами, — если бы она оставила в тени задачу борьбы с конституционными иллюзиями, — если бы она, ища сближения с буржуазной демократией, отождествила с этой последней её оппортунистическое крыло, т. е. кадетов, — если бы она забыла о необходимости серьёзно готовиться к внепарламентским способам борьбы в эпоху, подобную переживаемой нами, — и нашей партии грозила бы серьёзная опасность повторить печальную судьбу французской мелкобуржуазной квази-социал-демократии 1848–1849 годов.

Нам нет основания завидовать успехам кадетов. Мелкобуржуазные иллюзии и вера в Думу довольно сильны ещё в народе. Они должны быть изжиты. Чем полнее будет торжество кадетов в Думе, тем скорее они будут изжиты. Приветствуем успехи жирондистов великой российской революции! За ними поднимется более широкая народная масса, выдвинутся более энергичные и революционные слои, — они сплотятся вокруг пролетариата, — они доведут до полной победы нашу великую буржуазную революцию, — они откроют эпоху социалистического переворота на Западе.

28 марта 1906 г.

Написано 24–28 марта (6–10 апреля) 1906 г.

Напечатано в апреле 1906 г.

отдельной брошюрой в изд. «Наша Мысль»

*Вычитал: Хорошко Павел Алексеевич, диспетчер
Проверил: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь*

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД РСДРП

10–25 АПРЕЛЯ (23 АПРЕЛЯ — 8 МАЯ) 1906 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ОТЧЁТНОСТИ МАНДАТНОЙ КОМИССИИ СЪЕЗДУ

Съезд вменяет в обязанность мандатной комиссии вести отчёты, из которых было бы видно, какими мотивами руководилась организация при выборах на съезд и какой критерий был применён при определении членства партии.

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ

Я выставляю два основных тезиса: 1) муниципализации никогда не захотят крестьяне; 2) муниципализация без демократической республики, без обеспеченного полностью самодержавия народа, без выборности чиновников вредна. Развивая эти тезисы, я остановлюсь сначала на более серьёзных возражениях против национализации. Несомненно, таким, наиболее серьёзным возражением, является возражение, сделанное тов. Плехановым. Тов. Плеханов говорил буквально, я записал его слова: «мы ни в коем случае не можем стоять за национализацию». Это ошибка. Я берусь утверждать, что если у нас осуществится на самом деле крестьянская революция и если политический переворот, сопровождающий её, дойдёт до создания действительно демократической республики, то тов. Плеханов сочтёт возможным стоять за национализацию, и если бы действительно осуществилась у нас в России в предстоящем перевороте демократическая республика, то вся, не только русская, но и международная, обстановка движения толкнула бы к национализации. Если же не осуществится это условие, то и тогда муниципализация окажется фикцией; тогда она может осуществиться разве лишь как новый вид выкупа. У тов. Джона стоит термин: отчуждение, а не конфискация, и, как видно было из его речи, этот термин выбран был им не случайно, а между тем термин этот просто кадетский, он предполагает что угодно, и с ним вполне мирится проектируемый кадетами выкуп. Пойдём дальше. Где гарантия от реставрации, спрашивал тов. Плеханов. Я не думаю, чтобы постановка этого вопроса находилась в тесной и неразрывной связи с разбираемой нами программой, но раз этот вопрос поставлен, на него надо дать вполне определённый и недвусмысленный ответ. Если говорить

о настоящей, вполне действительной экономической гарантии от реставрации, т. е. такой гарантии, которая бы создавала экономические условия, исключаящие реставрацию, то тогда придётся сказать: единственная гарантия от реставрации — социалистический переворот на Западе; никакой другой гарантии, в настоящем и полном смысле этого слова, быть не может. Вне этого условия, при всяком другом решении вопроса (муниципализация, раздел и т. п.) реставрация не только возможна, но прямо неизбежна. Я формулировал бы это положение в таких словах: русская революция может своими собственными силами победить, но она ни в коем случае не может своими собственными руками удержать и закрепить своих завоеваний. Она не может достигнуть этого, если на Западе не будет социалистического переворота; без этого условия реставрация неизбежна и при муниципализации, и при национализации, и при разделе, ибо мелкий хозяйчик, при всех и всяческих формах владения и собственности, будет опорой реставрации. После полной победы демократической революции мелкий хозяйчик неизбежно повернёт против пролетариата и тем скорее, чем скорее будут сброшены все общие враги пролетариата и хозяйчика, как-то: капиталисты, помещики, финансовая буржуазия и т. п. У нашей демократической республики нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата на Западе, и в этом отношении не надо упускать из виду, что классическая буржуазная революция в Европе, именно великая французская революция XVIII века, происходила совсем не при такой международной обстановке, при какой происходит русская революция. Франция конца XVIII века была окружена феодальными и полуфеодальными государствами. Россия XX века, совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией. Если такие сравнительно ничтожные явления, как обещание свободы в России царём 17-го октября, дали уже большой толчок движению пролетариата в Западной Европе, — если достаточно было австрийским рабочим получить телеграмму из Петербурга о пресловутом конституционном манифесте, чтобы заставить их сразу выйти на улицу, чтобы привести к ряду демонстраций и военных столкновений в крупнейших промышленных городах Австрии, то можно представить себе, как поведёт

себя социалистический международный пролетариат, если вести из России принесут ему не обещание свободы, а действительное осуществление её и полную победу революционного крестьянства. Если же поставить вопрос о гарантии от реставрации на иную почву, т. е. если говорить об относительной и условной гарантии от реставрации, то тогда придётся сказать следующее: условной и относительной гарантией от реставрации является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяческих примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца, и мой проект даёт максимум относительно гарантий против реставрации. Как непосредственный рычаг революционного крестьянского движения, как наиболее желательная форма его, выставлены в моём проекте крестьянские комитеты. Крестьянские комитеты, в переводе на простой язык, значит, призыв к тому, чтобы крестьяне сами немедленно и непосредственно расправились с чиновниками и помещиками самым решительным образом. Крестьянские комитеты — это значит — призыв к тому, чтобы угнетённый остатками крепостничества и полицейскими порядками народ расправился с этими остатками, как говорил Маркс, «по-плебейски». Тов. Плеханову эта предпосылка доведённой до конца революции, осуществляющей выбор чиновников народом, напомнила столь неприятный для него, как и для всех нас, конечно, анархизм, но в высшей степени странно, что выборы чиновников народом могут напомнить об анархизме; в высшей степени странно, что в такой момент, как настоящий, вопрос о выборе чиновников народом может или мог вызвать улыбку у какого бы то ни было социал-демократа, кроме разве Бернштейна. Именно теперь мы переживаем как раз такое время, когда этот лозунг — выбор чиновников народом — получает самое непосредственное, громадное практическое значение. Вся наша деятельность, пропаганда и агитация в крестьянских массах должна состоять в значительной степени в пропаганде, в распространении и разъяснении именно этого лозунга. Проповедовать крестьянскую революцию, говорить сколько-нибудь в серьёзном смысле слова об аграрной революции и не говорить вместе с тем о необходимости настоящего демократизма, т. е.,

между прочим, и выбора чиновников народом, — это вопиющее противоречие. Упрёк в анархизме по этому поводу напоминает мне лишь немецких бернштейнианцев, которые недавно, полемизируя с Каутским, упрекнули его в анархизме.

Мы должны прямо и определённо сказать крестьянину: если ты хочешь довести аграрную революцию до конца, то ты должен также довести и политическую революцию до конца; без доведения до конца политической революции не будет вовсе или не будет сколько-нибудь прочной аграрной революции. Без полного демократического переворота, без выбора чиновников народом у нас будут либо аграрные бунты, либо кадетские аграрные реформы. У нас не будет того, что заслуживало бы употреблённого Плехановым большого слова: крестьянская революция. Пойдём дальше. Муниципализация отводит широкую арену классовой борьбе, — говорил Плеханов; я постарался воспроизвести это утверждение его возможно более буквально и я должен решительно заявить, что это утверждение прямо-таки *неверно*; оно неверно ни в политическом, ни в экономическом смысле. При прочих равных условиях муниципалитет и муниципальное землевладение является несомненно более узкой ареной классовой борьбы, чем вся нация, чем национализация земли. Национализация земли при демократической республике создаёт безусловно самое широкое поприще для классовой борьбы — самое широкое, какое только возможно и какое только мыслимо вообще при существовании капитализма. Национализация означает уничтожение абсолютной ренты, понижение цен на хлеб, обеспечение максимальной свободы конкуренции и свободы проникновения капитала в земледелие. Муниципализация, наоборот, суживает общенациональную классовую борьбу, не очищая всех производственных отношений в земледелии от абсолютной ренты, разменивая наше общее требование на частные; муниципализация во всяком случае затушёвывает классовую борьбу. С этой точки зрения поставленный Плехановым вопрос может быть решён только в одном смысле. С этой точки зрения муниципализация безусловно не выдерживает критики. Муниципализация есть сужение и затушёвывание классовой борьбы. Следующее возражение Плеханова касается вопроса о захвате власти. Плеханов усмотрел у меня в проекте моей аграрной программы захват власти, и я должен сказать, что

идея захвата власти революционным крестьянством действительно имеется в моём проекте аграрной программы, но сводить эту идею к народовольческой идее захвата власти есть величайшая ошибка. В 70-х и 80-х годах, когда идея захвата власти культивировалась народовольцами, они представляли из себя группу интеллигентов, а на деле сколько-нибудь широкого, действительно массового революционного движения не было. Захват власти был пожеланием или фразой горсточки интеллигентов, а не неизбежным дальнейшим шагом развивающегося уже массового движения. Теперь, после октября, ноября и декабря 1905 года, после того, как широкие массы рабочего класса, полупролетарских элементов и крестьянства показали миру невиданные давно уже формы революционного движения, — теперь, после того, как борьба революционного народа за власть вспыхнула и в Москве, и на юге, и в Прибалтийском крае, — теперь сводить мысль о завоевании политической власти революционным народом к народовольчеству значит запаздывать на целых 25 лет, значит вычёркивать из истории России целый громадный период. Плеханов говорил: не нужно бояться аграрной революции. Именно эта боязнь завоевания власти революционным крестьянством и есть боязнь аграрной революции. Аграрная революция есть пустая фраза, если её победа не предполагает завоевания власти революционным народом. Без этого последнего условия это будет не аграрная революция, а крестьянский бунт или кадетские аграрные реформы. Я напому лишь, чтобы закончить рассмотрение этого пункта, что даже резолюция товарищей из меньшинства, напечатанная во 2-ом номере «Партийных Известий», говорит, что перед нами выдвигается теперь уже задача вырвать власть из рук правительства.

Выражение: «народное творчество», которого, кажется, нет в наших резолюциях, но которое употребил я, если верить памяти тов. Плеханова, в моей речи, кажется ему напоминанием о старых знакомых из народовольцев и социалистов-революционеров. Это воспоминание тов. Плеханова мне представляется опять-таки опаздыванием на 25 лет. Припомните то, что было в России в последней четверти 1905 г.: стачки, Советы рабочих депутатов, восстания, крестьянские комитеты, жел.-дор. комитеты и пр., — всё это свидетельствует именно о переходе народного движения

в форму восстания, всё это показывает несомненные зачатки органов революционной власти, и мои слова о народном творчестве имели совершенно определённое и конкретное содержание; они относились именно к этим историческим дням русской революции, они характеризовали именно этот приём борьбы не только против старой власти, а борьбы посредством революционной власти, приём, впервые применённый широкими массами русских рабочих и крестьян в знаменитые октябрьские и декабрьские дни. Если наша революция похоронена, тогда похоронены и эти зачаточные формы революционной власти крестьян и рабочих; если же не фраза ваши слова о крестьянской революции, если у нас будет действительно аграрная революция в настоящем значении этого слова, тогда мы увидим, несомненно, повторение октябрьских и декабрьских событий в неизмеримо более широких размерах. Революционная власть не интеллигентов, не группы заговорщиков, а рабочих и крестьян уже имела место в России, уже осуществилась на деле в ходе нашей революции. Она была раздавлена благодаря победе реакции, но если мы имеем действительное основание быть убеждёнными в подъёме революции, то мы неизбежно также должны ждать и подъёма, развития и успеха новых, ещё более решительных, ещё более связанных с крестьянством и пролетариатом органов революционной власти. Следовательно, Плеханов посредством избитого и смешного жупела «народовольчество» только увильнул от анализа октябрьско-декабрьских форм движения.

Наконец, рассмотрим ещё вопрос о гибкости и подкованности на 4 ноги моей программы. Я думаю, что и в этом отношении моя аграрная программа является наиболее удовлетворительной по сравнению со всеми остальными. Как быть, если дела революции пойдут плохо? Как быть, если без осуществления всех поставленных в моем проекте «если» нельзя будет говорить о доведении до конца нашей демократической революции? Тогда, несомненно, придётся считаться с теми условиями крестьянского хозяйства и крестьянского землепользования, которые имеются уже теперь. В этом отношении я сошлюсь на такое, крупнейшей важности, явление, как аренда. Ведь если говорить о том, что дело революции может пойти плохо, что она может и не дойти до конца, то в этом случае, несомненно, надо считаться с наличием

и неустранимостью такого явления, и у меня на этот худой случай, на этот случай отсутствия всех якобы утопических «если», задачи партии предусмотрены полнее, точнее и гораздо трезвее, чем у т. Маслова. Таким образом, моя программа даёт практические лозунги и при теперешних условиях крестьянского хозяйства и крестьянского землепользования и при наилучших перспективах дальнейшего развития капитализма. Т. Джон покушался сострить, что у меня в программе слишком много программ, что у меня есть и конфискация, и аренда, исключаящие друг друга; остроты тут не вышло, потому что конфискация помещичьих земель не исключает аренды, которая имеет место и на крестьянских землях. Следовательно, т. Плеханов был особенно не прав, когда он выдвигал свой особенно эффектный довод против меня. Не трудно, дескать, написать программу на случай, если всё обойдётся самым наилучшим образом. Такую-то программу всякий напишет, а ты вот напиши программу на тот случай, когда как раз не будет налицо наилучших условий. И я утверждаю в ответ на этот довод, что, именно в случае наихудшего возможного хода или исхода нашей революции, моя программа, говорящая о конфискации помещичьих земель и предусматривающая такие вопросы, как вопрос об аренде, является особенно трезвой и особенно хорошо подкованной, а вот, что касается тов. Джона, то его проект, ничего не говоря об этих наихудших условиях, т. е. об условиях отсутствия действительно проведённого политического демократизма, даёт нам лишь муниципализацию, а между тем муниципализация, без выборности чиновников народом, без уничтожения постоянной армии и т. д., представляет такую же опасность и даже ещё большую опасность, как и национализация. Вот почему я и настаиваю на постановке тех «если», которые так несправедливо осуждал Плеханов.

Итак, крестьяне не примут муниципализации. Т. Картвелов говорил, что на Кавказе крестьяне вполне соглашались с с.-р., но спрашивают при этом: вправе ли они будут продавать доставшуюся им при разделе или при социализации землю. Верно, т. Картвелов! Ваше наблюдение вполне соответствует крестьянским интересам вообще и крестьянскому пониманию своих интересов, но именно потому, что крестьяне всякие аграрные преобразования рассматривают с точки зрения того, вправе ли они будут

продавать доставшуюся им добавочную землю, именно поэтому крестьяне и будут безусловно против муниципализации, против земствозилизации. Крестьяне и до сих пор ещё смешивают земство с земским начальником и они имеют к этому гораздо более глубокие основания, чем предполагают величественные кадетские профессора права, смеющиеся над крестьянским невежеством. Поэтому, прежде чем говорить о муниципализации, необходимо, безусловно необходимо говорить о выборности чиновников народом. Теперь же, пока это демократическое требование не осуществлено, уместно лишь говорить о конфискации вообще, либо о разделе. Вот почему, в целях упрощения основного вопроса для съезда, я поступаю следующим образом: так как программа т. Борисова имеет ряд общих черт с моей программой и построена именно на разделе, а не на национализации, то я снимаю свою программу и предоставляю съезду высказаться по вопросу: раздел или муниципализация. Если вы отвергнете раздел, — или, может быть, вернее будет сказать, «когда» вы отвергнете раздел, — тогда мне, конечно, придётся снять свой проект, как безнадёжный, окончательно, если же вы примете раздел, то я внесу свою программу целиком, как поправку к проекту т. Борисова. Напомню ещё в ответ на упрёки, будто я навязываю крестьянам национализацию, что в моей программе есть «*вариант А*», в котором специально говорится об устранении всякой мысли о навязывании чего бы то ни было крестьянам против их воли. Следовательно, замена моего проекта проектом Борисова при первоначальном голосовании ровно ничего не изменит в сущности дела и только облегчит и упростит выяснение нам действительной воли съезда. По моему мнению, муниципализация ошибочна и вредна — раздел ошибочен, но не вреден.

Остановлюсь вкратце на этом различии: «разделисты» правильно истолковывают факты, но они не помнят изречения Маркса о старом материализме: «материалисты объясняли мир, а дело не только в том, чтобы объяснять его, но и в том, чтобы изменять мир». Крестьянин говорит: «земля божья, земля народная, земля ничья». «Разделисты» объясняют нам, что он говорит это не сознательно, что он говорит одно, а думает другое. Действительные стремления крестьян, говорят они, состоят всецело и исключительно в прибавке земли крестьянам, в увеличении

мелкого хозяйства и ни в чём больше. Всё это совершенно верно. Но наше разногласие с «разделистами» и тут не кончается, а только начинается. Именно этими словами крестьян, несмотря на всю их экономическую несостоятельность или бессодержательность, мы должны пользоваться, как зацепками для пропаганды. Ты говоришь, что землёй должны пользоваться все? Ты хочешь отдать землю народу? Прекрасно, но что значит дать землю народу? Кто распоряжается народным достоянием и народным имуществом? Чиновники, Треповы. Хочешь ли ты отдать землю Трепову и чиновникам? Нет. Всякий крестьянин скажет, что им он отдать земли не хочет. Хочешь ли отдать землю Петрункевичам и Родичевым, которые, может быть, будут заседать в муниципальном самоуправлении? Нет. Крестьянин, наверно, не захочет отдать землю этим господам. Следовательно, — разъясним мы крестьянам, — для того, чтобы земля могла быть отдана всему народу с пользой для крестьян, необходимо, чтобы была обеспечена выборность всех чиновников, без исключения, народом. Следовательно, выставляемый мною проект национализации, обусловленной полным обеспечением демократической республики, даёт как раз правильную линию поведения нашим пропагандистам и агитаторам, показывая им ясно и наглядно, что разбор земельных требований крестьян должен служить почвой для политической и в частности именно республиканской пропаганды. Крестьянин Мишин, напр., который выбран депутатом в Думу от ставропольских крестьян, привёз наказ от выборщиков, напечатанный полностью в «Русском Государстве». В этом наказе требуется и отмена земских чиновников, и устройство элеваторов, и передача всех земель в казну. Требование такой передачи есть несомненно реакционный предрассудок, ибо казна настоящей и завтрашней конституционной России есть казна полицейского, военного деспотизма, но это требование мы должны не просто отбросить, как вредный предрассудок, мы должны «зацепиться» за него, чтобы истолковать Мишину и ему подобным, как стоит дело по существу. Мы должны сказать Мишину и ему подобным, что требование передачи земли в казну выражает, хоть и очень плохо, чрезвычайно важную и полезную для крестьян идею. Передача земли в казну может быть очень полезна крестьянам и будет очень полезна им исключительно тогда, когда государство станет

вполне демократической республикой, когда будет полностью проведена выборность чиновников, уничтожена постоянная армия и т. д. Вот по всем этим причинам я и думаю, что если вы отвергнете национализацию, то вызовете этим неизбежно такие же ошибки наших практиков, пропагандистов и агитаторов, какие вызвали мы своей ошибочной отрезочной программой 1903 г. Как тогда наши отрезки толковали более узко, чем понимали их авторы этого пункта, так и теперь отрицание национализации и замена этого требования разделом, не говоря уже о совсем путаной муниципализации, приведёт неизбежно к такому ряду ошибок наших практиков, пропагандистов и агитаторов, что нам очень скоро придётся пожалеть о принятой нами «раздельнической» или муниципализаторской программе.

Закончу повторением ещё раз двух своих основных тезисов: во-первых, муниципализации никогда не захотят крестьяне; во-вторых, муниципализация без демократической республики, без выборности чиновников народом — вредна.

10–25 апреля (23 апреля — 8 мая) 1906 г.

Впервые напечатано в 1907 г. в книге:

**«Протоколы Объединительного съезда РСДРП,
состоявшегося в Стокгольме в 1906 г.», Москва**

Печатается по тексту книги

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ВООРУЖЁННОМ ВОССТАНИИ

Один товарищ заметил недавно, что мы собираем агитационный материал против решений съезда. Я ответил на это тогда же, что называть так именные голосования более чем странно. Всякий не довольный решениями съезда всегда будет агитировать против них. Тов. Воробьёв сказал, что с нами, «большевиками», «меньшевики» не могут работать в одной партии. Я рад, что первым заговорил на эту тему именно т. Воробьёв. Что его слова послужат «агитационным материалом», я не усомнился бы. Но важнее, конечно, агитационный материал по принципиальным вопросам. И лучшего агитационного материала против настоящего съезда, чем резолюция ваша против вооружённого восстания, мы бы не могли себе и представить.

Плеханов говорил о необходимости хладнокровного обсуждения столь важного вопроса. Это тысячу раз верно. Но хладнокровное обсуждение сказывается, конечно, не в отсутствии дебатов перед съездом и на съезде, а в действительно хладнокровном, деловом содержании резолюций, подлежащих обсуждению. И именно, с этой стороны, особенно поучительно сравнение обеих резолюций. Не полемика не нравится нам в резолюции «меньшевиков», — Плеханов совершенно неверно понял слова тов. Винтера на этот счёт, — нам не полемика не нравится, а мелкая, мелочная полемика, проникающая резолюцию «меньшевиков». Возьмите вопрос об оценке опыта прошлого, о критике движения пролетариата сознательной выразительницей движения пролетариата, социал-демократией. Критика и «полемика» тут обязательны, но только открытая, прямая, явная и ясная критика, а не придирка, не уколы, не интеллигентские шпильки. И вот, наша резолюция, подводя научным образом итоги последнего года, критикует прямо: мирная стачка показала себя «растрачивающей силы», она

отживает своё время. Восстание становится главной, стачка — подсобной формой борьбы. Возьмите резолюцию «меньшевиков». Вместо хладнокровного обсуждения, вместо учёта опыта, вместо изучения соотношения стачки и восстания вы видите скрытое, мелочно скрытое отречение от декабрьского восстания. Взгляд Плеханова: «не нужно было браться за оружие» всецело проникает всю вашу резолюцию (хотя большинство русских «меньшевиков» заявляло о несогласии с Плехановым). Тов. Череванин своей речью бесподобно выдал себя, когда для защиты резолюции «меньшевиков» должен был представлять декабрьское восстание как безнадежное проявление «отчаяния», как восстание, никакой возможности вооружённой борьбы не доказавшее.

Каутский, как вы знаете, высказался иначе. Он признал, что декабрьское восстание в России заставляет «пересмотреть» взгляд Энгельса о невозможности баррикадной борьбы, что декабрьское восстание есть *начало* новой тактики. Само собой разумеется, что взгляд К. Каутского может быть ошибочен, что «меньшевики» могут быть более правы. Но, если мы ценим «хладнокровное» обсуждение и серьёзную, а не мелочную критику, мы обязаны прямо и явно выразить в резолюции своё мнение: «не нужно было браться за оружие», но непозволительно выразить этот взгляд в резолюции скрыто, без прямой формулировки его. Вот это мелкое, прикрытое дезавуирование декабрьского восстания, не обоснованное ни малейшей критикой прошлого опыта, и есть основной и громадный недостаток вашей резолюции. Этот недостаток её и даёт громадный агитационный материал против такой резолюции, которая в сущности клонит ко взгляду тов. Акимова, лишь пряча его острые углы.

Первый пункт вашей резолюции грешит тем же недостатком. Начинается этот пункт *фразой*, ибо «тупое упорство» есть свойство всех реакционных правительств, но из этого одного необходимость и неизбежность восстания отнюдь ещё не вытекает. «Выврать власть» — то же, что «захватить власть», и забавно, что спорившие против второго термина приняли первый. Они обнаружили этим бессодержательность своей декламации против народовольчества и т. п. Предложение Плеханова сказать вместо «выврать власть» «выврать свои права» особенно неудачно, ибо даёт уже чисто кадетскую формулировку. Главное

же, повторяю, то, что к вопросу о «вырывании власти» и о вооружённом восстании ваша резолюция подходит не на основании изучения и учёта опыта прошлого и фактических данных о росте движения, а на основании ничем не доказанных и недоказуемых общих мест.

10–25 апреля (23 апреля — 8 мая) 1906 г.

Впервые напечатано в 1907 г. в книге:

***«Протоколы Объединительного съезда РСДРП,
состоявшегося в Стокгольме в 1906 г.», Москва***

Печатается по тексту книги

Вычитал: Воробьёв Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

ОБРАЩЕНИЕ К ПАРТИИ ДЕЛЕГАТОВ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО СЪЕЗДА, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ К БЫВШЕЙ ФРАКЦИИ «БОЛЬШЕВИКОВ»

Товарищи!

Объединительный съезд РСДРП состоялся. Раскола нет более. Не только прежние фракции «большевиков» и «меньшевиков» организационно слились вполне, но и достигнуто объединение РСДРП с польской социал-демократией, подписано объединение с латышской и предreshено объединение с еврейской, т. е. «Бундом». Политическое значение этих фактов было бы при всяких условиях очень велико, оно становится поистине громадным ввиду переживаемого исторического момента.

Вся судьба великой российской революции решится, по-видимому, в ближайшем будущем. Пролетариат, ведущий за собою широкие массы городской и деревенской бедноты, идёт во главе революции с первого её момента до сих пор. Ввиду предстоящих грозных, решающих событий народной борьбы всего важнее достигнуть практического единства сознательного пролетариата всей России, всех её национальностей. В такую революционную эпоху, как переживаемая, всякие теоретические ошибки и тактические отклонения партии критикуются всего беспощаднее самой жизнью, просвещающей и воспитывающей рабочий класс с неданной быстротой. В такое время — долг всякого социал-демократа стремиться к тому, чтобы идейная борьба внутри партии по вопросам теории и тактики велась как можно более открыто, широко и свободно, но чтобы она ни в каком случае не нарушала и не затрудняла единства революционных выступлений социал-демократического пролетариата.

Великая российская революция стоит накануне поворотного пункта. Борьба всех классов буржуазной России против самодержавия привела к бумажной конституции. Часть буржуазии вполне удовлетворилась этим и отвернулась от революции. Другая часть, желая идти дальше, обманывает себя надеждами на «конституционный» путь борьбы и готова в избирательной победе шаткой и лицемерной буржуазной партии кадетов видеть серьёзную победу народной свободы.

Широкая масса крестьянства, борющаяся самоотверженно против старой, крепостнической России, против всевластия чиновников и кабалы помещиков, остаётся на стороне революции, но она далеко ещё не вполне сознательна. Мало сознательна и революционно-демократическая часть мелкой буржуазии городов. Только пролетариат, геройски бившийся за свободу в октябре, взявшийся за оружие ради её защиты в декабре, только пролетариат является по-прежнему до конца революционным классом, который, собирая новые силы, сознательно готовится теперь к новому, ещё более великому бою.

Царское правительство с циничной откровенностью ведёт свою игру в конституцию. Оно сохраняет за собою свою старую власть, оно продолжает и усиливает преследования борцов за свободу, оно явно хочет сделать из Думы пустую говорильню — ширму для самодержавия, орудие обмана для народа. Увенчается ли эта тактика успехом — это решится в самом близком будущем, решится исходом нового революционного взрыва, который теперь назревает.

Если пролетариат всей России тесно сплотится, если он сумеет поднять за собою все действительно революционные, способные на борьбу, а не на сделки слои народа, если он хорошо приготовится к бою и верно выберет момент для окончательной битвы за свободу, — тогда победа останется за ним. Тогда царю не удастся его издевательская игра с конституцией, тогда буржуазии не удастся сделка с самодержавием, тогда российская революция не будет такой неоконченной и половинчатой, на три четверти бесплодной для интересов рабочего класса и крестьянства, как революции XIX века в Западной Европе. Тогда это будет действительно великая революция, — полная победа народного восстания освободит буржуазную Россию от всех старых

пут и, может быть, откроет эпоху социалистических революций на Западе.

Стремясь к полной демократической революции, социал-демократия должна во всей своей работе считаться с неизбежностью нового революционного взрыва. Мы должны беспощадно разоблачать конституционные иллюзии, поддерживаемые и правительством, и буржуазией в лице её либеральной партии — кадетов; мы должны призвать революционное крестьянство к сплочению во имя полной победы крестьянского восстания; мы должны разъяснять широким массам великое значение первого декабрьского восстания и неизбежность нового восстания, которое одно только будет в состоянии действительно отнять власть у царского самодержавия, действительно передать её народу. Таковы должны быть основные задачи нашей тактики в данный исторический момент.

Мы не можем и не должны замалчивать того факта, что, по нашему глубокому убеждению, Объединительный съезд партии не вполне правильно понял эти задачи. В трёх важнейших резолюциях съезда определённо обнаруживаются ошибочные взгляды прежней фракции «меньшевиков», численно преобладавшей на съезде.

В аграрной программе съезд принципиально принял «муниципализацию». Муниципализация означает — собственность крестьян на надельные земли и аренду крестьянами переданных земствам помещичьих земель. В сущности это нечто среднее между настоящей аграрной революцией и кадетской аграрной реформой. Крестьяне не примут такого плана. Они потребуют либо прямого раздела земли, либо перехода всех земель в собственность народа. Серьёзной демократической реформой муниципализация могла бы явиться лишь в случае полного демократического переворота, при республиканском строе с выборностью чиновников народом. Мы и предлагали съезду, по крайней мере, связать муниципализацию с этими условиями, — но съезд отклонил наше предложение. А без этих условий муниципализация, как реформа либерально-чиновническая, даст крестьянам совсем не то, что им надо, и в то же время доставит новую силу, новое влияние господствующим в земствах буржуазным антипролетарским элементам, отдавая фактически в их руки распределение

фонда земель. Мы должны разъяснить этот вопрос широким массам рабочих и крестьян.

В своей резолюции о Государственной думе съезд признал желательным создать в этой Думе парламентскую фракцию с.-д. Съезд не пожелал считаться с тем фактом, что 1/10 сознательных рабочих России, в том числе все польские, латышские, еврейские с.-д. пролетарии, бойкотировали эту Думу. Съезд отклонил предложение обусловить участие в выборах возможностью действительно широкой агитации среди масс. Он отклонил предложение о том, чтобы членами парламентской фракции с.-д. могли быть только те, кого рабочие организации выставили кандидатами в Государственную думу. Съезд, таким образом, вступил на путь парламентаризма, не оградив партию даже теми гарантиями, которые выработал в этом отношении опыт революционной социал-демократии в Европе.

Как соц.-демократы, мы, конечно, признали принципиальную обязательность использовать парламентаризм в качестве орудия пролетарской борьбы; но весь вопрос в том, допустимо ли участие социал-демократии при данных условиях и в таком «парламенте», как наша Дума? Допустимо ли учреждение парламентской фракции без социал-демократических, рабочими организациями выбранных парламентариев? Мы полагаем, что нет.

Съезд отклонил предложение поставить одной из задач партии борьбу с игрой в конституцию, борьбу с конституционными иллюзиями. Съезд не высказался о двойственной природе господствующей в Думе «кадетской» партии, в которой так сильны стремления к сделке с самодержавием, к притуплению и прекращению революции. Съезд чрезмерно поддался впечатлению минутного и мишурного успеха партии буржуазных соглашателей самодержавия с народной свободой.

В резолюциях о вооружённом восстании съезд также не дал того, что было необходимо: прямой критики ошибок пролетариата, ясной оценки опыта октября — декабря 1905 г., — хотя бы попытки изучить соотношение стачки с восстанием; вместо всего этого в резолюциях преобладают какие-то робкие отговорки от вооружённого восстания. Съезд не сказал рабочему классу открыто и ясно, что декабрьское восстание было ошибкой; но в то же время в прикрытой форме съезд осудил декабрьское восстание.

Мы думаем, что таким способом можно скорее затемнить, чем прояснить революционное сознание пролетариата.

Против тех решений съезда, которые мы считаем ошибочными, мы должны и мы будем идейно бороться. Но при этом мы заявляем перед всей партией, что мы — против всякого раскола. Мы стоим за подчинение решениям съезда. Отрицая бойкот Центрального Комитета и ценя совместную работу, мы согласились на вступление в ЦК наших единомышленников, хотя они будут там в ничтожном меньшинстве. По нашему глубокому убеждению, рабочие социал-демократической организации должны быть едины, но в этих единых организациях должно широко вестись свободное обсуждение партийных вопросов, свободная товарищеская критика и оценка явлений партийной жизни.

В организационном вопросе мы разошлись только относительно прав редакции Центрального Органа. Мы отстаивали право ЦК назначать и сменять редакцию ЦО. Мы все сошлись на принципе демократического централизма, на обеспечении прав всякого меньшинства и всякой лояльной оппозиции, на автономии каждой партийной организации, на признании выборности, подотчётности и сменяемости всех должностных лиц партии. В соблюдении на деле этих принципов организации, в их искреннем и последовательном осуществлении мы видим гарантию от расколов, гарантию того, что идейная борьба в партии может и должна оказаться вполне совместимой со строгим организационным единством, с подчинением всех решениям общего съезда.

К такому подчинению и к такой идейной борьбе мы зовём всех наших единомышленников: к внимательной оценке решений съезда мы приглашаем всех членов партии. Революция учит, — и мы верим, что практическое единство борьбы с.-д. пролетариата всей России предохранит нашу партию от роковых ошибок во время развязки грядущего политического кризиса. В боевой момент сами события подскажут рабочим массам правильную тактику. Приложим все усилия к тому, чтобы наша оценка этой тактики содействовала осуществлению задач революционной социал-демократии, чтобы рабочая партия не уклонялась с пролетарски-выдержанного пути под влиянием погони за мишурным успехом, — чтобы социалистический пролетариат до конца довёл свою великую роль передового бойца за свободу!

Написано 25–26 апреля (8–9 мая) 1906 г.

Напечатано отдельным листком

Печатается по тексту листка

Вычитал: Воробьев Евгений Валентинович, слесарь

Проверил: Садовский Андрей Андреевич, инженер

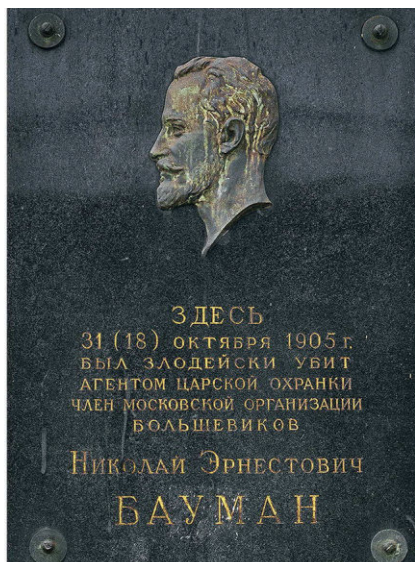
Бауман Николай Эрнестович
(Сарафский, Сорокин)
(1873–1905)

Профессиональный революционер, выдающийся деятель большевистской партии. Революционную деятельность начал в первой половине 90-х годов в Казани; в 1896 году активно участвовал в работе петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», вёл пропаганду среди рабочих в Нарвском районе. В 1897 году был арестован и после 22-месячного заключения в Петропавловской крепости сослан в Вятскую губернию; в октябре 1899 года эмигрировал в Швейцарию, вошёл в «Союз русских социал-демократов за границей», принял активное участие в борьбе с «экономизмом». В 1900 году был одним из основателей организации «Искры», как её агент в 1901–1902 годах работал в Москве; в феврале 1902 года был арестован, 18 (31) авгу-

ста вместе с группой социал-демократов бежал из Лукьяновской тюрьмы в Киеве. На II съезде РСДРП — делегат от Московского комитета, искровец большинства. В декабре 1903 года вернулся в Москву, возглавил Московский комитет партии и одновременно руководил Северным бюро ЦК партии, организовал у себя на квартире нелегальную типографию. В июне 1904 года был арестован, в октябре 1905 года освобождён; 18 (31) октября во время организованной Московским комитетом демонстрации был убит черносотенцем. Похороны Баумана превратились в грандиозную народную демонстрацию. В газете «Пролетарий» № 24 был помещён некролог памяти Н. Э. Баумана, написанный В. И. Лениным, некролог размещён в этом томе.

Похороны Н. Е. Баумана 20 окт. 1905 г.

Пётр Петрович Шмидт
(1867–1906)

Лейтенант Черноморского флота, революционер-демократ, один из руководителей севастопольского восстания 1905 года. Своими выступлениями против самодержавия на митингах и демонстрациях в октябре 1905 года завоевал большую популярность среди матросов и рабочих; был избран рабочими пожизненным депутатом Севастопольского Совета рабочих депутатов. Вскоре был арестован. После непродолжительного заключения освобождён по требованию масс, но уволен из флота. Во время севастопольского восстания в ноябре 1905 года принял командование крейсером «Очаков», а затем объявил себя командующим флотом. После поражения восстания по приговору царского суда был расстрелян. О нем идёт речь в статье «Войско и революция».

Матросы крейсера «Очаков»

Крейсер Очаков после ноябрьского восстания 1905 г.

Крейсер «Очаков»

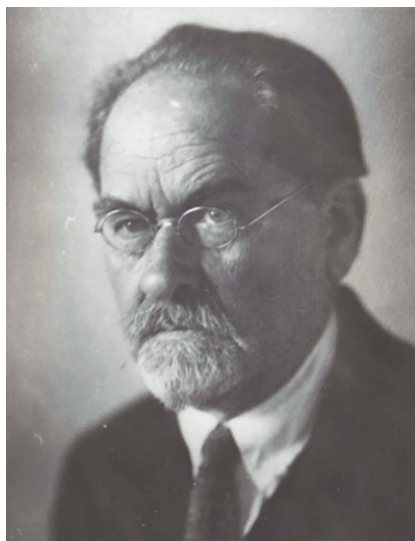
Карикатура на Государственную Думу

Ленин пишет о Думе в статье «Ко всем рабочим и работницам города Петербурга и окрестностей» так: «Это — не народная, а полицейская и помещичья Дума. Выборы назначены не поровну от всех, а подстроены так, чтобы помещики и крупные капиталисты имели полный перевес над рабочими и крестьянами. Из всего рабочего класса три четверти совсем лишены права выборов, а остальную четверть приглашают выбирать с просевкой депутатов через три сита, чтобы сначала выбирали уполномоченных, а уполномоченные выборщиков, а выборщики (числом всего 24) должны вместе с помещиками и капиталистами (числом более ста) выбирать членов Думы... Для чего устроена эта просевка через три и четыре сита? Для того, чтобы рабочие и крестьяне не могли провести в Думу своих настоящих выборных. Для того, чтобы не могли попасть в Думу люди, стоящие за рабочих и крестьян. Для того, чтобы народными представителями могла назвать себя кучка черносотенных помещиков и капиталистов, грабящих при помощи полиции весь рабочий народ.»

Гучков Александр Иванович
(1862–1936)

Крупный русский капиталист, организатор и лидер буржуазно-помещичьей партии октябристов. В период революции 1905–1907 годов резко выступал против революционного движения, солидаризируясь с правительственной политикой беспощадных репрессий по отношению к рабочему классу и крестьянству. В годы реакции — председатель Комиссии государственной обороны и председатель III Государственной думы. Во время первой мировой войны был председателем Центрального Военно-промышленного комитета и членом Особого совещания по обороне. После Февральской революции 1917 года — военный и морской министр первого состава Временного правительства, выступал за продолжение войны до победного конца. В августе 1917 года лично участвовал в организации корниловского мятежа, был арестован на фронте, но освобождён Временным правительством. После Октябрьской социалистической революции активно боролся против Советской власти, белоэмигрант. Упоминается в статье «Победа кадетов и задачи Рабочей партии».

Маслов Пётр Павлович
(Джон, Икс) (1867–1946)

Экономист, социал-демократ, автор ряда работ по аграрному вопросу, в которых пытался ревизовать марксизм; сотрудничал в журналах «Жизнь», «Начало» и «Научное Обозрение». После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам, выдвинул меньшевистскую программу муниципализации земли. На IV (Объединительном) съезде РСДРП выступал от меньшевиков с докладом по аграрному вопросу, был избран съездом в редакцию ЦО. В годы реакции — ликвидатор, в период первой мировой войны — социал-шовинист. После Октябрьской социалистической революции отошел от политической деятельности, занимался педагогической и научной работой. С 1929 года — действительный член Академии наук СССР. Упоминается в брошюре «Пересмотр Аграрной программы Рабочей партии».

Милюков Павел Николаевич
(1859–1943)

«Речь». Член III и IV Государственной думы. После Февральской революции 1917 года — министр иностранных дел в первом составе буржуазного Временного правительства, проводил империалистическую политику войны «до победного конца»; в августе 1917 года принимал активное участие в подготовке контрреволюционного корниловского мятежа. После Октябрьской социалистической революции стал одним из организаторов иностранной военной интервенции против Советской России и активным деятелем белой эмиграции. С 1921 года издавал в Париже газету «Последние Новости». Упоминается в статье «Победа кадетов и задачи Рабочей партии».

Лидер либерально-монархической партии кадетов, видный идеолог русской империалистической буржуазии, историк и публицист. С 1886 года — приват-доцент Московского университета; в своих исторических исследованиях — субъективный идеалист и эклектик, отрицал закономерность исторического процесса. Политическую деятельность начал в первой половине 90-х годов; с 1902 года активно сотрудничал в издававшемся за границей журнале буржуазных либералов «Освобождение». В октябре 1905 года — один из основателей партии кадетов, затем председатель её ЦК и редактор центрального органа — газеты

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редакторской группы	3
---------------------------------------	---

1905 год

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА	5
РАВНОВЕСИЕ СИЛ	9
ПЕРВЫЕ ИТОГИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГРУППИРОВКИ	11
ИСТЕРИКА ПОТЕРПЕВШИХ ПОРАЖЕНИЕ	19
ПЕРВАЯ ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ	23
НИКОЛАЙ ЭРНЕСТОВИЧ БАУМАН	31
МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЙ И ПРОЛЕТАРСКИЙ СОЦИАЛИЗМ	33
МЕЖДУ ДВУХ БИТВ	43
НАШИ ЗАДАЧИ И СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ	53
ПРИБЛИЖЕНИЕ РАЗВЯЗКИ	63
О РЕОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ	71
ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО	81

ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРТИЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	85
ВОЙСКО И РЕВОЛЮЦИЯ.....	91
УЧИТЕСЬ У ВРАГОВ	95
РЕВОЛЮЦИОННАЯ КАНЦЕЛЯРЩИНА И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДЕЛО	97
УМИРАЮЩЕЕ САМОДЕРЖАВИЕ И НОВЫЕ ОРГАНЫ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ.....	101
СОЦИАЛИЗМ И АНАРХИЗМ.....	107
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И БЕСПАРТИЙНАЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ.....	111
СОЦИАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ	119
ЭТАПЫ, НАПРАВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕВОЛЮЦИИ	125

1906 год

БОЙКОТИРОВАТЬ ЛИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ? ...	127
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА	131
СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ И ТАКТИКА РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.....	141
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОБЩЕГОРОДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП.....	149
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОБЩЕГОРОДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП (II).....	155

КО ВСЕМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА И ОКРЕСТНОСТЕЙ	161
РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП О ТАКТИКЕ БОЙКОТА	165
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА ...	169
ТАКТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА К ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМУ СЪЕЗДУ РСДРП	181
ПЕРЕСМОТР АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ	197
ПОБЕДА КАДЕТОВ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ	223
ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД РСДРП	295
ОБРАЩЕНИЕ К ПАРТИИ ДЕЛЕГАТОВ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО СЪЕЗДА, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ К БЫВШЕЙ ФРАКЦИИ «БОЛЬШЕВИКОВ»	311

Владимир Ульянов (Ленин)
ОСНОВНОЕ В ЛЕНИНИЗМЕ

Печатается по Полному собранию сочинений
В. И. ЛЕНИН, том 12 (октябрь 1905 ~ апрель 1906), изд. 5-е
Издательство политической литературы
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва, 1972.

РЕДАКТОРСКАЯ ГРУППА

Андрей Раскатов, Евгений Воробьёв, Екатерина Богатырёва, Андрей Алымов,
Андрей Садовский, Константин Черняховский, Марат Удовиченко,
Юлия Опарина, Виталий Евстигнеев.
Художественное оформление серии Екатерины Симуни.

КОНТАКТЫ

svobonoev
kurs.kommunizma
communism.university

SVremya
narcompros
lenin_speaking

Svremya

**КУПИТЬ
И СКАЧАТЬ**

ВИДЕО

РЕСУРСЫ

Все права на данную книгу серии «СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ» принадлежат
Фонду Рабочей Академии,
а также всем участникам редакторской группы книги.

Подписано в печать 12.12.2024.
Формат 60х88/16. Печать офсетная.
Издатель Англинова Л. Н.
194358, Санкт-Петербург, ул. Николая Рубцова, д. 9
Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, оф. 14
www.litobook.ru info@litobook.ru
+7 (812) 712-02-08